

Е.Г. Кашицына, М.Г. Милютина

РАВНОВЕСИЕ БЕЗДН И ВЕРШИН

**ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ
АНТОНИМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ
В ПРОЗЕ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ**

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
Институт языка и литературы

Е.Г. Кашицына, М.Г. Милютина

РАВНОВЕСИЕ БЕЗДН И ВЕРШИН

**ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ
АНТОНИМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ
В ПРОЗЕ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ**

Монография

Ижевск
2025

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2=411.2)6-8
К312

Рекомендовано к изданию редакционно-издательским советом УдГУ

Рецензенты: д-р филол. наук, профессор, профессор каф. теории и практики английского языка ин-та филологии, журналистики и межкультурной коммуникации ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

Н.Б. Боева-Омелечко,

канд. филол. наук, доцент, доцент каф. русского языка, теоретической, прикладной лингвистики и русского языка как иностранного ин-та языка и литературы ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

Т.Н. Фомина.

Кашицына Е.Г., Милютина М.Г.

К312 Равновесие бездн и вершин. Особенности организации антонимической системы в прозе М.И. Цветаевой : монография / Е.Г. Кашицына, М.Г. Милютина. – Ижевск : Удмуртский университет, 2025. – 234 с.

ISBN 978-5-4312-1275-8

DOI:10.35634/978-5-4312-1275-8-2025-1-234

В монографии рассматриваются особенности организации антонимической системы, представленной в поэтической прозе М.И. Цветаевой на уровне антонимической парадигмы, антонимического блока и антонимического поля. Подробно описываются теоретико-методологические проблемы изучения антонимии на современном этапе развития лингвистики и индивидуально-авторские типы антонимов.

Монография представляет интерес для всех, кто интересуется творчеством М.И. Цветаевой. Она может оказаться полезной для специалистов, занимающихся проблемами лексической семантики и стилистики художественного текста.

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2=411.2)6-8

ISBN 978-5-4312-1275-8

DOI: 10.35634/978-5-4312-1275-8-2025-1-234

© Кашицына Е.Г., Милютина М.Г., 2025

© ФГБОУВО«Удмуртский

государственный университет», 2025

ПРЕДИСЛОВИЕ

Несмотря на большое количество работ, посвящённых изучению творчества Марины Цветаевой, её наследие не перестаёт привлекать учёных и удивлять их всё новыми гранями, открывающимися пытливому уму исследователя. Особый интерес представляет цветаевская проза, разножанровая, многогранная, отличающаяся афористичностью и поэтичностью (такую прозу так и называют – «поэтическая проза»).

Вся проза М. Цветаевой (включая дневники и письма) по своей сути является её «творческой лабораторией», которая организована по законам парадокса. Эта лаборатория стала плацдармом для смелых экспериментов над языком, позволивших воплотить М. Цветаевой её творческое кредо – осмыслять и описывать мир с опорой на противоречие, используя смысловой контраст. Своё пристрастие к противоречивому изображению действительности М. Цветаева хорошо осознавала, обозначив его в «Доме у Старого Пимена» как «неизбежность контраста».

Эта книга – плод совместных усилий двух авторов, один из которых защитил в 2019 году по теме, близкой к обозначенной в заглавии, кандидатскую диссертацию, а второй являлся его научным руководителем. Обоих – учителя и ученика – объединила любовь к творчеству М. Цветаевой, стремление понять её пристрастие к контрастам и объяснить, как работает механизм, приводящий его в действие. Поэтому данная работа посвящена описанию антонимической системы в прозаических текстах М. Цветаевой, представленной на разных уровнях её организации, а именно: на уровне антонимической парадигмы, на уровне антонимического блока-композиции, а также на уровне антонимического семантического поля.

ВВЕДЕНИЕ

*Такое «диссонирующее» равновесие бездн и вершин,
такое взаимопритяжение миров и антимиров
в её (М.Цветаевой. – Е.К., М.М.) внутренней вселенной*
А. Эфрон

По мнению К.В. Гудковой, противоположные слова отражают свойство человеческого мышления поляризовать опыт, т.е. являются средством категоризации действительности [Гудкова, 2012, с. 68]. Поэтому, очевидно, интерес к изучению антонимии в современном языкознании не угасает.

К настоящему времени проделана огромная работа по изучению природы антонимов и установлению их типов; выявлению критериев антонимичности языковых единиц; составлению словарей антонимов разного типа, в том числе идеографических; описанию их функционально-стилистических особенностей; раскрытию лингвистической специфики лексико-семантических групп антонимов на материале разных языков; выяснению факторов образования окказиональных антонимов; установлению типов контекстов, способствующих регулярному противопоставлению антонимов в речи, осмыслению взаимодействия антонимии, полисемии и синонимии, а также текстовых функций антонимических единиц.

Значительный вклад в изучение антонимии внесли Ю.Д. Апресян [Апресян, 1974], Н.Б. Боева-Омелечко [Боева-Омелечко 2001, 2007, 2008, 2012, 2013], Л.А. Введенская [Введенская, 1966, 2008], В.А. Иванова [Иванова, 1982], В.Н. Комиссаров [Комиссаров, 1957, 1964], Н.П. Колесников [Колесников, 1972], Дж. Лайонз [Лайонз, 1978], М.Р. Львов [Львов, 1970, 1984], Е.Н. Миллер [Миллер, 1981], М.Л. Мёрфи [Murphy, 2003], Л.А. Новиков [Новиков, 1973-1, 1966], М.М. Халиков [Халиков, 1983], Ю.В. Федосов [Федосов, 2002], а также ряд других ученых.

Если на первых порах исследователей интересовали преимущественно языковые (лексические) антонимы, их классификация и лексикографическая работа, связанная с их описанием, то для современной лингвистики более актуальной является проблема исследования речевых (прагматических) антонимов. Обращение к речевому аспекту изучения семантических проблем обозначилось в целом ряде работ по семасиологии, в частности, новый ключ к осмыслению привычной проблематики был найден в известной работе И.А. Стернина «Лексическое значение слова в речи» [Стернин, 1985]. Не случайно, исследователи отмечают кардинальный поворот в осмыслении антонимии – от общезыкового плана к конкретно-речевому, расширяющему предметную область их научного изучения [Вежбински, 1983].

Особый интерес вызывают антонимы, функционирующие в художественном тексте и публицистике, поскольку в этой речевой стихии «смысловые расхождения слов проявляются шире, активнее, ярче, чем в речи общеупотребительной» [Сазонова, 2011, с. 6], а сама речевая среда представляет собой контекст особого типа, являющийся «механизмом создания текстовой культуры» [Толстая, 2010, с. 3]. В этой связи анализ функционирования антонимов в условиях авторского идиолекта, созданного такой уникальной языковой личностью, как М.И. Цветаева, представляется актуальным.

Творчество М. Цветаевой даёт богатейший материал для изучения, что послужило причиной появления большого количества научно-исследовательских работ. По наблюдениям таких исследователей, как В.А. Рождественский [Рождественский, 1962], Л.В. Зубова [Зубова, 1989, 1999, 2017], О.Г. Ревзина [Ревзина, 1995], И. Кудрова [Кудрова, 1992, 1997], Н.С. Болотнова [Болотнова, 1994, 2009], М.Л. Гаспаров [Гаспаров, 1995, 1997, 2001], С.А. Ахмадеева [Ахмадеева, 1998], И.И. Бабенко [Бабенко, 2001], Н.М. Вахтель [Вахтель, 2002] и др., М.И. Цветаева создала свой уникальный поэтический язык.

Внимание филологов в первую очередь оказалось сосредоточено на поэзии М. Цветаевой. Об этом свидетельствуют работы

О.Г. Ревзиной [Ревзина, 1996, 1998, 1999, 2009], Н.С. Валгиной [Валгина, 1978], Л.В. Зубовой [Зубова, 1987, 1999, 2017] и целого ряда других исследователей. В некоторых из указанных работ представлены отдельные интересные замечания об антонимах. В диссертации О.Л. Кабаниной «Контраст как лексическая регулятивная универсалия в поэзии М.И. Цветаевой», написанной в 2022 году, представлена типология смысловых антонимических текстовых парадигм в поэзии М.И. Цветаевой, а также показана динамика и эволюция этих парадигм в творчестве поэта [Кабанина, 2022].

Проза М. Цветаевой, которую принято называть «поэтической», с лингвистической точки зрения изучена в гораздо меньшей степени. В последнее время работа в этом направлении активизировалась, появилась монография М.В. Ляпон «Проза Цветаевой. Опыт реконструкции речевого портрета автора» (2010), в которой освещается проблема парадоксальности цветаевского мышления, ряд кандидатских и докторских диссертаций: А.А. Дударевой [Дударева, 2002], Е.В. Канищевой [Канищева, 2013], Н.М. Шевченко [Шевченко, 2015]. Однако целостного освещения проблема антонимов, функционирующих в прозаических текстах М. Цветаевой, пока не получила.

Именно поэтому объектом нашего исследования стали речевые единицы, извлеченные из прозаических текстов Марины Цветаевой, связанные между собой антонимическими отношениями.

Категоризация действительности с опорой на контраст – один из ведущих принципов цветаевской поэтики, особенность творческого почерка не только Цветаевой-лирика, но и Цветаевой-прозаика. Поэтический инструментарий М. Цветаевой, позволяющий ей поляризовать отражаемую действительность, сложно, но гармонично устроен и, будучи текстоорганизующим, помогает задействовать все языковые уровни: от фонетического – до синтаксического, заставить работать систему противопоставлений, опирающуюся на ресурсы всех частей речи: от знаменательных – до служебных.

В фокус нашего внимания априори попали речевые, точнее, индивидуально-авторские, антонимы, поскольку нас интересуют единицы, функционирующие в поэтической прозе М.И. Цветаевой, поэтому мы будем придерживаться широкого понимания антонимии. Учёт не только языковых (узуальных) антонимов, устоявшихся в языке и отражённых в словарях, но и речевых (индивидуально-авторских и даже окказиональных), позволит, на наш взгляд, наиболее полно и точно отразить устроенную по законам контраста картину мира М.И. Цветаевой.

Понятие художественной прозы довольно широко и подразумевает разные виды и жанры цветаевского творчества: собственно прозаические произведения, а также эссе, дневниковые записи, письма. Мы стремились к полноте охвата фактического материала, вследствие чего в поле нашего зрения попали следующие источники: 1) полное собрание сочинений М.И. Цветаевой, вышедшее в 1994–1995 гг. в семи томах [Цветаева, 1994, тт. 1–5; Цветаева, 1995, тт. 6–7], 2) Цветаева М. «Неизданное. Сводные тетради», вышедшие в 1997 году [Цветаева, 1997], 3) Цветаева М. «Неизданное. Записные книжки» в двух томах, вышедшие в 2000–2001 годах, соответственно [Цветаева, 2000, 2001]. В книгу вошли также примеры, которые были собраны с опорой на сайт о великом русском поэте XX века «Наследие Марины Цветаевой» (URL; <http://www.tsvetayeva.com/>) из разделов «Проза», «Письма», «Книги». Эмпирической базой для проведения анализа послужила картотека контекстов, извлеченных из произведений М. Цветаевой путём сплошной выборки, включающая около 3 000 единиц антонимических пар.

Предметом нашего исследования явились системные отношения между антонимическими единицами, извлеченными из прозаических текстов М. Цветаевой.

Придерживаясь широкого подхода к пониманию антонимии, мы постарались не просто не выпускать из вида индивидуально-авторских антонимов, но сосредоточить на их типологии пристальное внимание в отдельной главе нашей книги. Это, в свою очередь,

потребовало обращения к теоретическим работам, в которых представлен именно такой подход к пониманию антонимов и сформированы новые методики их описания.

Не случайно теоретическую и методологическую базу нашего исследования составили следующие научные работы: Л.А. Введенская [Введенская, 1980], Я. Вежбински¹ [Вежбински, 1983], Е.Н. Миллер [Миллер, 1981, 1987, 1990], Б.Ю. Норман [Норман, 2011], Н.Б. Боева [Боева, 2001] и некоторые другие, обозначенные ранее.

Отправной точкой для формирования предпоследней и особенно последней главы нашей работы послужило исследование Е.И. Дибровой и Н.Ю. Донченко «Поэтические структуры антонимии» [Диброва, 2000], в котором впервые для описания антонимов была применена полевая методика, кроме того, поэтика антонимических структур в дневниковой прозе М. Пришвина исследовалась в рамках такой текстовой единицы, как антонимический блок-композит. Специфика антонимического семантического поля, как утверждается в данной работе, заключается в том, что пласты лексики, «обволакивающие» ядерно-центровую организацию, составляют как языковые, так и авторские, речевые антонимические организации [Диброва, 2000, с. 137]. Л.А. Новиков, чьи работы по антонимии на сегодняшний день являются общепризнанными, также полагает, что «антонимия может быть достаточно полно представлена <...> лишь в семантическом поле, только при учете всех ее прямых и опосредованных связей в системе языка» [Новиков, 1973-1, с. 140]. Опираясь на антонимические блоки-композиции, представленные в прозе М. Пришвина, Е.И. Диброва и Н.Ю. Донченко обосновали категорию амбивалентности, с помощью которой удалось раскрыть единство противоположностей в сфере предметно-

¹ В разных работах и их изданиях фамилия этого польского исследователя обозначена по-разному – с мягким знаком и (в более ранних работах) без него: Вежбински/Вежбиньски.

эстетических и этических представлений Пришвина о мире. Именно поэтому в нашем исследовании при выявлении системных антонимических отношений в прозе М. Цветаевой мы опираемся в том числе на полевую методику описания, которая, как представляется, наиболее пригодна для их адекватного анализа, а также рассматриваем текстовые взаимосвязи между антонимами, наиболее явно проявляющие себя в рамках антонимического блока-композиции.

Таким образом, новизна нашего исследования связана не только с выявлением системы антонимов, функционирующих в прозаических текстах М. Цветаевой, но и с применением к систематизации материала новых подходов: описываемый материал выстраивается с учётом не только парадигматических отношений в рамках антонимической системы, но и полевого аспекта. В работе учитывается и текстовый подход к описанию антонимических отношений, которые наиболее ярко проявляют себя на уровне антонимического блока-композиции. Поэтому целью данной работы является описание системы антонимов, функционирующих в прозе М.И. Цветаевой, с учётом отношений между ними в рамках парадигмы, блока-композиции и семантического поля, а также выявление всех типологических разновидностей индивидуально-авторских антонимов.

ГЛАВА 1. ПРОБЛЕМЫ ОПИСАНИЯ АНТОНИМОВ

*Антонимия является только частью, фрагментом
гораздо более широкой системы различий в сознании человека.*

Т.С. Медведева

1.1. Аспекты изучения антонимии

Несмотря на то, что антонимы как слова с противоположным значением стали предметом отечественной лингвистики сравнительно недавно – с начала XX века, в языкознании накоплен значительный теоретический материал в области изучения лексической антонимии.

Одними из первых немногочисленных работ, касающихся проблемы антонимии, были исследования Л.А. Булаховского [Булаховский, 1953], В.Н. Комиссарова [Комиссаров, 1957, 1964], Л.Ю. Максимова [Максимов, 1958]. Статья В.Н. Комиссарова «Проблемы определения антонимии (О соотношении логического и языкового в семасиологии)» [Комиссаров, 1957] и его «Словарь антонимов современного английского языка» [Комиссаров, 1964], по мнению М.С. Пестовой, заложили фундамент теоретической базы антонимии [Пестова, 2014].

Особенно плодотворными для изучения антонимической системы русского языка явились 70–80-е гг. В этот период появились работы по антонимии, ставшие сегодня классическими: вышли в свет монографии Л.А. Новикова «Антонимия в русском языке (Семантический анализ противоположности в лексике)» [Новиков, 1973-1], Е.Н. Миллера «Антонимия в лексике и фразеологии» [Миллер, 1978], В.А. Ивановой «Антонимия в системе языка» [Иванова, 1982]. В этих работах глубоко и разносторонне была представлена прежде всего языковая антонимия. В этот период почти одновременно были изданы несколько словарей антонимов русского языка: словарь

Л.А. Введенской (1971), словарь Н.П. Колесникова (1972) и словарь М.Р. Львова (1978), – которые в дальнейшем неоднократно перерабатывались и переиздавались. В нашей работе мы будем ссылаться на последние издания этих словарей, в том числе электронные.

В обсуждаемый период (70–80-е гг.) закладываются основы классификации антонимов, определяются их функции, появляются термины **лексическая антонимия** и **антонимическая парадигма**.

В это же время намечаются и первые ростки расширительного истолкования антонимов, в частности, исследователи приходят к выводу о том, что при анализе антонимов нельзя опираться на раз и навсегда сложившуюся антонимическую оппозицию, являющуюся «мертвой» в своей статике, потому что род отношения, который «реализуется между членами той или иной оппозиции, можно установить только исходя из конкретности речи» [Михайлов, 1987, с. 9]. Такой подход к пониманию антонимии окончательно сложился в конце XX – начале XXI веков.

В это время закрепляется и терминологический аппарат, связанный с осмыслением антонимов в языке.

Антонимичность трактуется как «способность номинативной единицы иметь противоположное значение и вступать в антонимические отношения» [Миллер, 1985, с. 18]. В свою очередь, **антонимы**, являясь словами с «противоположным значением внутри семантической общности», выступают в качестве проявления антонимии [Комиссаров, 1961, с. 69; Матвеева, 2003, с. 23].

Лексическую антонимию определяют как «тип семантических отношений, устанавливаемых прежде всего в парадигматическом плане между лексическими единицами, имеющими противоположные значения» [Николаева, 1975, с. 5; Новиков, 1998, с. 35; Матвеева, 2003, с. 23].

Антонимическая парадигма в своем широком и узком (классическом) понимании представляет собой начальное звено в организации лексической противоположности (см. работы Л.А. Новикова

[Новиков, 1973-1, 1973-2], М.Р. Львова [Львов, 1970], Е.Н. Миллера [Миллер, 1981, 1990], Н.Б. Боевой [Боева, 2001] и другие).

Успехи, достигнутые в классический период изучения антонимии (60–80-е гг. XX в.), привели к расширению теоретического пространства антонимии и благоприятствовали более глубокому пониманию специфики их функционирования. Сформировались различные направления исследований: *логико-понятийное, структурно-семантическое, функционально-стилистическое* и др.

Современное состояние научных исследований по антонимии характеризуется тем, что она рассматривается, во-первых, не только как парадигматическое, но и как синтагматическое явление; во-вторых, не только как лексическое, но и как грамматическое явление, а кроме того, для современных исследователей важно учитывать, что антонимы функционируют в речи в тесной связи с синонимией и полисемией. В частности, в работе [Лаврова, 2017] отмечается «многослойная сущность» антонимии, а также наличие логической связи антонимии с другими системными отношениями в лексике, в частности, активно обсуждается проблема взаимодействия антонимии и синонимии в единой семантической парадигме – антонимическом (синонимно-антонимическом) блоке. Л.А. Новиков утверждает, что «антонимы не существуют в языке изолированно, они образуют своеобразные блоки, основанные на структурно-словообразовательных и функционально-семантических связях слов» [Новиков, 1973-1, с. 77-78]. Исследователей всё больше интересует функционирование таких смысловых блоков в тексте: см. работы В.А. Ивановой [Иванова, 1982], П.Н. Клокова [Клоков, 2006], М.А. Романюк [Романюк, 2014], С.М. Саидова, А.Н. Тихонов [Тихонов, Саидова, 1980].

Антонимия рассматривается в современной лингвистике как **универсальная семантическая категория**, которая проявляет себя не только на лексическом уровне языка, но и на морфемном, морфологическом и синтаксическом уровнях. На каждом уровне наблюдаются свои особенности антонимии [Сайидирахимова, 2021].

В современной антропоцентрической парадигме языкознания превалирует функциональный и коммуникативный взгляд на частные сферы организации лексико-семантической системы языка, который представлен не только в исследованиях, касающихся описания антонимов, но и синонимов. Например, в учебном пособии В.Д. Черняк «Лексикология. Синонимы в русском языке» в отдельных главах обсуждаются текстовые аспекты синонимии, а также проблемы синонимии в лексиконе языковой личности и в современной речи [Черняк, 2017].

В рамках дискурсивно-когнитивного аспекта лингвистической парадигмы представляется актуальным изучение категории антонимии в более широком контексте концептуализации и категоризации мира. Исследователи, рассматривающие противоположности, а точнее их бинарные структуры, с когнитивной точки зрения, приходят к выводу о том, что они представляют собой определенный тип когнитивных структур, играющих ключевую роль в процессе познания действительности и формировании универсальных категорий бытия, которые находятся в основе мировоззрения человека [Новикова, 2023, с 101]. В частности, в рамках когнитивного подхода удалось показать, что формирование антонимических отношений во фразеологии может иметь системный характер, обусловленный определенной симметрией структуры концептов [Скворцова, 2018, с. 261].

Появляются и другие новые подходы к рассмотрению антонимии, среди которых, кроме *когнитивного*, можно указать *психолингвистический*, *социолингвистический*, *прагматический*; об этом свидетельствуют работы Е.Е. Гесенегер, М.Ю. Мухина [Гесенегер, Мухин, 2022], И.Л. Медведевой [Медведева, 1981, 1987], Ю.О. Новиковой [Новикова, 2010, 2023], Н.Б. Боевой-Омелечко [Боева-Омелечко, 2012], А.Л. Толстой [Толстая, 2010], Н.С. Скворцовой [Скворцова, 2019], А.С. Складровой и И.И. Горина [Складрова, Горина, 2019].

Закономерным является и появление новых параметров в системе классификации антонимов: помимо *симметричных* и *кано-*

нических антонимов, выделяют также антонимы *несимметричные* и *неканонические* [Апресян, 1995; Лаврова, 2017], помимо *лексических (языковых)* – *речевые* (прагматические) [Новикова, 2010, 2023], [Толстая, 2010], а также *грамматические* [Боева-Омелечко, 2013].

Кроме того, актуальным для современного языкознания является полевой подход к описанию языковой системы, в том числе антонимической. При этом антонимический блок (антонимическая оппозиция) понимается как часть семантического поля, внутри которого слова группируются по степени их смысловой близости. Этот подход представлен в работах Е.И. Дибровой и Н.Ю. Донченко [Диброва, 2000], М.И. Слепнёвой [Слепнёва, 2007], Е.М. Моисеевой [Моисеева, 2010, 2011], Н.В. Обвинцевой [Обвинцева, 2015]. О полевой организации лексических средств выражения контраста в рамках когнитивного подхода речь идёт также в работах Т.Г. Бочиной [Бочина, 2006, 2010] и Ю.О. Новиковой [Новикова, 2007, 2010].

Изменение взглядов на антонимию и понимание её в первую очередь как семантического явления ведёт и к изменению терминологии, на которую опираются исследователи. А.Л. Толстая, явно придерживающаяся широкого взгляда на явление, предлагает даже новые определения таких понятий, как «антонимы» и «антонимичность». По её мнению, антонимы – это «слова противоположные по своему *семантическому* значению в данной речевой ситуации», а антонимичность – «*семантическая* способность слов быть противопоставленными в тексте» [Толстая, 2010, с. 10]. В статье Н.Б. Боевой-Омелечко [Боева-Омелечко, 2017] показан динамический характер терминосистемы, обслуживающей теорию антонимии. Это позволило её автору предположить, что данная система «будет и далее обогащаться при рассмотрении феномена антонимии с позиции новых лингвистических парадигм» [Боева-Омелечко, 2017, с. 31].

Актуальной является и тенденция к изучению антонимических отношений на материале художественных произведений русских и зарубежных писателей и поэтов в рамках того или иного идиостиля (см., например, работы по творчеству А.П. Чехова – Я. Вежбински

[Вежбински, 1983], К. Цзин [Цзин, 2000], В.А. Сазоновой [Сазонова, 2011], по творчеству Л.Н. Толстого – И.Б. Барцевич [Барцевич, 1993], по творчеству У. Блейка – Э.В. Седых [Седых, 1997], по творчеству О. Уайльда – О.В. Тумбиной [Тумбина, 2004], О.М. Валовой [Валова, 2012], по творчеству Дж. Г. Байрона и А.С. Пушкина – Я.А. Гудковой [Гудкова, 2010], по творчеству Д. Брауна – Н.Б. Оганян [Оганян, 2017]).

Как лексико-стилистическое и текстообразующее средство антонимы рассматриваются сегодня и на примере научно-публицистических текстов, так, в произведениях Д.С. Лихачёва антонимы – одно из частотных языковых средств [Ветрова, 2016].

Н.Б. Оганян убедительно доказала, что антонимия может стать одной из стилистических доминант, характеризующих авторскую манеру письма [Оганян, 2017]. Система антонимов, представленная в прозаических текстах М. Цветаевой, со всей очевидностью подтверждает это суждение.

1.2. Узкий и широкий подход к истолкованию антонимов

В современной лингвистике правомерно два понимания антонимии: узкое, имеющее дело с языковыми (лексическими) антонимами, и широкое, имеющее дело с антонимами речевыми (прагматическими).

Вовлечение в исследование индивидуально-авторских (речевых) антонимов заведомо расширяет рамки антонимической системы и значительно усложняет её анализ. Ведь речевая антонимия, по мнению исследователей, представляет собой сложную нелинейную динамическую систему, имеющую сферическую (полевую) организацию. С точки зрения Ю.О. Новиковой [Новикова, 2010], ядро этой системы составляют узуальные (языковые, лексические) антонимы; периферия же полностью состоит из оппозиций, относящихся к речевой сфере.

Результаты психолингвистических исследований по антонимии доказывают, что признанная лингвистами лексическая антонимия является только частью, фрагментом гораздо более широкой системы различий в сознании человека» [Медведева, 1981, с. 80]: подчеркивается, что процесс познания объективной действительности вряд ли может ограничиться строго очерченным кругом устойчивых противопоставлений [Медведева, 1987, с. 99].

М.Л. Мёрфи обращает внимание на то, что в центре внимания многих современных споров об антонимах (контрастных семантических отношениях), находится вопрос о том, хранятся ли подобного рода семантические отношения в языке в готовом виде или же выводятся путём умозаключений, а также о том, являются ли эти семантические отношения интралексическими или металексическими представлениями [Murphy, 2003, p. 169]. Исследователь обосновывает наличие антонимических отношений на *металексическом уровне*: «Semantic relations must be established at the conceptual and metalinguistic levels, since the information that allows the establishment of these relations is not strictly intralexical information (Семантические отношения должны быть установлены на концептуальном и метаязыковом уровнях, поскольку информация, позволяющая установить эти отношения, не является строго интралексической информацией)» [Murphy, 2003, p. 238].

Помимо признания речевых антонимов, широкий подход влечёт за собой также признание грамматических и межчастеречных антонимических отношений, оппозиционных соотношений, выходящих за рамки одного слова, а кроме того, принятие подвижности границ между антонимами и синонимами в речи.

Широкий подход предполагает иной, нетрадиционный взгляд на типологию семантически противоположных слов и ведёт к появлению новых аспектов (теоретических и методологических) их исследования, к более широкому пониманию их функциональных особенностей: для современных исследователей становится очевидным, что значения противительности имеют не только семанти-

ческий, но и прагматический характер [Склярова, Горина, 2019]. При этом переосмысливается категориальная сущность антонимии, которая, по мнению некоторых исследователей, характеризуется двумя параметрами: в лексическом плане (лексическая антонимия) наблюдается структурно-семантическая устойчивость, в прагматическом плане (речевая антонимия) – изменчивость и контекстуальная обусловленность [Толстая, 2010, с. 7]. К прагматическим антонимам относят лексические единицы, противоположность которых не зафиксирована в словарях, но актуализировалась в их семантике благодаря частому противопоставлению в речи [Полякова, 1989, с. 7].

Изменение исследовательского взгляда на проблемы антонимии неизбежно повлекло за собой и появление новых терминов, иногда дублирующего характера: *полные* (точные) – *неполные* (неточные) антонимы, *квазиантонимы*; *языковые* – *речевые* (контекстуальные, индивидуально-авторские) антонимы; *лексические* – *грамматические* антонимы; *узуальные* – *окказиональные* антонимы; *канонические* – *неканонические* антонимы; *логические* – *прагматические* антонимы, – а также (в случае снятия проблем разграничительного характера) *оппозитивы* (оппозиты) и *контрастивы* (по основной функции).

Основные терминологически значимые для антонимии понятийные зоны, по нашему мнению, представлены тремя оппозициями:

1) *полные* (точные, истинные, симметричные) и *неполные* (квазиантонимы, приблизительные, не прямые, несимметричные) антонимы;

2) *языковые* антонимы (канонические, логические) – *речевые* (контекстуальные, индивидуально-авторские, окказиональные, неканонические, прагматические) антонимы;

3) *лексические* – *грамматические* (в том числе межчастеречные).

Остановимся на них более подробно в соответствующих подпунктах данного параграфа.

1.2.1. Полные и неполные антонимы (квазиантонимы)

В зависимости от степени антонимичности Я.И. Гельблу [Гельблу, 1964], М.Р. Львов [Львов, 1970], Н.Л. Соколова [Соколова, 1977] и ряд других лингвистов выделяют **полные антонимы** и **неполные**. В работах Л.А. Новикова и Ю.Д. Апресяна принято разграничивать **полные, точные** антонимы и **квазиантонимы, неточные** антонимы.

Первые – это семантически однородные антонимы, которые Л.А. Новиков называет полными, точными или истинными [Новиков, 1973-1]. Такие антонимы характеризуются высшей степенью антонимичности, предельной противопоставленностью значений, то есть их главным признаком выступает симметрия. Но они имеют и другие свойства в той или иной мере присущие антонимам с более низкой степенью антонимичности. Речь идет о таких свойствах антонимов, как способность полных антонимов сохранять значение противоположности в словообразовательных параллелях, в различных частях речи, отсутствие различий в сферах употребления и в эмоционально-экспрессивной окраске, способность обоих членов пары быть антонимами во всех или хотя бы в нескольких значениях.

Выделение последнего признака связано с тем, что определение слов-антонимов как слов с противоположным значением в полной мере справедливо только для однозначных слов. А одно и то же многозначное слово может иметь несколько слов-антонимов, соотносимых с его различными лексико-семантическими вариантами, которые рассматриваются в теории антонимии как элементарные единицы антонимического противопоставления.

По мнению Т.Г. Бочиной, опирающейся на когнитивный подход к описанию антонимических отношений, в ходе вербализации противоположных смыслов используются как симметричные, так и асимметричные языковые знаки. В процессе функционирования системы возникает прагматическая потребность в построе-

ниях асимметричных знаков, поэтому при выражении контраста неизбежно появляются различного рода асимметричные оппозиции [Бочина, 2006, с. 48].

Неполные, или приблизительные антонимы, они же квазиантонимы, то есть непрямые, асимметричные антонимы выражают ослабленную противоположность.

Квазиантонимы (неточные антонимы) – это «семантически неоднородные противопоставления, в которых слова могут отличаться друг от друга тем или иным элементом (компонентом) значения, входящим в смысловую структуру только одного из них: от антонимов *давать* – *брать* (основные значения «вручать» – «принимать в руки») оппозиция *давать* – *отнимать*, не представляющая точной противоположности, отличается тем, что в толковании второго члена этой пары есть указание на совершение действия с применением силы, невыраженное в первом: *отнимать* – «брать что-нибудь у кого-нибудь силой» [Новиков, 1973-1, с. 26].

По мнению М.Р. Львова, асимметричность значений неполных антонимов может быть обусловлена тем, что они обладают: а) *различными оттенками идеографических значений*, б) *различными сферами употребления*, в) *различной эмоционально-экспрессивной окраской*. Рассмотрим это более подробно на примерах, взятых из прозаических текстов М. Цветаевой.

Различные оттенки идеографических значений представлены, например, в антонимических парах типа: *маленький* – *гигантский*. Это неполные антонимы, так как *гигантский* – не просто «большой», а «необычайно большой»; «производящий сильное впечатление своими размерами». У Марины Цветаевой находим примеры, построенные с опорой на подобные квазиантонимы.

Так, от простейшей любви за сахар – к любви за ласку – к любви при виде – к любви не видя (на расстоянии), – к любви, невзирая (на нелюбовь), от маленькой любви за – к великой любви вие (меня) – от любви получающей (волей другого!) к любви берущей

(даже помимо воли его, без ведома его, против воли его!) – к любви в себе (Цветаева. Из дневниковой прозы).

Противопоставление образовано прилагательными *маленький – великий*. *Великий* является синонимом к лексеме *большой*. В этом противопоставлении квазиантонимов, по нашему мнению, актуальными становятся переносные значения лексемы *большой*: «2. (об отвлеченных понятиях) Большая радость. С большой осторожностью, немалый, великий *усилит*. С великой радостью» [Словарь синонимов, 1975, с. 40] и «6. Важный по содержанию, значению; серьёзный» [БТСРЯ, 2000, с. 90]. Сравним с прямым значением *большой*: «1. Значительный по величине, длине, ширине, объёму и т.п.; превосходящий по размерам ряд однородных предметов и явлений (противоп.: малый, маленький)» [там же].

Для лексемы *маленький* актуальны значения: «1. Незначительный по величине, размерам (противоп.: большой); 2. Незначительный по силе, степени проявления. || Не имеющий существенного значения» [БТСРЯ, 2000, с. 515]. Переносное значение, очевидно, важнее.

Словарь антонимов под редакцией Л.А. Введенской закрепляет данные значения антонимов: *большой* «2. значительный по силе, степени проявления, существенный по интенсивности, глубине; значительный по содержанию, роли»; *маленький* «2. Незначительный по силе, степени проявления, интенсивности, глубине; несущественный, ничтожный, незначительный по содержанию, роли» [Введенская, 2008, с. 62].

Приведём ещё один пример, в котором языковая игра на квазиантонимах представлена иначе. В противопоставление вовлекаются не только системные антонимо-синонимические отношения между единицами языка, но и асистемные (окказиональные) антонимические отношения, построенные на приёме высвечивания, актуализации имплицитных сем.

Чудная мысль – гиганта поставить среди детей. Черногиганта – среди белых детей. Чудная мысль белых детей на черное

родство – обречь. Под памятником Пушкина росшие не будут предпочитать белой расы, а я – так явно предпочитаю – черную (Цветаева. Мой Пушкин).

Здесь *гигант* – это памятник Пушкину, а *дети* по сравнению с ним – маленькие. Данное противопоставление усиливается как на лексическом уровне – с помощью языковых антонимов *черный* и *белый* [Введенская, 2008, с. 45], так и на грамматическом уровне (с помощью категории числа существительных): *гигант* в значении «человек необычайно высокого роста и могучего телосложения; исполин, великан» [БТСРЯ, 2000, с. 202], имеющий форму единственного числа, подчёркивая единичность, исключительность, грамматически противопоставлен *детям* в значении (ребёнок) «маленький мальчик или маленькая девочка» [БТСРЯ, 2000, с. 1108], имеющим форму множественного числа, подчёркивающего расчленённую множественность и неопределённость этого множества. Здесь словоформа единственного числа *гигант* имеет контекстуальное грамматическое значение «уникальность предмета», а словоформа *дети* – контекстуальное грамматическое значение «неопределённо-множественное», отмеченные М.А. Шелякиным [Шелякин, 2001, с. 34-35]. Таким образом, основу данного противопоставления составляют языковые антонимы-прилагательные *большой – маленький* [Введенская, 2008, с. 61] и языковые антонимы-существительные *гигант – карлик* [Львов, 1984, с. 61]. Далее М. Цветаева их вариативно преобразует, опираясь на синонимические отношения (*большой – гигантский*) и актуализируя в контексте скрытые, имплицитные семы (*ребёнок* имеет в своём составе сему *маленький*). Данный пример интересен еще и тем, что помимо различных оттенков идеографических значений здесь присутствует различная эмоционально-экспрессивная окраска, так как существительное *гигант* – это гипербола и метафора. Представленный нами анализ материала является подтверждением мнения З.Д. Поповой и И.А. Стернина о сложном устройстве лексической системы языка, который объясняется возможностью

различного членения и выделения разных группировок в одном и том же материале. «Трудность моделирования лексической парадигматики языка состоит в том, что все выделяемые в ней группировки не складываются в целое как кирпичики, а проникают друг в друга и перекрещиваются. Это объясняется тем, что одна и та же лексема по разным семемам часто входит в разные парадигматические группировки, а в случаях энантиосемии даже противопоставляется сама себе (ср.: *славить* – *создавать славу* и *позорить*; *честить* – *воздавать честь* и *бранить*)», – отмечают исследователи [Попова, 2011, с. 90–92].

В работе Ю.Д. Апресяна [Апресян, 1974, с. 284–315] перечисляются наиболее широко представленные в русском языке подтипы видо-родовых и видо-видовых различий квазиантонимов:

1. Различия степени. Наиболее многочисленна в рассматриваемом классе группа квазиантонимов, различающихся значением высокой степени: *адский* – *небольшой* (*холод*), *только-только* (*приехал*) – *давно*, *топорный* (ср. *грубый*) – *тонкий* (*работа*).

2. Наличие большого количества или интенсивности – отсутствие. *Бровастый* – *безбровый* (и т. п.), *волосатый* – *лысый*, *шторм* – *штиль*. Здесь же следует упомянуть пары вида *небезопасный* – *безопасный*, *небезызвестный* – *неизвестный*, *небезынтересный* – *неинтересный* и т.п. со значением «достаточного наличия» – «отсутствия».

3. Отрицательная оценка – отсутствие оценки. *Валандаться* (ср. *мешкать*) – *спешить*, *замазывать* – *вскрывать* (*недостатки*).

4. Повторное действие – антидействие. *Возвратить* – *взять*, *возвратиться* (ср. *прийти*) – *уйти*, *восстановить* (ср. *построить*) – *разрушить* (*город*), *вспомнить* (ср. *запомнить*) – *забыть*.

5. Автокаузация – прекращение или автоликвидация – начало. *Вооружиться* <*запасться*> (*терпением*) – *потерять*

(терпение), вырваться (из плена) – попасть (в плен), вылечиться (ср. выздороветь) – заболеть.

6. Квантованное действие – антидействие. Отпрянуть – прижаться, оттолкнуть – привлечь (кого-л. к груди), толкать – тянуть (лодку к себе): левые элементы всех пар обозначают прерывистое, складывающееся из различных квантов действие и предполагают в качестве точных антонимов имена квантованных противодействий.

7. Взаимно дополняющие друг друга виды. Обязанность – право, потенциальный – реальный (враг), потребитель – производитель.

8. Неопределенное – определенное количество. Много- – одно- <едино-> (многобожие <многобрачие> – единобожие (единобрачие).

9. Несимметричные – симметричные действия. Отдалиться (направлено в одну сторону) – сблизиться (направлено в обе стороны, ср. А и В сблизилась), отличить – смешать (два понятия), присоединить – разъединить (провода).

10. Середина шкалы – полюс. Квиты – должен, нормальный – напряженный (отношения), настоящий – прошедший.

11. Каузация Р – реализация требования, заключенного в Р. Возбуждать (любопытство) – удовлетворять, загадать (загадку) – разгадать, сеять (сомнения) – разрешать.

Если посмотреть на приведенные выше примеры М. Цветаевой, то можно увидеть, что квазиантонимы *маленькая любовь – большая любовь, гигант – дети* различаются по степени признака. Собранный нами материал позволяет подтвердить предположение Ю.Д. Апресяна о том, что группа квазиантонимов, различающихся значением высокой степени, является самой многочисленной. Ср. ещё один пример: *Я очарована, но это Вы заранее знаете. Для этого Вам достаточно слышать себя. Ненавижу театр, но обожаю чары. Я сегодня очень счастлива. Всё.* (Цветаева. Смерть Стаховича). Противопоставление образовано антонимами, выражен-

ными глаголами *ненавижу* и *обожаю*. Такое противопоставление антонимов неточное, т.к. семантически несимметрично, ср.: антонимы, представленные в словаре: *ненавидеть* в значении «испытывать ненависть, чувство вражды, глубокой неприязни, нерасположения к кому-, чему-л.» и *любить* – «испытывать любовь, глубокую привязанность, чувство расположения, симпатии, преданности к кому-, чему-л., сердечную склонность к кому-л.» [Введенская, 2008, с. 192]. Глагол *любить* имеет несколько синонимов, среди которых и *обожать* с пометой «усилит.», т.е. «с усилением значения», с целью показать, что синонимичное понятие выражает большую интенсивность действия» [Словарь синонимов, 1975, с. 221].

Вообще, многие квазиантонимы М. Цветаевой могут быть описаны в рамках классификации Ю.Д. Апресяна. Например:

*Сказав послевоенная Ноай, я не думала наперво о великой войне, а о величайшей из войн: о великой войне жизни, **Бога** в нас с **человеком** в нас, где Бог победитель* (Цветаева. Из письма Анне де Ноай. Май 1927).

В данном случае перед нами седьмой тип квазиантонимов, обозначенный Ю.Д. Апресяном: «взаимно дополняющие друг друга виды». Только вместо чёрта Богу противопоставлен человек. И ещё один пример из этого же письма:

*Жизнь и смерть. Эти – для Вас имена, для него – слова – встречаются и в его статье (какая жалость, этот большой грязный журнал с его портретами людишек, **бесконечный** (журнал) с **бесконечными** (людишками), какое надругательство над Вашей **единственностью**, над Вашим именем пустынным и вершинным, всегда одиноким, потому что единственным* (Цветаева. Из письма Анне де Ноай. Май 1927). Здесь, очевидно, использованы квазиантонимы второго типа по классификации Ю.Д. Апресяна: «Наличие большого количества или интенсивности – отсутствие».

Подробный анализ контекстов из прозаических произведений М. Цветаевой, подобных представленным выше, с учётом классификации Ю.Д. Апресяна мог бы послужить предметом отдельного

рассмотрения. В частности, некоторые письма Цветаевой построены с опорой на квазиантонимы, смысловая игра с которыми является ключевой для понимания их смысла. См., например, размышления на эту тему в статье [Милютина, Туктангулова, 2021].

1.2.2. Языковые и речевые антонимы

В современных работах, затрагивающих проблемы антонимии, активно используются термины *речевая антонимия*, *прагматические антонимы* [Новикова, 2010, 2023], [Толстая, 2010], что свидетельствует об актуализации сосюрховской антиномии **язык – речь**, в рамках которой логично выглядит разграничение языковых (лексических) и речевых антонимов.

Одно из положений, выносимых на защиту в диссертации Ю.О. Новиковой «Речевая антонимия как отражение обыденной культуры мира (на материале американского варианта английского языка)», гласит: «Антонимы обозначают такие экстралингвистические реалии, между которыми есть различие, существенное с точки зрения носителя языка, его ценностно-мировоззренческой системы. При этом в качестве антонимов могут выступать не только слова и фразеологические единицы, но и свободные словосочетания, предложения, сверхфразовые единства» [Новикова, 2010, с. 5].

Не только в научной, но и в учебной литературе отмечается, что лексические антонимы делятся на **языковые** (узуальные, логические, канонические²) и **речевые** (индивидуально-авторские, контекстуальные, окказиональные, факультативные, неканонические, прагматические).

Языковые антонимы закреплены в системе языка, регулярно воспроизводятся в речи и обладают устойчивой стилевой принадлежностью. М. Цветаева опирается на такие антонимы:

² Термины канонические / неканонические антонимы используются в работе М.Л. Мёрфи [Murphy, 2003, p. 250].

«В диалоге с жизнью важен не ее **вопрос**, а наш **ответ**» (Цветаева. Сводные тетради. Тетрадь 1). «В мире ограниченное количество **душ** и неограниченное количество **тел**» (Н<икодим>) (Цветаева. Из Записной книжки № 3. 1916–1918). Такие антонимы отражены в словарях антонимов. Выделенные жирным шрифтом антонимы представлены, например, в «Словаре антонимов русского языка» М.Л. Львова [Львов, 1984].

Речевые (оказиональные, индивидуально-авторские, контекстуальные) антонимы не отражены в языковой системе, они индивидуальны, случайны, существуют лишь на уровне единичных речевых употреблений и не закреплены в словарях антонимов. На такие антонимы М. Цветаева также опирается: «...*То же страстное въигрыванье (о, не заигрыванье! никогда), гибкость до предела, попытка проникнуть через слово (слово ведь больше вещь, чем вещь: оно само – вещь, которая есть только – знак. Назвать – овеществить, а не развоплотить)* – и – отпор» (Цветаева, Письмо Б.Л. Пастернаку. 23/25/26 мая 1926).

В «Словаре лингвистических терминов» Т.В. Жеребило находим словарную статью «Типы антонимов», в которой различаются:

а) *контекстуальные (речевые) антонимы* – слова, семантическая противоположность которых проявляется только в контексте: *блеск – нищета; вода – камень;*

б) *языковые антонимы* – слова, противоположность которых проявляется в изолированном виде [СЛТ, 2010, с. 409].

По нашему мнению, понятие *речевые антонимы* является более ёмким, чем понятие *квазиантонимы*, поскольку охватывает более широкую зону «неклассической», асимметричной антонимии и включает в себя не только процессы творческого осмысления, точнее, переосмысления отношений между уже готовыми единицами языковой системы (квазиантонимами), но и более смелые, креативные процессы переосмысления, связанные с оказиональным творчеством, прагматикой, созданием новых антонимических еди-

ниц. Индивидуально-авторская антонимия Цветаевой в своей асимметричности зачастую выходит за рамки квазиантонимических отношений, она выстраивается с учётом исторической перспективы в формировании семантики слова (этимологический аспект, о котором писала Л.В. Зубова), а также с учётом семантической многозначности: как полагает О.Г. Ревзина, «в поэтических текстах М. Цветаевой лексические значения слов разлагаются на дифференциальные семантические признаки, вступающие между собой в сложное взаимодействие» [Ревзина, 1989, с. 203]:

Первое впечатление – осанка. Царственность осанки. Двигается – рублем подарит. Чувство возвеличенности от одного ее милостивого взгляда. Второе, естественно вытекающее из первого: опаска. Такая не спустит. Чего? Да ничего. Величественность при маленьком росте, величие – изнизу, наше поклонение – сверху. Впрочем, был уже такой случай – Наполеон (Цветаева. Живое о живом).

Если *изнизу* и *сверху* – квазиантонимы, то *величественность* и *маленький* антонимы, которые соотносятся не просто как квазиантонимы *маленький* – *великий* (в смысле *большой*) в пространственной плоскости, но с учётом восстановления исходного (исторического) значения лексемы *великий* и *величественность*, образованной от неё. Для Цветаевой прагматически значимо актуализировать многозначность существительного *величественность*, сделать очевидным смысловое зияние между его прямым (историческим, исходным) и переносным (современным) значением, чтобы антонимически соотнести оба слова: без учёта многозначности существительного *величественность* его смысловое соотношение с прилагательным *маленький* нельзя считать антонимичным. В приведённом контексте значима именно асимметричность антонимического взаимодействия, осязаемая смысловая парадоксальность: величественность (большой размер) души и характера при наличии малого роста. Такие речевые антонимы Н.А. Лаврова называет **неканоническими**, по её мнению, они представлены преимущественно переносными

значениями слова и редко выдаются информантами в ассоциативных тестах [Лаврова, 2017, с. 66]. М. Цветаева, как и всякий большой поэт, креативная языковая личность с огромным творческим потенциалом, превышающим потенциал обычного человека, к тому же – поэт-экспериментатор, поэтому «производство», «сотворение» неканонических антонимов для неё не исключительный случай, а, скорее, правило.

Речевые (контекстуальные) антонимы признаются не всеми исследователями, однако, представляется, что сегодняшняя лингвистика, будучи лингвистикой речи, без включения этого класса слов в научно-исследовательский арсенал филолога немислима, ведь существующие в лингвистике классификации антонимов, основанные на узком, языковом, подходе, характеризуются «малой функциональностью и контекстуальной ограниченностью» [Толстая, 2010, с. 4]. Во многих современных работах контекстуальные антонимы не только признаны, но и доказана их необходимость для речевой деятельности, объяснены когнитивные и психолингвистические механизмы их появления в речи. Г.В. Утенков выделяет у контекстуальных антонимов особую – прагматическую функцию [Утенков, 2007, с. 183]. Прагматические отношения между антонимами и синонимами обсуждаются в работе М.Л. Мёрфи «Семантические отношения в лексике» [Murphy, 2003]. Процессы организации и реализации антонимичных отношений с учётом не только лексико-семантического, но также синтаксического и прагматического аспектов проанализированы в кандидатской диссертации А.Л. Толстой [Толстая, 2010].

В осмыслении антонимов некоторые исследователи выходят также на философский уровень, полагая, что антонимы в имплицитном виде содержат в себе антиномичность [Новикова, 2010, с. 11]. Являясь базовой лексической категорией языка, они оказываются связанными с двумя типами мышления: формально-логическим и символическим. Выход за рамки формально-логического мышления означает также и выход за рамки традиционного лингвисти-

ческого подхода, что позволяет охватить то множество языковых единиц, которые обусловлены законами недизъюнктивной логики. М. Цветаева, обладающая, по мнению М.В. Ляпон [Ляпон, 2011], парадоксальным языковым мышлением, мастер изысканных и сложно устроенных оксюморонов [Милютина, 2018], безусловно, предрасположена к нарушению общепринятой нормы, к ломке всяческих стандартов (*и голубиной не черни галчонка белизной*) и строит свою речь по законам именно такой (недизъюнктивной) логики.

Сегодняшнюю лингвистику, лингвистику речи, без включения речевых антонимов в научно-исследовательский арсенал филолога представить сложно. Ведь «слова-антонимы играют важную роль в осуществлении речевой деятельности, во многом определяя её содержательную и прагматическую сторону», – утверждает М.А. Романюк [Романюк, 2014, с. 94]. Т.Г. Бочина, изучив опыт российских и зарубежных лингвистов, смело утверждает: «теоретически контекстуальную антонимию могут составить любые единицы, входящие в одну лексико-семантическую группировку: антонимы, конверсивы, гипонимы, согипонимы, партитивы, синонимы» [Бочина, 2006, с. 47].

Принимая широкую точку зрения на истолкование антонимических отношений, мы опираемся в том числе на теоретические положения современной функциональной лингвистики, разграничивающей первичные (системно-языковые) и вторичные (текстовые, ситуативные) функции единиц языка, или функции-потенции и функции-реализации [Бондарко, 1996, с. 43–59]. А.В. Бондарко указывает, что аспекты функций-потенций и функций-реализаций отражают соотношение и взаимодействие языка и речи, компетенции (competence) и исполнения (performance) [Бондарко, 1996, с. 44].

Эта точка зрения согласуется с взглядами лексикологов на различное поведение слова в системе языка и в системе речи (в тексте): «В языковой системе и в речевой реализации слово имеет разный объём и набор признаков. В речи слово может изменять

и даже утрачивать некоторые признаки, которыми оно потенциально обладает», – считает В.Г. Гак [БЭС, 1998, с. 466].

Очевидно, следует согласиться с мнением исследователей о том, что антонимические отношения охватывают всю систему номинации, а антонимичность есть внутреннее универсальное свойство языка. Антонимы возникают и реализуются в речи, их класс постоянно увеличивается, не имеет чётких границ и носит открытый характер [Ким, 2012], [Лихачёва, 2006], [Мёрфи, 2003].

Разделяемое нами *широкое* понимание антонимии прочно утвердилось в лингвистике, о чем свидетельствуют не только современные исследования, но и некоторые словари антонимов. Например, «Словарь антонимов русского языка» Л.А. Введенской [Введенская, 2008], который содержит следующие приложения: 1. «**Антонимия между словом и свободным словосочетанием**»; 2. «О взаимодействии антонимии и синонимии»; 3. «Синонимические пары антонимов»; 4. «Синонимические отношения между парами антонимов»; 5. «**Понятие синонимико-антонимичной парадигмы**»; 6. «Сочетаемость антонимов в русском языке»; 7. «**Окказиональные антонимы**»; 8. «Стилистические фигуры, основанные на антонимах»; 9. «Антонимы как художественно-изобразительное средство в публицистике Л.Н. Толстого»; 10. «Словарь антонимов А.П. Чехова». Судя по названиям приложений, выделенных нами жирным шрифтом, в словаре отчётливо прослеживается разница между узким и широким пониманием антонимов и отдаётся предпочтение последнему.

Контекстуальные (ситуативно-речевые) антонимы, то есть слова, которые не являются антонимами в системе языка, «но при определенных условиях вступают между собой в смысловые отношения антонимических связей» [Виричева, 1990, с. 67], принимают во внимание многие исследователи.

Проблема разграничения языковых и речевых антонимов, полных антонимов и квазиантонимов сложна и не всегда разрешается однозначно даже с опорой на словари. Так, в примере *Борис*,

но одно: я не люблю **моря**. <...> **Землю** я жалею: ей холодно. **Морю** не холодно, это и есть – оно, все, что в нем ужасающего, – оно. Суть его. Огромный холодильник. (Ночь.) Или огромный котел. (День.) И совершенно круглое. Чудовищное блюдо <...> (Цветаева. Письмо Б.Л. Пастернаку. 23/25/26 мая 1926) лексемы **земля** и **море** вполне логично отнести к языковым антонимам, имеющим симметричные дополнительные отношения и противопоставленным по признаку «твёрдое вещество» – «нетвёрдое вещество». Однако и в словаре антонимов М.Р. Львова, и в словаре антонимов Л.А. Введенской обнаруживаем только антонимическую пару **земля** – **небо**, противопоставленную по этому же признаку. Хотя дефиниция «Большого толкового словаря русского языка» под ред. С.А. Кузнецова явно указывает на наличие антонимических отношений не только между **землёй** и **небом**, но также между **землёй** и **морем** (обратим внимание на часть дефиниции, представленную курсивом: «земля – это **суша**, земная твердь *в отличие от водного или воздушного пространства*») [БТСРЯ, 2000, с. 363]. По логике вещей, твёрдое вещество противоположно по своим характеристикам веществу не твёрдому (отношения дополнительной противоположности), каковыми являются не только небо, а значит, воздух (газообразное вещество), но и море, а значит, вода (жидкое вещество).

Сложно сказать, почему второе противопоставление **земля** – **море**, частотное в речи (см., например данные НКРЯ³), не отражено в словарях антонимов. Тем не менее это так. И это лишний раз доказывает подвижность, зыбкость границы между языковыми (узуальными) и контекстуальными (неузуальными) антонимами.

³ См. например, контекст: *Но оппозиция земля – море обогащена у По третьим членом – небом, населенным «серафимами небес»* [Михаил Ямпольский. Память Тиресия: Интертекстуальность и кинематограф (1993)]; НКРЯ. *Слово соразмерно <...>, о котором спорят, взято скорее всего в том смысле, что огня при загорании и вещей при затухании космоса отмеривается строго по золотому курсу, как опять же во фр. 31: земля и море, «поворачиваясь» друг в друга отмериваются <...> в должном соотношении, «логосе»* [В. Библихин. Язык философии (1993)]; НКРЯ.

Если учитывать, что в словарях антонимов не представлена оппозиция *земля – море*, то следует считать обозначенные в ней антонимы индивидуально-авторскими, хотя М. Цветаева отнюдь не единственный автор, опирающийся на такое противопоставление.

Очевидно, что в процессы осмысления единиц как противоположных вмешиваются разные факторы, не только логические, но и лингвистические (отражение антонимичных лексем в контекстах, их совместная встречаемость), и статистические (частотность употребления), и лингвокультурологические (особенности осмысления и закрепления той или иной смысловой вертикали в картине мира). Векторная антонимическая вертикаль (*море – небо*) более очевидна и хорошо разработана, отражена в культуре, а горизонтальный антонимический вектор (*море – земля*) менее очевиден. Как утверждает А. Вознесенский: *Море – полусостоянье между небом и землей, между водами и сушей, между многими и мной; между вымыслом и сущим, между телом и душой.* (А. Вознесенский. Общий пляж № 2). Об учёте разных параметров, имеющих ещё и в разных языках, убедительно пишет М.Л. Мёрфи [Murphy, 2003].

Чтобы снять проблему разграничения языковых и речевых (индивидуально-авторских) антонимов, некоторые лингвисты используют для обозначения последних термин «оппозитивы» [Никитин, 1988], [Боева, 2001], пришедший из структурной лингвистики и позволяющий представить один из основных типов отношений (организованное различие) между единицами разных уровней языка. «Имена с противоположными значениями называются оппозитивами (иногда также контрастивами)», – пишет М.В. Никитин, включая в их состав не только антонимы, но и конверсивы [Никитин, 1988, с. 97]. Используется также вариативный первому термин «оппозиты» [Гудкова, 2012, 2013], [Корнилова, Исмаева, 2015]. В группу оппозитов включают «прагматические оппозиты (контекстуальные иokkaзиональные антонимы в терми-

нологии лексикологии), то есть антонимы, возникающие в дискурсе» [Гудкова, 2013, с. 92].

В работах, принадлежащих к школе лингвистики декодирования И.В. Арнольд, встречаем и термин «контрастивы», обозначающий тип отношения между текстовыми единицами по их основной функции [Андреева, 1984].

Г.В. Андреева подразделяет контрастивы на две группы: 1) реальные контрастивы, к которым относятся антонимы, способные образовывать автономные лексические оппозиции (*black – white, young – old*); 2) потенциальные контрастивы – единицы, которые способны выражать контраст лишь в зависимости от конкретного речевого использования и тесно связаны с контекстом описываемых в тексте ситуаций или даже с контекстом целого текста [Андреева, 1984]. Показательно, что к последним исследователь относит конверсивы (*love – (to) love, (a) secret – (something) secret*), эквонимы (*men – women*), родо-видовые корреляты (*parents – children*), синонимы и ассоциаты.

Однако безоговорочное принятие такой терминологии, на наш взгляд, не решает проблемы «расширительного» истолкования антонимов. Представляется, что в рамках сформировавшегося в лингвистике функционального подхода при анализе функционирования единиц языка в том или ином контексте просто необходимо учитывать не только функции-потенции, или первичные функции (Е. Курилович), но и функции-реализации, или вторичные функции, таких единиц, а значит, принимать во внимание тот факт, что в зависимости от условий реализации и авторской установки (речь идёт об интенциональном⁴ употреблении) языковая единица может выступать в несвойственной ей вторичной функции. Контекстуальные

⁴ Намерение говорящего с выбором грамматической формы, несущей определенную семантико-прагматическую функцию, одним из первых связал А.В. Бондарко [Бондарко, 1998]. Несмотря на то, что термин интенциональность был сформулирован для грамматики, он может рассматриваться как свойство языковых значений разных типов – как грамматических, так и лексических.

антонимы – это в первую очередь воплощение вторичных функций, разрушающих представление о нормативной, ожидаемой их реализации.

Для того чтобы придать терминологическую стройность тем многочисленным понятиям, которые касаются различных типов антонимов, продолжим рассуждения по поводу ряда: «речевые антонимы» – «контекстуальные антонимы» – «индивидуально-авторские антонимы». Обсуждая антонимы, функционирующие в идиолекте М. Цветаевой, из нескольких терминов, очевидно, уместнее выбрать всё же термин «индивидуально-авторские антонимы», поскольку именно он, по мнению Н.Б. Боевой-Омелечко, «подчёркивает активную творческую роль автора произведения в создании нестандартных противопоставлений в контексте произведения» [Боева-Омелечко, 2012, с.13].

1.2.3. Лексические и грамматические антонимы

При широком понимании антонимии актуальным становится разграничение *лексических* и *грамматических* антонимов, признание *межчастеречной* антонимии. О том, что современная лингвистика признаёт антонимию не только на лексическом уровне языка, но и на грамматическом (в широком понимании этого термина), свидетельствует и последнее издание энциклопедического словаря «Русский язык» (1998), в которой антонимия определяется как противоположность значений языковых единиц одного и того же уровня языка: слов, морфем, синтаксических конструкций [БЭС, 1998, с. 28].

Осознание фактов изоморфизма языковой системы и глобального её семантизма, проявляющегося на разных уровнях – лексическом (лексическая семантика), грамматическом/морфологическом (грамматическая семантика), синтаксическом (семантический синтаксис), позволило учёным прийти к выводу о том, что антонимические отношения характерны для единиц не только лексической, но и грамматической подсистем языка.

Подход к антонимии как виду отношений между единицами не только лексического, но и грамматического уровня (в широком понимании этого термина) получил признание в лингвистике. Данная точка зрения представлена в работах Ш. Балли, М.Я. Блоха, О.С. Ахмановой, Л.А. Новикова и получила развитие у Ю.Н. Власовой, Н.Б. Боевой-Омелечко, Л.А. Штелинга и ряда других учёных. Так, О.С. Ахманова отмечает, что в речи может происходить антонимирование не только лексико-фразеологических, но и грамматических единиц, воплощающих контрастное восприятие художником слова действительности [Ахманова, 1969, с. 207]. О признании не только грамматических антонимов, но и синонимов свидетельствует статья «Грамматические синонимы и антонимы и их изучение в школе» [Козинец, 2020], в которой, как видно из её названия, факт наличия грамматических антонимов (и синонимов) является настолько очевидным, что его предлагается адекватно отразить в системе школьного образования. С.Б. Козинец утверждает: «Грамматике, которая относится к знаковой системе языка, присущи те же базовые свойства, что и лексике (любой знак имеет форму и содержание), следовательно, обладать противоположным значением могут единицы не только лексической, но и грамматической системы [Козинец, 2000, с. 21].

Наиболее развёрнуто эта точка зрения представлена в работах Н.Б. Боевой-Омелечко [Боева, 2001], [Боева-Омелечко, 2013, 2021], которая определяет грамматические антонимы как единицы грамматической подсистемы языка, обладающие противоположными значениями вследствие наличия в структурах этих значений наряду с одинаковыми интегральными антонимичных морфологических или синтаксических сем [Боева, 2001, с. 65, с. 188].

К числу грамматических антонимов Н.Б. Боева относит следующие: антонимичные морфемы, служебные слова, грамматические формы, межчастеречные антонимы и синтаксические конструкции, построенные по антонимичным моделям. Исследователь утверждает, что, в отличие от лексических антонимов, грамма-

тические не получили ещё столь же широкого освещения в лингвистике [Боева-Омелечко, 2013, с. 325].

Конкретные примеры грамматических антонимов, функционирующих в поэтических текстах М. Цветаевой, анализируются в работах [Зубова, 2017, с. 90-91], [Козинец, 2000, с. 21], мы вернёмся к ним, рассуждая о грамматических антонимах, представленных в прозаических текстах поэта.

Понятие межчастеречной антонимии помогает обнаружить пересекающиеся семантические зоны между лексической и грамматической антонимией: «Именно само свойство предметов и соответственно само содержание слов (семемы) могут представлять одну сущность, даже если формы предметов и соответственно формы слов (лексемы) оказываются различными. Так, различие грамматических форм, не мешает сохранению в словах, образованных от одного корня, общего для них лексического значения» [Миллер, 1990, с. 60].

Возможности для выявления и обоснования реальности межчастеречной антонимии исследованы в работах ряда ученых (В.А. Иванова, З.Г. Кеворкова, Е.Н. Миллер, В.И. Скибина и др.). Термин «межчастеречная антонимия» принадлежит Е.Н. Миллеру. Он понимается автором как «антонимия противоположных по лексическому значению слов разных частей речи» [Миллер, 1987, с. 88]. Явление межчастеречной антонимии подробно описано в работах Е.Н. Миллера [Миллер, 1981, 1985, 1987].

Как считает Е.Н. Миллер, «втискивание антонимичных оппозиций в тесные рамки одной части речи сужает представление о реальных возможностях языка, о многообразии антонимичных потенциалов лексики» [Миллер, 1980, с. 79]. Эту точку зрения разделяют и другие исследователи, которые, описав большой массив речевого материала, доказали право на существование подобного подхода, см., например, работы В.А. Сазоновой [Сазонова, 2011], Н.А. Тураниной, Г.А. Кулюпиной, Л.М. Курганской [Туралина, Кулюпина, Курганская, 2017], Н.В. Царегородцевой [Царегородцева, 2017]. Н.В. Царегородцева, выявившая модели межчастеречного

взаимодействия в английских оппозитивных паремиях, приводит к выводу, что единицы разных частей речи, вступающие в антонимические отношения, подчинены общему замыслу когнитивно-дискурсивной деятельности.

Ряд лингвистов отмечает, что межчастеречная антонимия характеризуется низкочастотностью, асимметричностью, нетипичностью, например, в художественной прозе А. П. Чехова, по данным одного из исследований, примеров межчастеречной антонимии значительно меньше, чем одночастеречной: 392 пары против 15 пар [Сазонова, 2011]. Е.Н. Миллер же, напротив, считает межчастеречную антонимию систематическим и закономерным явлением языка и речи.

1.2.4. Понятие антонимического контекста

В сегодняшней лингвистике положено начало активному изучению семантических механизмов образования нестандартных антонимических противопоставлений [Халиков, 1983, с. 37]. Такое изменение фокуса изучения антонимии не случайно: оно обусловлено тем общим смещением акцентов в лингвистике от языка к речи, которое привело к образованию новой области знания – коммуникативной лексикологии. Противопоставляя «коммуникативную лингвистику» «докоммуникативной», И.А. Стернин обосновывает в своих работах речевой, коммуникативный подход к слову. Главной целью коммуникативной лингвистики, по мнению исследователя, является анализ языковых единиц в условиях конкретных коммуникативных актов и рассмотрение высказывания (текста) как отправного звена анализа языка [Стернин, 1985, с. 35].

С.В. Пискунова считает, что индивидуально-авторские и контекстуальные антонимические оппозиции состоят из слов, противоположность которых вне контекста частичная, либо даже нулевая [Пискунова, 2002]. Такие антонимические связи чаще всего прослеживаются в **текстовой парадигме**, в **антонимических контекстах**.

Текстовая парадигма объединяет связанные по одним основаниям и противопоставленные по другим признакам слова.

Антонимические контексты выделяются В.Н. Комиссаровым [Комиссаров, 1961], Л.А. Новиковым [Новиков, 1973-1], Л.А. Введенской [Введенская, 1966], М.М. Халиковым [Халиков, 1983] и другими лингвистами.

Понятие «антонимический контекст» ввёл в теорию антонимии Комиссаров. Другие исследователи используют иное терминологическое обозначение для этого понятия – «антонимический бином» [Монина, 2018]⁵, [Унукович, 1986, с. 51]). Данные термины называют типовые синтаксические конструкции, в которых антонимы употребляются совместно и соединяются различными союзами, реализующими семантические отношения между ними [Комиссарова, 1961, с. 71–91].

Н.Б. Боева-Омелечко считает необходимым на современном этапе развития лингвистики применять текстовый подход к исследованию антонимических отношений в языке. Она оперирует следующими понятиями: *антонимический корпус текста*; *антонимический бином*, – включающими отношения между лексической и грамматической антонимией, а также опирается на термин, общепринятый в лингвистике текста (И.Р. Гальперин), – *антонимическая когезия* [Боева-Омелечко, 2012]. Учитывая различные семантические отношения и средства их связи, исследовательница выделяет антонимические биномы соединения противоположностей, альтернативы, сравнения, отождествления, взаимоисключения и противопоставления [Боева-Омелечко, 2013, с. 63–65].

Разнообразные виды антонимов, включённых в антонимический корпус текста, представлены в работе Н.В. Зайцевой [Зайцева, 2007].

⁵ Т.С. Монина использует понятие «антонимический блок», описывая реализацию концептов. Интересно, что автор опирается при этом на понятие «бинарного архетипа» М.С. Уварова [Монина, 2018, с. 226].

Термин «антонимический контекст» следует понимать не только как парное употребление антонимов при соединении их союзом, но и как любой самостоятельный и целостный вид контекста, в котором отражается антонимичность языковых единиц. К числу типовых антонимических контекстов, в которых антонимы регулярно употребляются совместно, исследователи относят параллельные синтаксические конструкции, в которых антонимы занимают тождественную синтаксическую позицию, а также конструкции с противительными союзами и другие.

Различая логические и прагматические антонимы, Н.А. Лаврова утверждает, что прагматические антонимы всегда контекстуально обусловлены, причем под контекстом понимаются не столько языковые, сколько экстралингвистические факторы. «Так, в контексте обсуждения вин, белое вино противопоставлено красному, а не черному. В контексте правил дорожного движения красный цвет противопоставлен зеленому, несмотря на то, что в системе языка данные противопоставления не являются антонимичными» [Лаврова, 2017, с. 66–67].

Именно такого рода контексты, основной смысл которых представляет *сплошную антонимическую сетку*, прагматически значимую для её создателя, мы обнаруживаем у М.И. Цветаевой.

Приведём отрывок из цветаевского эссе «Живое о живом», посвящённый Максимилиану Волошину, в котором антонимы разного типа выделены жирным, чтобы отчётливо был виден их сквозной, пронизывающий весь текст, порядок. В этом эссе находим контраст, построенный на разного типа антонимах, которые «держат» текст, скрепляя его. См. отрывок, представленный ниже.

*Убедившись сейчас, за жизнь, как люди на друзей скупы (почти как на деньги: убудет! мне меньше останется!), насколько все и **всех** хотят **для себя**, **ничего для другого**, насколько **страх потерять** в людях сильнее **радости дать**, не могу не настаивать на этом рожденном Максином свойстве: **щедрости** на самое дорогое, прямо обратной **ревности**. Люди, как Плюшкин ржавый гвоздь,*

и самого заваливающего знакомого от глаз берегут – а вдруг в хозяйстве пригодится? Да, **ревности** в нем не было никакой – никогда, кроме **рвения к богатству ближнего** – бывшего всегда. Он так же **давал**, как другие **берут**. С жадностью. Давал, как отдавал. Он и свой коктебельский дом, таким трудом **добытый**, так **выколоченный**, такой **заслуженный**, такой его по духовному праву, **кровный**, **внутренне свой**, как бы с ним **сорожденный**, **похожий на него** больше, чем его гипсовый слепок, – **не ощущал своим, физически своим**.

В приведённом отрывке Максимилиан Волошин охарактеризован как душевно щедрый человек, способный отдавать и делиться всем: друзьями, домом. Это его свойство выглядит наиболее явно, «выпукло», (характеризуя М. Волошина как незаурядную, сильную личность, способную жертвовать «своим»), на фоне прямо противоположных качеств – отсутствия способности отдавать и делиться. Ключевыми для данного контекста являются конверсивные антонимы: *дать/давать – взять/брать* и смысл *своё//чужое*, выраженный сочетаниями: *для себя – для другого*. Противоположность *щедрости* и *ревности* оказывается эксплицитно выраженной с помощью прямого пояснения самой Цветаевой (метаязыковая рефлексия): в её описании *щедрость на самое дорогое*, **прямо обратна ревности**. Все остальные смысловые единицы: определения *добытый*, *выколоченный*, *заслуженный*, *сорожденный* и др., – подчёркивающие ожидаемую степень «своего», и паронимические и звуковые сближения и отталкивания: *ревность – рвение*, – в рамках антонимического контекста либо сами становятся антонимичными, либо участвуют в актуализации антонимических отношений.

Примечательно, что и стихотворный эпиграф к этому эссе тоже построен на принципе контраста, механизмом создания которого служат контекстуальные межчастеречные антонимы. Антонимическая оппозиция построена здесь на многозначности, в которой содержательно значимой оказывается и этимологическое значение

слова (*белей – чернь*)⁶. Особую роль играют в приведённом контексте односторонние индивидуально-авторские антонимы, построенные на антонимо-синонимических отношениях, явно выходящих за пределы квазиантонимии (*дворянин – дровосек*). По смыслу две антонимические оппозиции связаны: в них противопоставлены семантические признаки: аристократ, дворянин, *человек высокого происхождения* и чернь, люди из непривилегированных классов, просто-народье, толпа, *люди низкого происхождения*:

*...И я, Лозэн, рукой белей чем снег,
Я подымал за чернь бокал заздравный!
И я, Лозэн, вещал, что полноправны
Под солнцем – дворянин и дровосек!*

Таким образом, антонимический контекст оказывается у Цветаевой построенным и устроенным по законам текста с его цельностью, тотальной связностью и реализацией других текстовых функций, таких, например, как смысловой контраст, выраженный антонимами, проявляющий себя на уровне такой структурно-семантической и композиционной составляющей, как эпиграф.

⁶ Не случайно Л.В. Зубова отмечает, что Цветаева является не только интуитивным лингвистом, но и интуитивным историком языка [Зубова, 1989, с. 3]. Символическое противопоставление белого и чёрного (с учётом этимологии слова чернь) встречается в цветаевском очерке «Мой Пушкин», где оно хорошо разработано.

ГЛАВА 2. ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ И ОСОБЕННОСТИ ЕЁ ПРОЗЫ

*Тающая легче снега,
Я была – как сталь.
Мячик, прыгнувший с разбега
Прямо на роля...
М. Цветаева*

2.1. Отличительные черты языковой личности М.И. Цветаевой

Антонимизация действительности – важнейшая черта творчества М. Цветаевой, языковая личность которой не случайно обозначена разными лингвистами как «безмерная» и «парадоксальная» [Ревзина, 2009] [Ляпон, 2001; 2010]. В работах современных исследователей доказано, что поэтическое творчество М. Цветаевой развивается в области предельных понятий, которые антиномичны; оно открывает и переживает высшие антиномии мира и души [Шлемова, 2007].

*Тающая легче **снега**, / Я была – как **сталь**. / Мячик, прыгнувший с разбега / Прямо на роля... (М. Цветаева).* Примечательно, что в приведённой короткой цитате из стихотворения «Мальчиком, бегущим резво...» оказались отражены не только противоположные черты характера лирической героини Марины Цветаевой, выраженные метафорическими контекстуальными антонимами⁷: *снег* (недолговечное, непрочное) – *сталь* (долговечное, прочное), но и важнейшие принципы её творческого кредо – играя, смело и неожиданно (ибо *шалость – жизнь мне, имя – шалость*) нарушать

⁷ Перед нами метафорическая антитеза, или синкрисис. К слову сказать, в стихотворении, из которого извлечена цитата, есть ещё одно риторическое средство, основанное на контрасте и выраженное с помощью межчастеречных антонимов, – оксюморон: *Вы **посмеивались трезво** // Злым моим словам.*

всяческие запреты, разрушать общепринятые нормы – жизненные и языковые.

И. Бродский отметил, что «проза была для М. Цветаевой лишь продолжением поэзии, но только другими средствами». Он указал также на «языковую и метафорическую спрессованность» цветаевской прозы, её «чисто лингвистическую перенасыщенность, воспринимаемую как эмоциональную перенасыщенность» [Бродский, 1997, с. 59–66]. Поэтому во второй главе мы решили обратить внимание на такие особенности творчества М. Цветаевой, как единый поэтический принцип организации всей её многожанровой прозы, амбивалентность и афористичность, а также на склонность М. Цветаевой к смелым экспериментам над языком, которая, в частности, отразилась и на контекстуальной игре с антонимами.

2.1.1. Амбивалентность

Противоречивость, амбивалентность является едва ли не главной особенностью, характеризующей языковую личность М. Цветаевой.

По мнению Н.А. Шлемовой, «именно одновременное постижение обоих полюсов и есть для М. Цветаевой способ постижения мира» [Шлемова, 2007]. Исследователь делает вывод о том, что сущностной чертой цветаевской гармонии является её принципиальная амбивалентность, отражающая *двойственность проявленной реальности*.

Понятие **амбивалентности** «Национальная психологическая энциклопедия» [НПЭ] трактует как категорию, которая является объектом изучения многих наук. Но впервые этот термин был использован швейцарским психологом Эйгеном Блейером с целью изучить *сосуществование противоречивых импульсов и эмоций*, направленных на один и тот же объект. Это же значение закрепил словарь под редакцией С.А. Кузнецова: амбивалентный – «[от *лат.* *ambi* – «кругом, с обеих сторон» и *valentia* – «сила»]. *Психол.*

Вызывающий двойственные чувства (например: любви и ненависти, восхищения и негодования и т.п.)» [БТСРЯ, 2000, с. 37].

Философы определяют амбивалентность как «двойственность чувственного переживания, выражающуюся в том, что один и тот же объект вызывает к себе у человека одновременно два противоположных чувства, например, любви и ненависти», при этом, «амбивалентность коренится в неоднозначности отношения человека к окружающему, в противоречивости системы ценностей» [ФЭС, 1983, с. 21].

Амбивалентность рассматривают и как лингволитературную категорию. В работе А.Ю. Корзюкова «Амбивалентность в творчестве А. Блока» [Корзюков, 1996] подробно описаны этапы формирования амбивалентности, берущей свое начало в психологии писателя и реализующейся через слово. Среди этих этапов выделяются антитечность / контрастирование элементов художественного произведения; единство элементов текста, отражающее диалектику противоположности; антонимия как противоположность внутри одной сущности и стилистическая значимость таких фигур речи, как антитеза и оксюморон. Более подробно об основных стилистических фигурах контраста см. в статье Е.Г. Кашицыной «Фигуры, построенные на основе контраста в прозе М.И. Цветаевой» [Кашицына, 2014]. Обозначенные этапы формирования амбивалентности взаимосвязаны между собой.

Прозаические тексты М. Цветаевой проникнуты *диалектикой противоположностей*, можно сказать, что они насквозь амбивалентны. Последние исследования в области антонимии показывают, что антонимия может выступать в качестве идиостилевой доминанты [Оганян, 2017]. Представляется, что это в полной мере относится и к творчеству М.И. Цветаевой. При этом диалектика жизни в прозе М. Цветаевой получает обозначение через стилистические функции антонимов: в первую очередь, через функцию противопоставления, а также через целый ряд других функций. Проявление контраста в текстах М. Цветаевой обусловлено, по

нашему мнению, амбивалентностью её творческой личности и особенностями её парадоксального (М.В. Ляпон) лингвокреативного мышления (С.А. Ахмадеева).

2.1.2. Антонимия как доминантная черта идиостиля

Опора на антонимы является доминантной чертой идиостиля М. Цветаевой, что связано с амбивалентностью психологического строя её личности и вытекает из лингво-креативных особенностей её мышления.

Б.Ю. Норман полагает, что антонимы в значительной степени держат на себе текст, помогают его организовывать (что и обнаруживается в прозе М. Цветаевой) [Норман, 2011, с. 22].

Н.Б. Оганян пишет: «В рамках своего идиостиля любой писатель волен выбирать разнообразные языковые средства для достижения образности. В качестве таких средств могут выступать, в частности, антонимические оппозиции» [Оганян, 2016, с. 103].

О.Л. Кабанина считает контраст идиостилевой и когнитивной доминантой текстовой деятельности М. Цветаевой как языковой личности [Кабанина, 2022, с. 4]. В диссертационном исследовании О.Л. Кабаниной контраст рассматривается как лексическая регулятивная универсалия поэзии М. Цветаевой, отражающая особенности мышления автора и способ его взаимодействия с адресатом [там же, с. 98]. Удалось доказать, что контраст в поэзии М.И. Цветаевой явление устойчивое, проявляющееся на разных этапах творчества автора. В указанной диссертации представлена типология смысловых антонимических текстовых парадигм в поэзии М.И. Цветаевой и отражена их динамика и эволюция в творчестве поэта.

«В англо-американском литературоведении не случайно существует тенденция трактовать творчество М. Цветаевой как систему оппозиций, включающую в себя антиномические явления, при этом с тесными связями и отношениями между полюсами» [Зубарева, 1989, с. 19].

В прозаических текстах Марины Цветаевой антонимические оппозиции являются частотными. Они представляют собой текстовый каркас, а следовательно, являются доминирующим средством в его организации.

Покажем это на примере отрывка из «Письма к амазонке».

«Вашу книгу я прочла. Вы близки мне как все пишущие женщины. Не смущайтесь этим все: все не пишут, пишут единицы из всех.

Вы близки мне как всякое уникальное существо и, поверх всего, как всякое уникальное женское существо.

Я думаю о Вас с той поры, как увидела Вас – месяц? В молодости у меня душа горела высказаться, я все боялась упустить волну, уносящуюся от меня и несущую меня к другому, я все боялась больше не любить: ничего больше не познать. Теперь я уже не молода и научилась упускать почти все – безвозвратно.

Иметь все сказать – и не раскрыть уст, иметь все дать – и не раскрыть ладони. Сие – отрешенность, которая именуется Вами мещанской добродетелью и которая – мещанская ли, добродетель ли – есть главная пружина моих поступков. Пружина? – этот отказ? Да, ибо для подавления силы нужно бесконечно большее усилие, чем для ее свободного проявления – что не требует никакого. В этом смысле всякая органическая деятельность есть вещь пассивная и всякая зрячая пассивность – действенная (излияние – подпадание, подавление – повелевание). Что трудней: сдерживать скакуна или дать ему ходу, и коль скоро мы – тот же скакун – что из двух тяжче: сдерживаться или дать сердцу волю? Дышать или не дышать?» (Цветаева. Письмо к Амазонке).

В этом отрывке представлены разнообразные антонимы: узуальные (*дышать – не дышать*) и окказиональные (*всё дать – не раскрыть ладони*); одночастеречные (*пассивная – действенная*) и межчастеречные (*в молодости – не молода*); однословные и не однословные (*сдерживать скакуна – дать ему волю*), в том числе противопоставления слова и фразеологической единицы (*сдержи-*

ваться – дать сердцу волю). Используются разные типы антонимических отношений: контрадикторные (*пассивность – деятельность*) и векторные (*излияние – подпадание, подавление – повелевание*). Кроме лексических антонимов используются также грамматические, формируя грамматическую антитезу (*уносящуюся от меня – несущую меня к другому*). В последнем примере в антонимические отношения вступают возвратный приставочный и невозвратный бесприставочный глаголы движения, которые влияют и на смысловые отношения с зависимыми словами (*от меня – меня к*), и антонимичные пространственные предлоги (*от – к*). Всё это формирует разные точки зрения на ситуацию, описываемую в контексте: *уносящуюся от меня* – наблюдатель вне ситуации, точка зрения статична; *несущую меня к другому* – наблюдатель внутри ситуации, точка зрения динамична.

Представленный отрывок демонстрирует отмеченные нами выше качества цветаевской прозы, насыщенной контрастами и антонимами. И то и другое – доминантная стилиобразующая черта этой прозы. В приведённом отрывке представлены также высказывания, которые по своим характеристикам явно афористичны: *«Иметь все сказать – и не раскрыть уст, иметь все дать – и не раскрыть ладони. Для подавления силы нужно бесконечно большее усилие, чем для ее свободного проявления. Всякая органическая деятельность есть вещь пассивная и всякая зрячая пассивность – действенная (излияние – подпадание, подавление – повелевание)»* (Цветаева. Письмо к Амазонке). Антонимические афоризмы Цветаевой безупречно симметричны по структуре и ёмки по смыслу. Они являют собой многократно усиленный на образном и композиционном уровне антитетичный смысловой сплав.

В одной из своих работ Н.Б. Боева-Омелечко утверждает, что индивидуально-авторская антонимия может быть проявлением лингвокреативного потенциала языковой личности [Боева-Омелечко, 2008]. Цветаевские тексты показывают, что её лингвокреативный потенциал не просто велик, он огромен и проявляет себя

в виртуозном применении (исполнении!) антонимов, их «творении», сцеплении, сплавлении друг с другом. Антонимы разных типов, объединяя смысловые *взлеты и бездны*, действительно, являются *бренными сваями, сцепляющими железными скобами* прозаические тексты Цветаевой (*См. эпиграф к третьей главе*). Она не просто творит организованный по законам контраста мир, наполняя его запоминающимися афоризмами, но как будто втягивает читателя в смысловую игру с антонимами, построенную на тонких смысловых нюансах.

2.2. Особенности прозы М.И. Цветаевой

Проза М. Цветаевой характеризуется двумя важными чертами, на которых необходимо остановиться. Во-первых, это поэтическая проза, проза поэта, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Во-вторых, опора на антонимы как отличительная черта цветаевской прозы лежит в основе её афоризмов. Остановимся на этих особенностях в двух следующих параграфах.

2.2.1. Поэтичность

Термин «проза поэта» чаще всего соотносят с началом XX века. Как справедливо отмечает Р. Якобсон, «проза Брюсова, Белого, Хлебникова, Маяковского и Пастернака – уникальная колония новой поэзии, открывающая целый веер путей, готовящих новый взлёт русской прозы» [Якобсон, 1987, с. 325]. Исследователь И.Г. Минералова доказала: «проза и поэзия грани веков пытаются привить себе то, что составляет основу основ другого, противоположного «крыла» литературы», таким образом, происходит их взаимообогащение, где они «учатся» друг у друга» [Минералова, 1999, с. 24].

Отличительной особенностью прозы поэта, по выражению В.М. Жирмунского, является наличие «повышенной эмоциональ-

ности, поэтической образности (метафоричности)» [Жирмунский, 1975, с. 318]. При этом лиризм обнаруживается как в сфере языка, так и в своем, отличительном авторском видении.

По мнению О.В. Калининой, «не всегда лирическая проза является прозой поэта, но проза поэта, особенно проза начала XX в., является лирической» [Калинина, 2003, с. 5].

Одним из основных признаков лирической прозы является усложненная образность художественного языка. Такая образность присутствует почти во всех контекстах М. Цветаевой, она многократно усиливает контраст, выраженный антонимами, усложняя его экспрессивно и стилистически. Не случайно Р.Б. Гуль [Гуль, 1993, с. 222–223], анализируя «автобиографические отрывки» в произведениях о детстве Марины Ивановны: «Мать и Музыка», «Мой Пушкин», «Открытие Музея», назвала мастерство её творчества «оркестровкой» и «словесным ваянием».

Свои прозаические труды М.И. Цветаева определяла как «работу поэта». В 1925 году она писала Д.А. Шаховскому: «Я не философ. Я поэт, умеющий и думать (писать и прозу)» (Цветаева. Письмо Д.А. Шаховскому, 30.12.1925). «Проза поэта, – как объяснила В.В. Рудневу в 1933 году М. Цветаева, – другая работа, чем проза прозаика, в ней единица усилия (усердия) – не фраза, а слово, и даже часто слог <...>. Не могу разбивать художественного и живого единства, как не могла бы, из внешних соображений, приписать по окончании, ни одной лишней строки» (Цветаева. Письмо В.В. Рудневу, 09.12.1933).

«Клеймо поэта лежит на эпистолярной прозе Цветаевой. Максимализм – главная ее черта» [День поэзии, 1965, с. 198]. А максимализм, очевидно, ведёт к противоречивому, не знающему сглаживающей середины, пониманию мира.

2.2.2. Афористичность

Ещё одно уникальное свойство цветаевской прозы, основанное на контрасте и, следовательно, на антонимии, – это афористичность.

Вот как трактуется понятие «афоризм» в словаре лингвистических терминов под редакцией Т.В. Матвеевой: «Афоризм – устойчивое выражение, кратко, обобщенно, в отточенной форме выражающее умную мысль. А. называют в первую очередь авторские сентенции: *Совесть вернее памяти* (М. Лермонтов) <...>. Художественное совершенство А. подчеркивается использованием тропов и фигур, особенно употребительны антитеза и параллелизм» [Матвеева, 2010, с. 31].

Далее отмечается, что афоризмы «служат предметом личного осмысления, используются для подтверждения мысли говорящего и оценки ситуации, применяются в качестве аргументов в дискуссиях», что афоризмы являются «показателями богатства речи, заметной чертой совершенного владения родным языком» [Матвеева, 2010, с. 32].

Особенностью афоризма является его способность к реализации в двух качествах: с одной стороны – речевого, дискурсивного знака, а с другой – художественного текста определенного жанра. Воспринимаемый в той и другой ипостаси, он обобщает и типизирует многообразные проявления личной и общественной жизни и прочно бытует в общении как его органическая часть, как концентрированная и емкая форма художественного отражения действительности и выражения отношения носителя языка к ней.

Это особенное качество поэтического языка М. Цветаевой (порождать афористические формулы) отмечают О.Г. Ревзина и М. В. Ляпон. Так, Ольга Григорьевна пишет: «... в «Записных книжках» едва ли не каждая вторая мысль отливается в формулу, достойную специального произведения под названием «Максимы Марины Цветаевой...» [Ревзина, 2009, с. 39]. «Главная компетенция Цветаевой как генератора парадокса в условиях прозы – лаконичная формула, в которой логическая аномалия и сам механизм переворачивания истины более доступны наблюдению», – вторит О.Г. Ревзиной М.В. Ляпон [Ляпон, 2010, с. 216]. М.В. Ляпон подчёркивает, что Цветаева-аналитик обладает парадоксальной логикой поэтичес-

кого мышления, позволяющей ей выразить *метаморфозы истины и лжи в виде афоризма* [Ляпон, 2010, с. 156].

С.А. Ахмадеева отмечает, что афористичность, являясь одним из основных признаков записных книжек и сводных тетрадей Марины Цветаевой, указывает на «парадоксальность женской логики и лингвокреативный характер ее поэтического мышления» [Ахмадеева, 2003].

«Кривая вывозит, прямая топит» (Цветаева. Отрывки из книги «Земные приметы»).

«Красивость – внешнее мерило, прекрасность – внутренняя» (Цветаева. Поэт о критике).

«Забота бедных: старое обратить в новое, богатых: новое в старое» (Цветаева. Сводные тетради).

«Щедрость в радости, скупость в горе» (Цветаева. Сводные тетради).

«Все из себя дающий есть все в себя берущий: отдающий. Все – только из всего» (Цветаева. Наталья Гончарова).

Вся проза М.И. Цветаевой – это отражение ее мыслей и поступков. Объединяя амбивалентные миры, она делает их достоянием людей, для которых и совершает творческий подвиг. Антонимы позволяют Цветаевой не только создавать и объединять амбивалентные миры, но и творить афоризмы.

В одной из статей С.А. Ахмадеева использует как нельзя более подходящий для нашего случая термин – **антонимические афоризмы** (метаболы) М. Цветаевой. Исследователь отмечает, что такие афоризмы «демонстрируют процесс рождения мысли, ее уточнение в споре не только с обывателями, но и с собой». Это указывает на полемический характер произведений Марины Цветаевой [Ахмадеева, 2015, с. 10].

ГЛАВА 3. СИСТЕМА АНТОНИМОВ В ПРОЗЕ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

*Эти ады и раи,
Эти взлеты и бездны –
Только бранные сваи
В легкой сцепке железной.*
М. Цветаева

3.1. Языковой эксперимент как предпосылка образования индивидуально-авторских антонимов

Отличительной особенностью творчества М.И. Цветаевой является ее постоянное словотворчество и языковой эксперимент.

По мнению О.Г. Ревзиной, М. Цветаева «относится к тем поэтам, которые активно занимались словотворчеством, и ее вербальное поэтическое мышление немислимо без производства слов «на случай» и «по случаю» [Ревзина, 2009, с. 328]. Поэтому основная черта поэтики Марины Цветаевой – это переосмысление общезыковой семантики слов и их необычное использование, сочетание друг с другом, в результате которого получается новый смысл фразы и ее новое значение.

М.В. Ляпон также пишет о М. Цветаевой как об «интуитивном лингвисте», «экспериментаторе», для которого свойственно «вторжение в саму фактуру текстовой ткани», которую она «расплетает и по-своему переплетает» [Ляпон, 2010, с. 216].

Л.В. Зубова отмечает, что философско-мировоззренческий максимализм М. Цветаевой находит адекватное выражение в максимализме языковом [Зубова, 2017, с. 6]. А смелость экспериментов с языком у М. Цветаевой сравнивает со смелостью футуристов [Зубова, 1999].

Что же такое языковой эксперимент? По мнению В.В. Фещенко, это «языковая деятельность по исследованию возможностей языка, при этом как эстетических возможностей, так и эвристических. Эксперимент как метод представляет собой системное явление, основанное на качественном изменении исходного языкового материала, на смещении языковых пропорций в его структуре, с целью его преобразования» [Фещенко, 2009].

Творчество М.И. Цветаевой характеризуется постоянным желанием познать мир через языковые связи, модели и отношения. Отсюда и её стремление – добраться до самого глубинного смыслового пласта в слове, осмыслить его не только в целом или поморфемно, но и расчленив на звуковые смыслы, чтобы потом перейти к ассоциативным сближениям с другими словами. Л.В. Зубова такой эксперимент называет «языковой игрой» [Зубова, 1999]. В более поздней своей работе исследовательница называет Цветаеву поэтом-философом и поэтом-лингвистом [Зубова, 2017, с.6]. Будучи интуитивным лингвистом с амбивалентным восприятием мира, способным к тому же на смелые эксперименты с языком, М. Цветаева активно использует в своём творчестве такой ресурс языка, как речевые антонимы. Как справедливо отмечает М.Р. Львов [Львов, 1970, с. 75], «такие противопоставления используются в языке для создания яркого художественного образа, поэтому их называют индивидуально-стилистическими антонимами».

Для обозначения указанного явления используются различные термины. Так, Г.П. Мельников использует термин «ситуативные многоаспектные антонимы» [Мельников, 1971, с. 58]. Но большинство языковедов называет их контекстуальными антонимами. Л.А. Новиков пишет: «Контекстуальными антонимами следует считать такие слова, которые по своим первоначальным функциям в языке относятся к разным тематическим группам и входят своими вторичными функциями в общую тематическую группу, при этом их значительная разница нейтрализуется контекстом, становится в данном употреблении несущественной» [Новиков, 1973-1, с. 74].

Д.Н. Шмелев также отграничивает «контекстно противопоставляемые слова» от «собственно языковых» антонимов [Шмелев, 1977, с. 207]. Такие антонимы (речевые, контекстуальные, индивидуально-авторские) не являются узуальными, они окказиональны.

В своей работе, как уже было отмечено в первой главе, мы будем более активно использовать термин индивидуально-авторская антонимия, поскольку именно этот способ обозначения антонимов свидетельствует об индивидуальном стиле писателя.

Индивидуально-авторская антонимия в творчестве М. Цветаевой образует речевые оппозиции, иллюстрирующие разного рода лексико-семантические и формальные взаимовлияния языковых и контекстных признаков противопоставленности. Таким образом, явление индивидуально-авторской антонимии можно определить как противопоставление нормативного употребления слова и его вариативного значения.

В прозе М. Цветаевой индивидуально-авторская антонимия образуется двумя способами:

1) посредством контекстуального «столкновения» лексем, не являющихся антонимами в системе языка (не отражённых в словарях антонимов), но в языковом узусе имеющих;

2) посредством конструирования окказионального слова, формирующего антонимическую пару.

В первом случае М. Цветаева опирается в основном на грамматические (в широком смысле слова) ресурсы языка и конструирует индивидуально-авторские антонимы с опорой на контекст.

Во втором случае ей уже не хватает имеющихся языковых ресурсов, и она не конструирует, а в буквальном смысле слова «творит» антонимы, создавая не только антонимическую пару, но и окказиональное слово, участвующее в её формировании. Как справедливо отмечает сама М. Цветаева: «Одно слово *имеет* свой смысл. Два слова *создают* смысл. Этот смысл не содержится ни в одном, ни в другом из этих двух слов. Это новый смысл (фр.)» (Цветаева. Незданное. Записная книжка 14).

О двух типах окказиональных слов в поэтическом языке М. Цветаевой пишет и О.Г. Ревзина, обратившая внимание на то, что окказиональные слова в её поэтическом языке делятся на две группы: имеющие и не имеющие синонимов в литературном языке [Ревзина, 1989, с. 201].

На два типа окказиональных антонимов в рамках индивидуально-авторской антонимии обращает внимание и Н.Б. Боева-Омелечко. Индивидуально-авторские антонимы второго типа, указанного выше, она предлагает называть *индивидуально-авторскими антонимами-неологизмами* [Боева-Омелечко, 2012, с. 13]. В антонимических оппозициях такого типа оба члена или чаще один представлены словами, вообще не существующими в системе языка: они придуманы автором для индивидуального контекста.

Однако исследователь отмечает, что на самом деле индивидуально-авторские антонимы могут быть представлены не только оппозициями, включающими антонимы-неологизмы, но и оппозициями, содержащими узуальные слова, антонимичные друг другу, но не являющиеся при этом системными языковыми антонимами. Они противопоставлены автором в единичном контексте, но не указаны в словарях антонимов [там же]. Антонимы этого типа исследователь предлагает назвать *индивидуально-авторскими антонимами-оппозитивами*.

Поскольку мы отказались от использования терминов «оппозиты» / «оппозитивы», антонимы этого (первого) типа обозначим описательно как **индивидуально-авторские антонимы, созданные с опорой на имеющиеся ресурсы языка**.

Для антонимов второго типа будем использовать термин, предложенный Н.Б. Боевой-Омелечко: **индивидуально-авторские антонимы-неологизмы**.

Первый тип индивидуально-авторских антонимов составляет у Цветаевой абсолютное большинство: их количество достигает 81 % от всех примеров. Второй тип – явление исключительное,

а поэтому штучное; тем не менее такие антонимы составляют 19 % от всех исследуемых примеров.

3.2. Принципы выявления языковых и индивидуально-авторских (окказиональных) антонимов в прозе

М.И. Цветаевой

При выявлении как языковых (узуальных), так и индивидуально-авторских (окказиональных) антонимов безусловной для нас была опора на современные словари антонимов, в частности, на словари М.Р. Львова [Львов, 1984], Л.А. Введенской [Введенская, 2008], Н.П. Колесникова [Колесников, 1972], а также на словари синонимов под редакцией Н. Абрамова [Абрамов, 1999], Л.Г. Бабенко [Бабенко, 2011], А.П. Евгеньевой [Евгеньева, 1975] и З.Е. Александровой [Александрова, 2001], словарь синонимов и антонимов А.С. Гавриловой [Гаврилова, 2013].

В ходе анализа для удобства мы опирались на электронные версии тех из них, которые имеются в сети Интернет. В частности, мы использовали данные портала «ГРАМОТА.РУ», на котором представлен «Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений» Н. Абрамова [Абрамов, 1999: http://gramota.ru/slovari/info/abr/intro_ap/] и данные ресурса «АКАДЕМИК», на котором размещен «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова [Ушаков: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/>].

Принимая широкий подход к пониманию антонимии, считаем необходимым пояснить, на какие теоретические положения и методические приёмы мы будем при этом опираться.

Л.А. Введенская [Введенская, 2008, с. 20] предостерегает от предельно широкого (неоправданного) понимания антонимии, поскольку тогда «расплывчатым станет само понятие антонимии». Исследовательница утверждает: «противопоставление слов в речи не может служить основанием для безоговорочного отнесения противопоставляемых слов к антонимам. Необходимо, чтобы противо-

поставляемые слова имели противоположное значение. Это относится к определению как узуальных, так и окказиональных антонимов».

Принципиальными для нас являлись два момента:

1) ориентация на языковые антонимические отношения при выявлении окказиональных антонимов;

2) ориентация на наличие системных отношений в лексике, в частности на синонимические отношения.

О необходимости опираться на языковые антонимы при установлении окказиональных речь идёт во «Введении» к «Словарю антонимов русского языка» Л.А. Введенской. Окказиональные антонимы (для того, чтобы их можно было считать таковыми), по мнению исследователя, обязательно должны соотноситься с узуальными антонимами, «ибо в их значении на первый план выступают признаки, которые свойственны понятиям, выраженным антонимами языка» [Введенская, 2008, с. 30].

Убедительными для нас являются размышления Л.А. Введенской, представленные на страницах 30–31 словаря (издание 2008 года). Ср., например, в пословице: «*Речи, что мед, а дела как полынь*» противоположное значение имеют два слова *мед* – *полынь*. Из всех признаков данных понятий доминирует признак вкуса: *сладкий* – *горький*, поэтому контекстуальные антонимы *мед* – *полынь* соотносятся с антонимами языка *сладкий* – *горький*». Далее конкретизируется, что между окказиональными и языковыми антонимами могут устанавливаться и более сложные отношения. Например, в пословице «*Речи, что снег, а дела, что сажка*» противопоставлены слова *снег* – *сажка*. В данном примере «усматривается как бы двойное соотнесение по признаку цвета с антонимами *белый* – *черный* и по наличию переносного значения с антонимами *чистый* в значении «правдивый, честный» и *грязный* – «вызывающий осуждение». Такое соотнесение позволяет считать слова *снег* – *сажка* окказиональными антонимами. [Введенская, 2008, с. 30]. Таким образом, исследователь, по сути, демонстрирует на

конкретных примерах процедуру обнаружения окказиональных антонимов, предупреждая их стихийное, основанное только на интуиции выявление.

Этот же методический приём – ориентация на системно-языковые антонимы при выявлении ситуативно-речевых – явственно прослеживается в работах многих современных лексикологов и семаσιологов, например, в монографии Н.Е. Сулименко [Сулименко, 2008]. Описывая лексико-системные связи слов, Надежда Евгеньевна утверждает, что ситуативно-речевая антонимия создаётся с опорой на системно-языковые антонимические связи: «Так, в основе нестандартного текстового противопоставления *Лаской и добротой можно сделать гораздо больше, чем гневом* лежит опора на системные антонимы добро и зло» [Сулименко, 2008, с.141].

Об этом же принципе выявления индивидуально-авторских антонимов пишет Н.Б. Боева-Омелечко: «Значения индивидуально-авторских антонимов противопоставляются на основании тех же сем, что и системные. Но для системных антонимов эти семы являются центральными, а для индивидуально-авторских – второстепенными, периферийными. В контексте произведения благодаря автору периферийные семы становятся центральными и составляют основу противопоставления» [Боева-Омелечко, 2013, с. 12–13].

Словари синонимов привлечены к анализу фактического материала также не случайно. Для современной семантики, базирующейся на признании системных отношений в лексике, антонимические и синонимические отношения могут изучаться не только по отдельности, но и с учётом их взаимосвязи. В научных работах по лингвистике уже не раз было указано на взаимосвязь и взаимодействие синонимии и антонимии.

Несмотря на то, что «отношения между синонимами и антонимами имеют свою специфику и сложность» [Введенская, 2008, с. 31], для нас такой двуединый подход важен в связи с тем, что художественная речь характеризуется, как правило, разветвленной

системой антонимических и синонимических отношений, осложнённых наличием образных проекций.

Как утверждает Я. Вежбински, смысловые сближения и расхождения слов проявляются в художественной речи гораздо шире, активнее, чем в речи общепотребительной [Вежбински, 1983]. Поэтому, весьма важным при рассмотрении художественной речи является изучение и анализ синонимических связей в языке. Я. Вежбински пишет: «Например, в предложении: *«Ты мне такое делаешь, как будто ты мне не мать, а враг!»* (В.Ф. Панова) слова *мать* – *враг* имеют противоположное значение: слово *мать* выступает как контекстуальный синоним слова *друг*. В сознании говорящего и слушающего возникают ассоциативные связи *мать* – *друг* (окказиональные синонимы), *друг* – *враг* (узусуальные антонимы) и *мать* – *враг* (окказиональные антонимы)».

Я. Вежбински удалось определить, что в произведениях А.П. Чехова со словом *радость* антонимизируются не только такие слова, как *горе*, *скорбь*, *грусть*, *печаль*, *мука*, *страдание*, *боль*, но также слова *скука*, *тоска*, *досада*, *отчаяние*, *ужас*. Таким образом, значение одного слова *радость* способно реализовать противоположные значения с двенадцатью разными, как синонимичными, так и несинонимичными словами, причем в ряде случаев антонимичность создается лишь фактом индивидуально-авторского противопоставления слов и вступает в противоречие с обычными, языковыми и регулярными антонимическими оппозициями.

В прозе М. Цветаевой можно встретить случаи подобного рода. Например:

1) *Вы, как критик, читаете современный хлам, вещи одного дня, а Вам, как моему другу, нужно читать Библию и Троию* (Цветаева. Сводные тетради. Тетрадь 1).

2) *Есть рядом с нашей подлой жизнью – другая жизнь: торжественная, нерушимая, непреложная: жизнь Церкви. Те же слова, те же движения, – все, как столетия назад. Вне времени, то есть вне измены.*

Мы слишком мало об этом помним (Цветаева. Дневниковая проза. Чердачное).

В приведённых контекстах представлены индивидуально-авторские антонимы, противопоставленные по типу «слово/словосочетание – синонимический ряд». Ср.: *современный хлам, вещи одного дня – Библия, Троя; подлая жизнь – другая жизнь, жизнь Церкви*. Словосочетания *современный хлам* и *вещи одного дня* противопоставляются понятиям *Библия* и *Троя* как низкое и преходящее (временное) высокому и непреходящему (вневременному). Словосочетания *современный хлам, вещи одного дня* являются синонимичными: в первом словосочетании главным словом является существительное *хлам*, употреблённое в значении «о ком-, чем-либо ничтожном, несостоящем» [БТСРЯ, 2000, с. 1443], во втором словосочетании речь идет о ничтожности читаемого материала: *вещи одного дня* – это то, что можно не хранить, от чего можно легко избавиться, выкинуть, как хлам.

Библия и *Троя* имеют противоположные названным выше ценностные коннотации. *Библия* – «[греч. *Biblia* – «книги»], (с прописной буквы). Свод священных книг иудейской и христианской религий, состоящий из Ветхого Завета (признаваемого каждым из этих вероучений) и Нового Завета (признаваемого только христианством)» [БТСРЯ, 2000, с. 77]. *Троя* – «Илион – древн. город на с.-з. М. Азии, крупный политический центр Трояды 3-2 тыс. до н.э. Известна по др.-греч. эпосу о Троянской войне» [Гладкий, 1997, с. 189–190]. Следовательно, основу индивидуально-авторской антонимии составляют узуальные антонимы *временный – вечный (преходящий – непреходящий)*; *низкое – высокое*, отмеченные в словарях антонимов, в частности, в СА М.Р. Львова.

Таким образом, для выявления индивидуально-авторских антонимов в прозе Марины Цветаевой, мы, в первую очередь, обращаем внимание на семный состав, исходя из однородности и близости лексических единиц. Далее устанавливаем состав контрастных

сем сопоставляемых анализируемых единиц, при этом такие семы должны быть существенными для исследуемых лексем.

По мнению Я. Вежбински, слова-антонимы подобного рода реализуют себя не по-отдельности, а как члены конкретных лексико-семантических групп. Подобного рода анализ подразумевает дифференциацию собранного материала по тематической близости с выделением антонимо-синонимических парадигм.

Мы не будем полностью применять данную методику, но при характеристике индивидуально-авторских (окаzionaliальных) антонимов у М.И. Цветаевой, безусловно, будем сопоставлять данные словарей антонимов и синонимов и при этом опираться, в том числе, на синонимические ряды того или иного члена антонимической оппозиции.

Г.Н. Скляревская, подходя к лексическому значению с интегральных позиций, утверждает, что «слово понимается не как ограниченный набор семантических элементов, а как бесконечно сложная и избыточная структура, включающая в себя не только понятийное содержание, но и прагматическую информацию о слове – весь запас лингвистических и экстралингвистических сведений, всех добавочных смыслов, называемых коннотациями» [Скляревская, 2001, с. 182]. Поэтому при выявлении контекстуальных (ситуативных) антонимов принципиальной для нас является не только опора на дефиниции словарей антонимов, синонимов и толковых словарей, но и на компонентный анализ, позволяющий обнаружить потенциальные семантические признаки, актуализированные в контексте.

Важным в методологическом плане для нас является также учёт двух аспектов: 1) «избирательная актуализация семантических признаков значения» [Шмелев, 1983, с. 34]; 2) механизм контекстуального наведения сем.

3.3. Индивидуально-авторские антонимы, созданные с опорой на имеющиеся ресурсы языка

Будем исходить из положения о том, что категория антонимии является особой микросистемой, которая, по мнению Е.Н. Миллера, может проявляться на разных уровнях системы языка: фонетическом, лексическом, морфологическом, синтаксическом [Миллер, 1981, с. 73]. О выходе за пределы лексической системы языка при истолковании антонимов свидетельствуют также работы Н.Б. Боевой [Боева, 2001, 2007], Н.В. Галатовой [Галатова, 1989], Я.И. Гельблу [Гельблу, 1964], С.Г. Вирячевой [Вирячева, 1990] и других.

Какие же уровни языковой системы оказываются задействованными в экспериментах М. Цветаевой по созданию индивидуально-авторских антонимов? Языковое экспериментирование М. Цветаевой проявляет себя на всех уровнях языка:

1) словообразовательном (наличие/отсутствие суффикса субъективной оценки),

2) морфологическом (противопоставление единственного и множественного числа, действительного и страдательного залога, возвратности и невозвратности, противопоставление временных форм, антонимия местоимений и служебных частей речи),

3) лексическом (обыгрывание многозначного слова через столкновение прямого и переносного значения, антонимия фразеологических единиц),

4) синтаксическом (противопоставление утверждения отрицанию, реальной модальности – ирреальной, сопровождаемые меной коммуникативного фокуса и синтаксическим параллелизмом),

5) фонетическом (фоносемантическое противопоставление),

6) стилистическом уровне.

Что касается последнего из упомянутых уровней, М. Цветаева виртуозно использует стилистические ресурсы языка, противопоставляя единицы противоположно стилистически заряженные.

3.3.1. Лексические антонимы

Рассмотрим несколько примеров индивидуально-авторской антонимии, проявляющейся на лексическом уровне.

*Странно, что от Старого Пимена я получила первый урок легкомыслия – не привившегося. Вот он, черным по белому, в малиновом альбоме Нади, гостившем тогда у сестры Валерии <...> Я сказала: **легкомыслия**, хотя по содержанию нужно бы сказать: **благоразумия*** (Цветаева. Дом у Старого Пимена).

В словаре М.Р. Львова есть только оппозиция *серьёзность* – *легкомыслие*, а к прилагательному *благоразумный* – только однокоренной антоним с не-. Таким образом, *легкомыслие* и *благоразумие* – это индивидуально-авторские лексические антонимы. Потому *легкомыслие* и *благоразумие* не являются языковыми антонимами. Это индивидуально-авторские антонимы, созданные с опорой на имеющиеся ресурсы языка.

Рассмотрим ещё один пример.

*Нади я не увидела никогда, как ни взывала, как ни умоляла, как ни подстерегала – на всех коридорных поворотах оборотом головы жирафы на каждый мнящийся шум, шумок <...> С порога Fremdenzimmer, с постели Krankenzimmer [Комнаты для больных (нем.)], во всем движущемся, во всем кажущемся – в каждом **молчании** – в каждом **звучании** – **крадучись** – **наскоком** – **самоутверждаясь** – **развоплощаясь**... (там же).*

Здесь сразу три пары индивидуально-авторских лексических антонимов, последняя из которых представляет из себя антонимы-неологизмы: глагола *развоплощаться* нет в толковых словарях, он является авторским неологизмом Цветаевой. Остальные пары состоят из имеющихся в языке, но не указанных в словарях антонимов, оппозиций: *молчание* – *звучание* (звук – отсутствие звука); *крадучись* (медленно и осторожно) – *наскоком* (стремительно и неожиданно).

Эксперимент М. Цветаевой со словом на данном уровне языка зачастую связан с игрой на многозначности. В этом случае

антонимическое противопоставление является, очевидно, языковым механизмом в образовании такой фигуры речи, как дилогия (англ. ambigoly, исп. dilogía) [Южанникова, 2016, с. 93], которая состоит «в одновременном употреблении слова в двух разных смыслах в пределах одного и того же высказывания» [Ахманова, 1966, с. 129]. Рассмотрим следующий пример.

Пушкин в этот брак вступил зрячим, не с раскрытыми, а с раздернутыми глазами, без век. Гончарова – вслепую или вполуслепую, с веками-завесами, как и подобает девушке и красавице (Цветаева. Наталья Гончарова).

В данном примере представлена пара межчастеречных антонимов *зрячим – вслепую*. Наречие *вслепую* образовано от прилагательного *слепой*. В словаре антонимов находим *зрячий* в значении: «обладающий зрением, способностью видеть», и *слепой* в значении: «лишенный зрения, способности видеть» [Введенская, 2008, с. 166]. Интересно, что прилагательное *зрячий* и наречие *вслепую* вступают в противопоставление в первую очередь в своих переносных, а не прямых значениях. «Пушкин в этот брак вступил зрячим», т.е. «перен. пронизательным, наблюдательным» [ССРЛЯ, 1955, с. 678], а «Гончарова – вслепую», т.е. «2. Не зная обстановки, обстоятельств, условий, не разобравшись в них; наугад» [БТСРЯ, 2000, с. 160]. Однако, скорее всего, подразумевается также и противопоставление этой пары антонимов в прямых значениях. Существует мнение, что Н.Н. Гончарова была близорука: «На Дворцовой набережной они встретили в экипаже г-жу Пушкину. Данзас узнал ее, надежда в нем блеснула, встреча эта могла поправить все. Но жена Пушкина была близорука; а Пушкин смотрел в другую сторону» [Данзас, 1985]. Е.Ю. Муратова утверждает, что Марина Цветаева умышленно, сознательно использует многозначность слова, чтобы усилить воспроизводимые ею образы с целью указания на «глубинный подтекст в описываемых явлениях и событиях» [Муратова, 2005, с. 31].

Авторское антонимическое значение, проявляющееся в преодолении автоматизма речи, может появиться в результате языковой игры:

*До “исторических же дат”, то есть наших с Асей возрастов, у Иловайского никогда не дошло. Пять лет, пятнадцать ли лет стоящей перед ним Марине – какое ему дело, когда она не Мнишек, а самому восемьдесят с лишком – **зим!** (Цветаева. Дом у Старого Пимена).*

Появление окказиональной словоформы *зим*, обозначающей возраст глубокой старости, обусловлено символическим уподоблением разных возрастных зон человека временам года. При этом у слова *лет* актуализируется многозначность. Значение этого слова как бы расслаивается, восстанавливается его этимология: «**Лéто**. Согласно одной из этимологических гипотез, это слово одного корня с глаголом *лѣти* и когда-то имело значение «время дождей» (в противоположность зиме, когда идет снег). Впоследствии развились значения «год»» [ЭСРЯ, Крылов].

3.3.2. Фразеологические антонимы

В рамках лексической антонимии выделяется фразеологическая антонимия как «тип отношений между фразеологизмами с противоположным значением» [Боева-Омелечко, 2012, с. 10]

Индивидуально-авторская антонимия на уровне фразеологических единиц в прозе Марины Цветаевой – это особый случай языкового экспериментирования, поэтому его рассмотрение заслуживает отдельного внимания. Ср.: *Пушкин не знал своих возможностей, Брюсов – свои невозможности – знал. Пушкин писал на авось (при наичернейших черновиках – элемент чуда), Брюсов – наверняка (статут, Институт)* (Цветаева. Герой труда).

Индивидуально-авторская антонимия в данном примере представлена противопоставлением фразеологизма *на авось* в значении: «в расчете на счастливую случайность, наугад. <...> Имеется

в виду, что лицо \diamond в надежде на везение делает что-либо, не обдумывая заранее, без тщательной подготовки, часто – недобросовестно» [БФСРЯ, 2012, с. 392], и определительного наречия *наверняка* в значении: «с верным расчетом, безошибочно» [БТСРЯ, 2000, с. 571]. Помимо индивидуально-авторских антонимов М. Цветаева, как видим, при построении антитезы, опирается также на классическую языковую антонимию, представленную словами с наличием/отсутствием отрицательной частицы «не».

Непохожесть, полная противоположность манеры письма А.С. Пушкина и В.Я. Брюсова подчеркивается с помощью синтаксического параллелизма. Фразеологизм по своему синтаксическому построению в данном случае одноструктурный.

Приведём ещё один пример, в котором представлены индивидуально-авторские антонимы, являющиеся устойчивыми оборотами

Сидим с Асей, сначала как на гвоздях, а потом уж – как пригвожденные, с краю штофного диванчика, на который нас усадила А. А., сама, уютно и властно и от прямоты спины точно стоя, сидящая против нас на твердом стуле с работой в руках (Цветаева. Дом у Старого Пимена).

Сидеть как на гвоздях (быть в движении от неудобства) и *как пригвождённые* (быть полностью обездвиженными) явно созданы Цветаевой с опорой на фразеологизм *сидеть как на иголках*. Только им возвращён первоначальный, отнюдь не переносный смысл. Ср.: *Цыганские напевы душу задевают, а пляски до того заразительны, что самой хочется сплясать вместе с цыганами! Мы сидели как на гвоздях. Я сроду не хлопала на концертах, а здесь ладошки отбила.* (С.Лелянова. Дневник; НКРЯ).

Как справедливо отмечает Е.И. Диброва, фразеологическая антонимическая парадигма сложнее лексической по своей семантике за счет наличия у фразеологической единицы внутренней формы, оценки и экспрессивно-эмоциональных коннотаций» [Диброва, 2008, с. 365].

3.3.3. Грамматические антонимы

Обычно антонимы, представленные на словообразовательном, морфологическом и синтаксическом уровне, объединяют в одну группу и называют грамматическими. Грамматические антонимы признают такие исследователи, как Н.Б. Боева [Боева, 2001], Ф.Г. Самигулина [Самигулина, 2013] и др. По мнению Н.Б. Боевой, «грамматическая антонимия представляет собой тип семантических отношений между единицами грамматического уровня языка (морфемами, формами слов, синтаксическими конструкциями), обладающими противоположными значениями в силу наличия в структурах этих значений антонимичных морфологических или синтаксических сем» [Боева, 2007, с. 91]. Как видим, этот исследователь понимает грамматическую антонимию широко, включая в неё, помимо морфологических ресурсов языка, словообразовательные и синтаксические.

3.3.3.1. Словообразовательные антонимы

О наличии словообразовательной антонимии свидетельствуют исследования А.А. Киреева [Киреев, 1954, с. 12], Н.В. Баско [Баско, 1998, с. 54], Р.Н. Сафина [Сафин, 1989] и др.

1) *Единственный выход в старости – ведьма. Не бабушка, а бабка* (Цветаева. Незданное. Записная книжка 3).

Приведённый контекст – наглядный пример проявления синонимо-антонимических отношений в языке: в «Словаре синонимов» под редакцией А.П. Евгеньевой *бабушка* и *бабка* даны как синонимы [Евгеньева, 1975, с. 19]. Антонимия здесь представлена на уровне суффиксов субъективной оценки «-ушк»//«-к». Известно, что словообразование в русском языке является ярким источником речевой экспрессии благодаря богатству и разнообразию оценочных аффиксов. «Слова с суффиксами субъективной оценки передают

различные оттенки чувств» (ласкательное, сочувствия, пренебрежения, презрения, уничтожения, иронии, а также реального уменьшения или увеличения), подобного рода «оценочные значения обусловлены не номинативными свойствами, а словообразованием, так как эмоциональную окрашенность» им «придают аффиксы» [Розенталь, 2010, с. 101]. О репрезентации полярных эмоций в художественном тексте речь идёт в диссертационном исследовании В.Н. Карловской [Карловская, 2009]. Автору указанной работы удалось прийти к выводу, что эмотивная полярность в тексте может быть выражена средствами языковой и контекстуальной антонимии, межчастеречными антонимическими оппозициями, антонимическими оппозициями синонимов, предложных словосочетаний и лексем, фразеологических единиц и лексем, средствами грамматической антонимии, а также оксюморонными сочетаниями.

М. Цветаева опирается в данном случае на противопоставление оценочное и экспрессивно-стилистическое, которое может интерпретироваться по-разному: либо как нейтральное *бабушка* в противоположность сниженному *бабка*, либо как ласкательное *бабушка* в противоположность презрительному *бабка*.

На первую интерпретацию наталкивают данные толкового словаря, в частности, соответствующие пометы (выделены автором курсивом) или их отсутствие. См.: «БАБУШКА 1. Мать отца или матери (по отношению к детям своих детей – внукам). *Отправить сына на лето к бабушке. Стать бабушкой* (о появлении внуков у кого-л.). *Это твоя бабушка? / О пожилой родственнице*» [БТСРЯ, 2000, с. 54]. «1. БАБКА, -и; мн. род. -бок, дат. -бкам; ж. 1. Разг.-сниж.=Бабушка. *Внучка-то в бабку уродилась (очень похожа характером, лицом)*. 2. Разг. Знахарка, ворожея. *Грыжу бабки заговаривают...*» [БТСРЯ, 2000, с. 54].

В пользу второй интерпретации можно отметить следующее. Существительное «бабушка», возможно, употреблено Цветаевой не в первом, приведённом выше, словарном значении, а во втором: «2. Ласк. Старая, пожилая женщина. *Садитесь, бабушка...*» [БТСРЯ,

2000, с. 54]. Наличие пометы «разговорно-сниженное» у противопоставленного по смыслу существительного *бабка* на фоне явной антитезы (*не бабушка, а бабка*) приводит к появлению у существительного *бабушка* соответствующей стилистической коннотации, отмеченной во второй словарной дефиниции. Немаловажно, что в анализируемом примере смысловая и экспрессивно-стилистическая антитеза, в формировании которой участвуют словообразовательные антонимы *бабушка – бабка*, к тому же активно поддерживается на контекстуальном уровне с помощью существительного «ведьма». Ср.: «ВЕДЬМА 1. В народных поверьях: женщина, продавшая душу нечистой силе (дьяволу) в обмен на обладание особыми знаниями и способностями; колдунья. *Охота на ведьм, за ведьмами* (также: преследование инакомыслящих). 2. *Бранно*. О безобразной, злой женщине...» [БТСРЯ, 2000, с. 115]. Аргументацию в пользу второй интерпретации представленного примера подкрепляет и точка зрения С.Г. Шейдаевой, которая отмечает, что в процессе функционирования в речи общая семантика субъективно-оценочных образований может заметно варьироваться под влиянием меняющихся условий употребления, в частности при речевой реализации она может уточняться разного рода признаковыми словами [Шейдаева, 1998]. В приведённом примере негативно-оценочное значение лексемы *бабка* подкрепляется переносным, заряженным негативно значением слова *ведьма*.

Рассмотрим ещё один пример.

*И есть ли вообще такие **птички**, кроме кукушки, которая не **птичка**, а **целая птичища**?* (Цветаева. Мой Пушкин).

В формировании индивидуально-авторских антонимов *птичка – птичища* участвуют словообразовательные суффиксы с противоположными значениями «-к(а)»/«-ищ(а)». Суффикс субъективной оценки «-к(а)» в данном случае присоединяется к субморфу -ищ(а) (пт/ищ/а-пт/ич/ка) с целью придания уменьшительно-ласкательного значения [Цыганенко, 1982, с.89]. Малопродуктивный суффикс с оттенком разговорности «-ищ(а)» выступает в противо-

положном значении и «придает значение увеличительности (нередко с отрицательной окраской)» [Цыганенко, 1982, с. 86]. Значение увеличительности в существительном *птичища* дополнительно подчёркивается при помощи прилагательного «целая». Ср. одно из его словарных значений: «Большой, значительный. *Получилась не заметка, а целая статья. Это же целый лес, а ты все рощица да рощица. Собралась целая толпа!*» [БТСРЯ, 2000, с. 1460]. На антонимию рассматриваемых суффиксов субъективной оценки имен существительных «-к-»//«-ищ-» указывает и Н.В. Баско в работе [Баско, 1998, с. 54].

Ещё два примера словообразовательной антонимии.

1) *Пушкин ножки воспевал, а я – ноги!* (Цветаева. Наталья Гончарова).

2) – «*Умны, умны, не ум, а умище, – а все-таки – женщина!*» (Цветаева. Неизданное. Записная книжка 7).

В первом случае неполные антонимы представлены именем существительным во множественном числе *ножки*, образованным от «ноги» при помощи суффикса субъективной оценки «-к(а)», использованного с целью придания уменьшительно-ласкательного значения [Цыганенко, 1982, с. 89] и *ноги*.

Во втором случае словообразовательная антонимия представлена существительными *ум* (отсутствие суффикса «Ø») и *умище* (наличие суффикса «-ище»). Согласно словарю служебных морфем русского языка Г.П. Цыганенко, «-ищ(е) – суффикс субъективной оценки», который придает именам существительным мужского и среднего рода «значение увеличительности, иногда с отрицательным оттенком. Слова употребляются в обиходно-разговорной речи: арбуз-ище арбузище; бацище, ветрище, домище (домина)» [Цыганенко, 1982, с. 87].

При этом увеличительное значение суффикса поддерживается и на уровне повтора краткого прилагательного «умны». Таким образом, в данном случае, наблюдаем соположение однокоренных слов *умны, умны, ум, умище*.

Кроме того, индивидуально-авторское противопоставление однокоренных существительных *ум – умище* подчеркивается М. Цветаевой и на уровне стилистического противопоставления антонимов (акротеза), которое представляет собой утверждение, усиленное отрицанием.

3.3.3.2. Морфологические антонимы

Н.М. Маликова отмечает, что в качестве морфологических антонимов в русском языке могут выступать оппозиции форм вида для глаголов и оппозиции форм числа для существительных [Маликова, 2000, с. 85].

На морфологическом уровне индивидуально-авторская антонимия в прозе М. Цветаевой представлена разными случаями: противопоставлением единственного и множественного числа существительных, а также таких глагольных категорий, как вид, время, залог и другими типами морфологических противопоставлений.

С.Б. Козинец приводит в пример отрывок из стихотворения М.И. Цветаевой «Письмо»: *Так писем не ждут, / Так ждут – письма / Тряпичный лоскут, / Вокруг тесьма / Из клея,* – в котором в антонимические отношения вступают грамматические семы числа. Понятие письма вообще, любого письма, выраженное формой множественного числа (писем не ждут) противопоставлено одному-единственному письму от конкретного человека [Козинец, 2020, с. 21], кроме того, он приводит в пример также отрывок из стихотворения «Пригвождена к позорному столбу»: *Что ни одна до самых недр – мать / Так на ребёнка своего не взглянет. / Что за тебя, который делом занят, / Не умереть хочу, а умирать.* Здесь антонимические семы содержатся в видовой паре. Небезынтересно, что на этот же пример противопоставления обратила внимание и Л.В. Зубова [Зубова, 2017]. Исследователь замечает: «В приведенном примере несовершенный вид глагола оказывается способным обозначить

интенсивность страдания через его длительность, повторяемость, незавершенность. Характерно, что интенсивность жизни-страсти передается лексемой со значением смерти. Тем самым грамматическое выражение процесса, освобождаясь от лексического, обнаруживает свой семантический потенциал» [Там же, с. 90-91]. По сути, мы имеем здесь дело с интенционально значимым употреблением грамматических категорий. Об интенциональности пишет А.В. Бондарко в работах [Бондарко, 1994; 1996; 1998]. А.В. Бондарко трактует понятие интенциональности особым образом: он рассматривает не коммуникативные цели высказывания, а семантические функции грамматических форм в их отношении к смысловому содержанию высказывания, к тому, что хочет выразить говорящий [Бондарко, 1994, с. 29].

Обращает на себя внимание, что индивидуально-авторская антонимия на морфологическом уровне нередко представлена у М. Цветаевой противопоставлением залоговых и видовременных форм.

Рассмотрим примеры.

*Стены – всё **терпят** и ничего им не делается, они – единственное, чего я **не терплю** и от чего я больше всего **натерпелась*** (Цветаева. Девять писем).

*А я, я уже **сотворена** и **сотворил** меня Бог. Довольно и одного творения. Такого творца.* (Цветаева. Девять писем).

В приведённых примерах антонимия представлена с помощью грамматических морфем. Основным критерием антонимичности для нас, как и для Н.Б. Боевой, выступает противоположность грамматических значений, проявляющаяся в наличии в структурах значений *терпят* и *натерпелась*; *сотворена* и *сотворил* интегральных и взаимоисключающих антонимичных морфологических сем (по одной в каждом члене пары): «возвратность – невозвратность»; «действительный залог» – «страдательный залог».

В первом случае для выражения антонимических отношений задействован конфикс на-...-сь, который превращает глагол из

невозвратного (*терпят*) в возвратный (*натерпелась*), участвуя в выражении морфологического значения на уровне сразу двух грамматических разрядов – не только возвратности/невозвратности, но и способов глагольного действия, поэтому особо важным по смыслу оказывается присоединение к видовому (частно-видовому) противопоставлению *терпела* (НСВ в процессном значении) – *натерпелась* (СВ в общефактическом значении) ещё и особого значения способа глагольного действия. У глагола СВ *натерпелась* значение достижения результата действия осложнено дополнительным значением интенсивности. В Грамматике-80 указанный глагол относится к интенсивно-результативному способу глагольного действия: «префикс на- с постфиксом -ся придаёт значения полного удовлетворения или пресыщенности действия [РГ 1980, с.602]. М.А. Шелякин относит анализируемый нами глагол к группе терминативно-интенсивного способа глагольного действия, по-другому называемого им сативным (сатуративным). По мнению М. А. Шелякина, этот способ действия указывает на предельно-количественную оценку продолжительности (с возможным оттенком интенсивности) действия с точки зрения активности субъекта в осуществлении действия или состояния [ТФГ, 2001, с. 80]. Таким образом, в первом из представленных примеров морфологическое противопоставление на уровне лексико-грамматических разрядов поддержано также на уровне форм вида (*терплю* НСВ) – (*натерпелась* СВ) и времени: настоящее – прошедшее.

Во втором случае противопоставление на уровне залоговых отношений является примером грамматической антонимической конверсии.

Грамматическая антонимия в некоторых случаях развивает лексическую, углубляя смысловые нюансы высказывания, например:

Вот В. Д., любимая жена нелюбимого, – другого любившая... (Цветаева. Дом у Старого Пимена).

В данном случае словоформа *любимая* вступает в антонимические отношения дважды. Первый раз на лексическом уровне:

любимая – нелюбимый; второй раз на грамматическом: *любимая* (одним) – *любившая* (другого). Во втором случае значимо противопоставление граммем страдательного и действительного залога, которое актуализировано контекстом.

Залоговое противопоставление – одно из самых частотных у Цветаевой:

*Но теперь, так сильно вжившись в Сережу, и по тому волнению, которое он, мною **вызываемый**, во мне **вызывает**, мне начинает казаться, – я на самом краю уверенности, – что первым живым мужским существом, которое я любила, был он* (Цветаева. Дом у Старого Пимена).

А вот пример с противопоставлением вида и времени причастия. Морфологическая антонимия призвана подчеркнуть однократность (СВ) раны конкретной, действенной – и неоднократность (НСВ) качественный характер ранимой природы:

*Раненая душа во мне и во всех других жещинах. – **Раненная** Вами и всеми другими мужчинами, вечно **ранимая**, вечно возрождающаяся и в итоге неязвимая* (Цветаева. Письма. Флорентийские ночи). Не случайна здесь и грамматическое развитие событий: раненая душа (прилагательное, качество) получается из действительного и страдательного действия.

Об интенционально значимом противопоставлении видовременных форм в поэтических текстах Цветаевой и других типах противопоставления пишет Л.В. Зубова [Зубова, 1989]. Анализируя контекст: *Что за тебя, который делом занят, Не умереть хочу, а умирать*, – Л.В.Зубова, как уже было указано выше, отмечает, что несовершенный вид глагола здесь оказывается способным обозначить интенсивность страдания через его длительность, повторяемость и незавершенность» [Зубова, 1989, с. 17].

Цветаева использует иokkaзионально образованную форму множественного числа, формируя интенционально значимое противопоставление единственного и множественного числа:

Вы не враг, не сопреступник. Товарищ. Тьмы Вы сюда не вносите. Только темноты (Цветаева. Сводные тетради. Тетрадь 1).

О.Г. Ревзина, писавшая о семантических возможностях категории числа в поэтических текстах, утверждает, что «в системе означивания с помощью этой категории осуществляется взаимообмен между разными лексико-грамматическими разрядами существительных», исследователь обнаружила, что форма единственного числа может развить символическое значение, «возникающее из представления о качественно целостном объекте», а форма множественного развивает значение «реальной воплощённости» (именно так; кавычки авторские. – Е.К., М.М.) [Ревзина, 1988, с. 66–79]. В приведённом примере, конкретизируясь по значению, изменяя разряд на конкретно-абстрактный, окказиональное существительное *темноты* становится противопоставленным существительному *тьма* не только на уровне категории числа, но и лексико-грамматического разряда (абстрактное – конкретное), а также на стилистическом и смысловом уровне: *тьма* – нечто страшное (абсолютное зло, его символ), стилистически высокое; *темноты* – уже не страшное, приземлённое, стилистически нейтральное. Рассуждая в цветаевском ключе, можно предположить, что *тьма* и *темноты* противопоставлены здесь как категории высокого бытия и приземлённого быта.

Как мы уже увидели, значимым для М. Цветаевой является противопоставление форм времени. *Точно я уже тогда знала то, что так непобедимо, неискоренимо и торжествующе знаю теперь: что там – отыграюсь.* (Цветаева. Дом у Старого Пимена).

Н.Б. Боева-Омелечко полагает, что оппозиции лексических и грамматических антонимов образуют единый антонимический корпус текста [Боева-Омелечко, 2012, с. 101]. Такие оппозиции встречаем и в прозе Цветаевой.

Один из таких примеров, в котором грамматическая антонимия единственного и множественного числа накладывается на лексическую, мы уже анализировали (с.20-21): *Чудная мысль – гиганта поставить среди детей. Черного гиганта – среди белых*

детей. Чудная мысль белых детей на черное родство – обречь. Под памятником Пушкина росиие не будут предпочитать белой расы, а я – так явно предпочитаю – черную (Цветаева. Мой Пушкин).

Рассмотрим ещё один пример: *Зевес или Гадес – этот отец своих детей держал и вел, как Олимпиец. Таких, как он, судить нельзя. Да их больше уже не будет. Были.*

В дом – цветником: тем, что им было, тем, что им больше не будет (Цветаева. Дом у Старого Пимена).

В данном примере на передний план выдвигается грамматическое противопоставление, наложенное на семантический контраст между наличием/отсутствием существования. В этой антонимической оппозиции противопоставление выражено с помощью форм будущего и прошедшего времени, которые меняются местами в фигуре хиазма, а также с помощью отрицания и его отсутствия на семантико-синтаксическом уровне. Как видим, с помощью взаимодействия антонимии формы и антонимии смысла в данном контексте реализуется антонимическая когезия, при участии которой могут выстраиваться тексты, организованные по принципу контраста [Зайцева, 2008].

3.3.3.3. Антонимия на уровне служебных частей речи

Антонимические отношения служебных частей речи, в частности, предлогов, явление, малоисследованное в современном русском языке. Можно встретить лишь отдельные замечания по этому поводу в работах Р.П. Рогожниковой [Рогожникова, 1974], Е.Н. Виноградовой [Виноградова, 2006], А.М. Чепасовой [Чепасова, 2012].

Л.А. Милованова утверждает: 1) предлоги, обладая собственным лексическим значением, способны вступать в антонимические отношения друг с другом; 2) предлоги функционируют в условиях двусторонней синтаксической зависимости и характеризуются более отвлеченным, грамматическим значением, поэтому для дефиниции противоположности предлогов необходим контекст [Милованова,

2016, с. 122]. В статье Л.А. Миловановой описана антонимия лексических предлогов за¹ и за² и обнаружено восемь антонимических пар с исследуемыми предлогами, которые выступают в том числе в ряде значений, на которые опирается и М. Цветаева: антонимический ряд, выражающий пространственные отношения, образуют предлоги за + сущ. в Тв. п. и перед + сущ. в Тв. п.

В своем творчестве М.Цветаева часто прибегает к графическому методу – противопоставляемые предлоги выделяет курсивом, тем самым намеренно акцентируя на них внимание читателя.

*Тристан и Изольда. У них ничего не было. **На** них ничего не было. **Под** ними ничего не было. **Над** ними ничего не было. **За** ними – ничего, **перед** ними – Ничто (Цветаева. Отрывки из книги «Земные приметы»).*

Через противопоставление пространственных предлогов М. Цветаева стремится показать, что во всем мире, кроме Тристана и Изольды ничего не существовало. Имена собственные Тристан и Изольда являются номинантами темы, формируя именительный представления. В следующих предложениях за счёт пространственных антонимичных предлогов они становятся центром, срединной точкой смысловой локативной сферы, структурируемой как по горизонтали (за ними – перед ними), так и по вертикали (под ними – над ними). При этом М. Цветаева опирается на языковую антонимию пространственных предлогов *над* и *под*, а также *за* и *перед* [Львов, 1984]. Можно осторожно предположить здесь также наличие индивидуально-авторской антонимии на уровне предлогов *у* и *на*, формирующих семантику полного, абсолютного отсутствия обладания чем-либо (*ни у* них, *ни на* них – *ничего*).

Рассмотрим ещё один пример индивидуально-авторского употребления предлогов: *И я даже мысленно его не провожала. Володя кончался **за** порогом и начинался **на** пороге. Промежуток – была его жизнь* (Цветаева. Повесть о Сонечке).

В данном случае индивидуально-авторская антонимия образована пространственными языковыми предлогами *за* в значении «по ту сторону, вне, *позади кого-чего-н.*» [Ожегов, 1999, с. 196] и *на* в значении «употребляется при обозначении поверхности, на которой *сверху* располагается или куда направляется что-н.» [Ожегов, 1999, с. 373]. Контекстуальное значение предлогов *за* и *на* коннотативно усложняется и уточняется за счёт семантического согласования с существительным «порог». Ср.: Порог: «1. Брус на полу под дверью (обычно деревянный). Шагнуть через п. Споткнуться о п. Большой, высокий, низкий п. Переступить п.; переступить через п. (также: сделать решительный шаг). || Дверной проём, вход. Остановиться у порога. Появиться на пороге комнаты. Прямо с порога (сразу же после прихода куда-л.). Не появляться, не показываться на п. (долго не приходиться, не появляться) <...> 2. Родной дом, очаг, семья, родина. Уйти от отчего порога. Вернуться к родному порогу» [БТСРЯ, 2000, с. 926]. Важен при этом шлейф значений этого существительного, которые как бы высвечиваются через значение анализируемых противопоставленных предлогов, но особенно актуальным в приведённом контексте является второе значение (родной дом, очаг, семья). Антонимия на уровне предлогов подкрепляется языковыми полными антонимами, выраженными глаголами *начинаться* в значении «возникать, начинать совершаться, происходить; получать начало» и *кончатся* в значении «подходить к концу, прекращаться; приходиться к какому-либо исходу, результату» [Введенская, 2008, с. 215].

Ср. ещё один пример с предлогами в пространственном значении, семантически обусловленном глаголом *гнуть*ся:

Иловайского в нашем доме, как и в его собственном, часто упрекали в черствости и даже жестокости. Нет, жестоким он не был, он был именно жестоковыйным, с шеей, не гнущейся ни перед чем, ни под чем, ни над чем, кроме очередного (бессрочного) труда (Цветаева. Дом у Старого Пимена)

3.3.3.4. Местоимения-антонимы

Индивидуально-авторская антонимия в прозе М. Цветаевой проявляет себя и в противопоставлении местоимений. При узком подходе наличие такого типа антонимов в языке отрицается. Однако антонимия местоимений представлена в современных толковых словарях и в словарях антонимов. Например:

ВСЁ – НИЧТО

Есть души, которые довольствуются кое-чем – даже остатками бывшего счастья; но есть души, лозунг которых – все или ничего, которые не хотят запятнанного блаженства, раз потемневшей славы (Белинский. Стихотворения М. Лермонтова).

ВСЕ – НИКТО

Исследовать – значит видеть то, что видели все, и думать так, как не думал никто. Г. Гор.

(URL: [https://gramota.ru/poisk?query=всё&mode=slovari&dicts\[\]=29](https://gramota.ru/poisk?query=всё&mode=slovari&dicts[]=29)).

При этом местоимение может быть противопоставлено и другой (неместоимённой) части речи, например: свой – чужой. См. данные словарей:

СВОЙ – ЧУЖОЙ

Свои вещи – чужие вещи. Свои мысли – чужие мысли. Своими руками – чужими руками. *О – Я хотел, чтобы ты почувствовал чужое горе и перестал носиться со своим.* Короленко. (URL: <https://gramota.ru/>).

Такая стилистическая особенность этого грамматического класса слов отмечается исследователями давно: «...нередко местоимению *мы* противопоставляются местоимения *вы, они*, указывающие на представителей противоположных взглядов, на идейных противников, врагов: *Мильоны – вас. Нас – тьмы, и тьмы, и тьмы. Попробуйте сразиться с нами!* (А. Блок)» [Голуб, 2002, с. 280]. Это мнение подтверждает и точка зрения О.Н. Селивёрстовой, полагающей, что у местоимений есть своё значение, независимое от контекста [Селивёрстова, 1988, с. 29]. Местоимения рассматри-

ваются исследователем как явление не только языка, но и речи, в фокус внимания попадают личные, неопределённые, кванторные и другие местоимения русского и английского языков.

Рассмотрим примеры из произведений М. Цветаевой: *Как медленно сходятся с Вами такие-то! Они делают миллиметры там, где я делала – мили!* (Цветаева. О любви).

Здесь в оппозицию вступают личные местоимения первого и третьего лица: *я* – *они*. Значение местоимений находится здесь в сильной зависимости от контекста: разница между *я* и *они* зиждется на контрасте, обусловленном противоречием между *милями* и *миллиметрами*, отделяющими *я* и *они* от *вы*. Существуют различные точки зрения на противопоставление внутри разряда личных местоимений. Представим некоторые из них. К. Бюлер считает 1-е и 2-е лицо равноправными и действующими лицами в речи, в отличие от третьего лица. По мнению П. Форхеймера, «близость 1-го и 2-го лица объясняется тем, что, если участвующие в беседе А и Б говорят о себе «я», этим обозначается два разных лица, значение же 3-го лица не меняется от того, что о нем говорит А или Б» [Майтинская, 1969, с. 143]. Принципиальное отличие личных местоимений 1-го и 2-го лица от местоимений 3-го лица подчеркивается Э. Бенвенистом. По его мнению, 3-е лицо – это фактически немаркированный член кор-реляции лица. В отличие от местоимений 1-го и 2-го лица местоимение 3-го лица не указывает на момент речи. В отличие от имен, которые приспособлены информировать о постоянном и «объективном» понятии и могут быть виртуальными или актуализироваться в единичном понятии, местоимения 1-го и 2-го лица не приспособлены давать информацию, поскольку нет такого «объекта», который мог *быть* определен словом «я», или «ты». Любое «я» имеет свою собственную информацию и соответствует каждый раз единичному существу. Единственная «реальность», к которой относится «я» (и «ты»), – это «реальность» речи. Поэтому и в приведённом примере с помощью противопоставления *я* (личное мест., 1 л., ед. ч.) и *они* (личное мест., 3 л., мн. ч.) Цветаева отграничивает своё «я» от

третьих лиц (значимым оказывается здесь и грамматическая антонимия единственного и множественного числа: индивидуальность – неопределённая множественность), подчёркивает свое отличие от них с помощью недейктических полнозначительных контекстуальных антонимичных существительных с количественным значением: *миллиметры – мили*. Контекстуальная антонимия базируется на языковой: малая величина (миллиметры) – большая величина (мили).

Приведём ещё один пример:

...Но, оставляя кошек и возвращаясь к «Своим путям»:

*Пленяют меня в этом названии равно-сильно оба слова, возникающая из них формула. Что поэт назовет здесь **своим**, кроме пути? Что сможет, что захочет назвать **своим**, – кроме пути? Все остальное – **чужое**: «**ваше**», «**ихнее**», но путь – **мой** (Цветаева. Бальмонту).*

Здесь в антонимические отношения вступает целый ряд местоимений-синонимов: *свой, мой – ваш, ихний*. Опорной смысловой конструкцией, с помощью которой осуществляется противопоставление, является антонимическая пара *своё – чужое*, отмеченная в словарях антонимов, кроме того, в основе противопоставления притяжательных местоимений *мой – ваш, ихний* лежит противопоставление между *я вы* и *они*. Эгоцентричность *я* как *своего* противопоставленного всему чужому в этом примере ещё более глубока, чем в первом из проанализированных выше, т.к. *я* здесь противопоставлено не только третьему лицу (через *ихнее*), но и второму (через *ваше*).

3.3.3.5. Синтаксические антонимы

Рассмотрим языковой эксперимент, представленный на синтаксическом уровне. На данном уровне языка М. Цветаева активно использует синтаксический параллелизм, дополнительно

опираясь на трансформации, связанные с перестановкой отрицательной частицы «не». Ср.:

Не стесняйтесь уступить старшему место в трамвае.

Стесняйтесь – не уступите (Цветаева. Сводные тетради. Тетрадь 4)

Я не могу делать то, чего не хочу.

Могу только не делать того, что хочу (Цветаева. Сводные тетради. Тетрадь 1).

Отрицательная частица является не просто смысловым актуализатором, но смысловым маркёром синтаксической антонимии:

И мне нужно от Вас только одного: Вашего разрешения любить Вас: только вот этих сухих слов: «Люби меня как хочешь и как не хочешь: всей собой» (Цветаева. Девять писем).

Этими глазами-то они и проходят – в первые ученики, и в зятя, и в директора. “Человек с такими глазами не может...” Нет, человек с такими глазами именно может, и может – все (Цветаева. Жених).

А раз здесь нельзя – так не здесь (Цветаева. Дом у Старого Пимена).

Рассмотрим более сложные и интересные случаи.

Я могу без всех, но, может, в первый раз мне хочется не мочь (Цветаева. Девять писем).

Отрицательная частица *не* здесь выполняет ту же функцию, что и приставка *не-* в однокоренных антонимах. В данном случае антонимические отношения поддерживаются и с помощью противопоставления реальной модальности (изъявительное наклонение глагола *могу*) и ирреальной модальности (модальный глагол желания *хочется*).

Ср. ещё один пример:

Я говорю о Вашем разрешении на внутренний разбег, ибо и его могу сдерживать. Сдерживаю. (Уже не сдерживаю!) (Цветаева. Девять писем).

Здесь последовательно противопоставлены сначала ирреальная (потенциальная) модальность и реальная модальность (*могу сдерживать – сдерживаю*), а затем утверждение и отрицание (*сдерживаю – не сдерживаю*).

Особенно интересны синтаксические антонимы, представленные контрастом между активной и пассивной субъектной позицией:

Мой родной, таких писем я не писала никому (с тех пор как перо стала держать: – нет, как перо держит меня, – нет, даже до пера, когда на мне еще были ангельские перышки! – всем, всегда. Поверьте мне) (Цветаева. Девять писем).

Контрастное противопоставление держится здесь на разных семантических ролях именительного и винительного падежа: *я – меня* и *перо – перо*. Актуальной является и семантическая перестройка глагола *держать*: от прямого «взяв в руки. не давать выпасть, упасть» (<https://gramota.ru/poisk?query=держать&mode=all>) до метафорического «не давать пропасть, спасти материально и духовно» (там же).

Рассмотрим ещё один пример: *Раз есть вещи, которые никогда не кончатся, всегда будут, – а эти вещи есть, и их знают все, – так же законно, чтобы были вещи, которые никогда не начинались, всегда были* (Цветаева. Дом у Старого Пимена).

В данном случае очевидна согласованная работа разноразноуровневых антонимов: лексических (*кончатся – начинались*) в совокупности с грамматическими: *кончатся* (будущее СВ) – *начинались* (прошедшее НСВ), – и сугубо грамматических: *будут* (будущее СВ) – *были* (прошедшее НСВ), – в синтаксических рамках сложного предложения. Соотнесены и противопоставлены по смыслу определительные придаточные, построенные по законам синтаксического параллелизма. При этом в контрастные отношения вступают как лексические единицы, расположенные в рамках только одной придаточной части (обозначим это как последовательное сцепление): *никогда – всегда* (они повторяются в каждом из придаточных), так

и лексические единицы, принадлежащие разным придаточным (обозначим это как перекрёстное сцепление): *не кончатся* (первое придаточное) – *не начинались* (второе придаточное); *будут* (первое придаточное) – *были* (второе придаточное). На фоне синтаксического параллелизма, повторов и разных типов сцепления – последовательного и перекрёстного, контрастные отношения становятся более очевидными и ёмкими по смыслу. Слаженно работает разноуровневая цепочка симметрично расположенных антонимических оппозиций, точно выстраивающая контрастные, сложно организованные смысловые отношения.

Самое для меня теперь дивное, что я не только ее не боялась – ее боялась испугать (Цветаева. Дом у Старого Пимена).

Антонимия является следствием языковой игры (не бояться самой – не хотеть/бояться испугать другого), которая построена не только на синтаксическом противопоставлении *боялась – не боялась*, но и на семантическом противопоставлении каузативных эмотивов: некаузативного *бояться/испугаться* и каузативного *испугать*. В паре каузативный – некаузативный глагол наблюдается цепочечная связь между причиной и следствием, каузируемым и каузированным событиями. Оба используемых М. Цветаевой глагола можно отнести к глаголам эмоционального воздействия, или каузативным эмотивам, которые обозначают такую ситуацию (каузативную), которая соединяет два события, два положения дел: первое – бытие, действие или состояние чего-либо или кого-либо и второе – эмоциональное состояние субъекта личного [Онипенко, 2020, с. 84].

Антонимическая оппозиция построена на контрасте между глаголом, каузирующим событие (*испугать*) и глаголом, являющимся эмоциональной реакцией (*пугаться/ бояться*). Это по своей сути те же векторные антонимические отношения, однако выраженные не только лексически, но и синтаксически: в рамках конструкции формируется смысл противопоставления с помощью: *боялась – не боялась* (наличие/отсутствие не), *бояться – испугать* (глагол, каузи-

рующей состояние и глагол-реакция на эту каузацию); (не) боялась её ((не) боялась сама) – её боялась испугать (боялась за другого).

3.3.4. Фонетические антонимы

Ориентацию на звучание слова Л.Г. Зубова считает одним из важнейших принципов построения текста в творчестве Цветаевой [Зубова, 2017, с. 13]: «Поэтика Цветаевой во многом может быть охарактеризована как поэтика звуко-смысловых связей, обнаруживающих взаимодействие фонетики со всеми другими языковыми уровнями, а также с образным, концептуальным и идеологическим аспектами произведений. Именно поэтому способы выражения звуко-смысловых связей в поэзии Цветаевой очень разнообразны и в структурном, и в функциональном отношении. Обращение к ее творчеству может быть не только увлекательным, но и особенно продуктивным для разработки теории звуко-смысловых соответствий» [Зубова, 2017, с. 13]. Исследователь уделяет немалое внимание контрастной звуковой инструментровке и звуко-символизму в поэтических текстах М. Цветаевой.

Рассмотрим языковые эксперименты М. Цветаевой с антонимами, представленные на фонетическом уровне.

Известно, что поэзия часто прибегает к такому фоносемантическому приему, как звуко-символизм. М. Цветаева, опираясь на этот приём, формирует фоносемантическое противопоставление. Е.А. Братчикова утверждает, что понятие фоносемантики «включает в себя не только вполне регулярные в языковом сознании ассоциации звука с различного рода представлениями, впечатлениями и эмоциями, но и окказиональные звуко-смысловые корреляции, возникающие в результате синтагматического со-/противопоставления звуков и звуко-сочетаний в речевом произведении» [Братчикова, 2012, с. 30].

*Я сейчас поняла – с **другим** у меня было **р**, моя любимая (мужественность!) буква: мороз, гора, герой, Спарта (зверенок-лисенок!): все **прямое**, **твердое**, **крепкое** во мне.*

А с Вами: шепотá, жжжение, малодушие, тишина и – больше всего – «дружочек» (Цветаева. Сводные тетради. Тетрадь 1).

На фоне контекстуальной частеречной антонимии личного местоимения «вы» и выделительного (А.М. Пешковский) «другой» (в данном контексте в значении «не вы», «не такой, как вы»; ср. словарные толкования: 1) не этот, не данный, 3) не такой, как этот (или прежний), иной [БТСРЯ, 2000, с. 285]) явно представлена антонимия на фоносемантическом уровне. Мужественная (прямая, крепкая, твёрдая) буква (точнее – звук, ещё точнее – текстофонема) «р» – «рычащая», противопоставлена не мужественным (малодушным, тихим) «ш» и «ж» (шипящим). Интересно, что эта нетвёрдость и негероичность подчёркнута в последнем слове (*друж/оч/ек*) с помощью двух уменьшительно-ласкательных суффиксов. «Р», «Ш» и «Ж» идеально соответствуют в приведённом контексте понятию текстофонемы, которая является текстовым знаком фонетического уровня, выражающим ассоциативно-лексическую семантику, т.е. фоносемантические поэтические смыслы [Казарин, 1999, с. 156]. Всё это подтверждает размышления Л.В. Зубовой о звуко-символизме Цветаевой: глубина психологического образа и даже философская концепция Цветаевой выражаются не только на словесном уровне, но и на уровне фонетического значения [Зубова, 2017, с. 34].

3.3.5. Стилистические антонимы

О.Г. Ревзина отмечает: «Стилистические пласты высокого и сниженного стилистических ярусов привлекаются М. Цветаевой в полном наборе значений стилистической шкалы русского языка и используются в текстах в контрастном соположении (высокий стилистический ярус: архаическая лексика, стилистические славянизмы, поэтизмы, книжная лексика, включая лексику публицистического, официально-делового, научного стиля; сниженный стилистический ярус: разговорная, фамильярная, просторечная, грубопросторечная лексика» [Ревзина, 1989, с. 204].

Рассмотрим пример, который показывает, что для создания контраста М. Цветаева активно использует не только антонимические средства разных языковых уровней (словообразовательного, грамматического, синтаксического, часто сочетая один с другим), но также задействует стилистические ресурсы языка. Кроме того, она опирается в формировании необходимых контрастных смысловых отношений на межъязыковую антонимию, играя на тонких стилистических нюансах лексем разных языков (русского и французского):

...Но был у шловайского молодого стола свой край – тихий. Это было царство небесное «херувимчика» Сережи, лебедя среди окружающих белоподкладочников, среди маменькиных сынков – сына матери. Здесь ни споров, ни вопросов. Здесь отродясь все было решено: предрешено. Сережа из всех детей отродясь вверился Пимену и даже умирая не спорил. Примерный крошка в платьице, примерный гимназист, примерный студент – противно? Да, если бы не неотразимое очарование глаз, усмешки, повадки, легкого налета не то какой-то виновности, не то подтруниваньа над собой – не то над вами, за то, что вы в это благовраие так уж поверили... Чуть сощуренные светло-черные, в полном соответствии с ртом, чуть усмехающимся и тоже как бы сощуренным по углам – глаза какого-то непрерывного храбрящегося прощания, гощения (недаром и умер в гостиной!), глаза старшие глядящего, глаза рода, глаза – последнего в роду.

Тихоня, херувимчик, маменькин сынок, старушкин угодник, белоподкладочник, черносотенец?

Не тихоня, а тишайший, не херувимчик, а Cherub (от фр. «херувим»), не маменькин сынок, а сын – матери, не стародамский угодник, а ревнитель древнейшей заповеди, не белоподкладочник – сама белизна, не черносотенец – горностай (Цветаева. Дом у Старого Пимена).

Данные антонимичные конструкции построены с использованием приёма контактного стилистического контраста [СЭСРЯ, 2006, с. 486], который включает в себя как противопоставление

синонимичных оценочных понятий, так и антонимы с нейтральной оценкой, субъективной оценкой. Ср.: Противопоставление образовано синонимичными оценочными понятиями, маркированными пометой – «разговорное»: *тихоня, херувимчик, маменькин сынок, стародамский угодник, белоподкладочник, черносотенец*, и понятиями с нейтральной оценкой или с пометой – «книжное»: *тишайший, Cherub, сын – матери, ревнитель древнейшей заповеди, сама белизна, горноста́й*. Через такое «нагромождение» антонимов двух разных стилей М. Цветаева пытается приподнять, возвысить Сережу в глазах читателя. Стоит отметить, что помимо разностилевой лексики, здесь присутствует и оценочная лексика, и градация (*тихоня – тишайший*). *Маменькин сынок – сын матери* – в данном случае представлено не только стилистическое противопоставление разговорной и нейтральной лексики, но и стилистическое противопоставление сниженной и высокой лексики. То же самое находим в противопоставлении «*черносотенец* (низк.) – *горноста́й* (высок.)». Стилиевой отбор М. Цветаевой, как показывает пример, при этом явно имеет неспонтанный (целенаправленный) характер, о котором пишет Т.Г. Винокур [Винокур, 1980]. Этот же исследователь отмечает, что стать в оппозицию друг к другу лексемам могут позволить «несовпадающие остатки, распределённые между предметным и стилистическим значением» [Винокур, 1972, с. 16].

Мы подробно остановились на индивидуально-авторской антонимии, представленной в прозе М. Цветаевой, которая образуется первым способом – посредством контекстуального «столкновения» лексем, не являющихся антонимами в системе языка (не отражённых в словарях антонимов), но в языковом узусе наличествующих.

Далее проанализируем индивидуально-авторские антонимы второго типа, образованные посредством конструирования окказионального слова.

3.4. Индивидуально-авторские антонимы-неологизмы

Яркой особенностью творчества М. Цветаевой является образование окказионализмов. По определению Н.И. Фельдмана, «окказиональное слово – это слово, образованное по языковой малопродуктивной или непродуктивной модели, а также по окказиональной (речевой) модели и созданное на определенный случай либо с целью обычного сообщения, либо с целью художественной» [Фельдман, 1957, с. 72–73]. А.Г. Лыков считает окказионализмы речевыми экспрессивными единицами, которые обладают «свойствами невоспроизводимости, ненормативности, номинативной факультативностью, словообразовательной производностью, функциональной разнообразностью» [Лыков, 1976, с. 44]. Для прозы Марины Цветаевой отмеченные признаки являются характерными и даже типичными.

Существует мнение, что прозаический текст открывает исследователю более прямой путь к индивидуальной реакции на «грамматический стереотип» [Ляпон, 2010, с. 15]. Отличительная черта цветаевской прозы, прозы поэта, как уже отмечалось, заключается в стремлении к языковому, творческому эксперименту.

Склонность к языковым метаморфозам в сфере грамматики, характерная для создателя окказиональных слов, позволяет уточнить границы и само содержание понятия «окказионализм». При этом, как справедливо отмечает И.Д. Шевеленко, «проза для Цветаевой (как и стихи) – результат «творения» текста, в котором слово – только естественное и само собой разумеющееся средство воплощения ведомой автору сущности» [Шевеленко, 2002, с. 153]. Именно поэтому цветаевская проза, будучи прозой поэта и отличаясь устремленностью к языковому, творческому эксперименту, априори предполагает наличие новых языковых образований. Окказиональная лексика в прозе М. Цветаевой является предпосылкой языкового эксперимента, о чем свидетельствует диссертация М.Ю. Нарынской

«Структурно-семантические особенности лексико-синтаксических окказионализмов в идиолекте М.И. Цветаевой» [Нарынская, 2004].

Поэт, проникнувший в тайну окказионального слова и в его возможности, становится обладателем мощного, порожденного ощущением свободы и являющегося знаком этой свободы выразительного средства, способного наиболее адекватно выразить индивидуально-авторское видение мира. Одним из таких поэтов является, безусловно, М. Цветаева.

3.4.1. Лексические антонимы-неологизмы

Несмотря на то, что новые окказиональные лексемы образуются словообразовательным путём, мы относим представленные ниже антонимы-неологизмы к классу лексических антонимов, ибо в результате словообразовательного эксперимента получают всё-таки новые лексические индивидуально-авторские единицы.

Окказиональную лексику в творчестве М.И. Цветаевой исследовали О.И. Александрова [Александрова, 1969], О.А. Ежкова [Ежкова, 1996, 2000], Л.В. Зубова [Зубова, 1999], О.Г. Ревзина [Ревзина, 1996], А.В. Горелкина [Горелкина, 1999], М.Ю. Нарынская [Нарынская, 2004] и другие. Системное описание окказионализмов в творчестве М. Цветаевой представлено Н.К. Шаяхметовой в кандидатской диссертации «Семантические неологизмы в контексте М.И. Цветаевой» [Шаяхметова, 1979]. Попытка Н.К. Шаяхметовой составить список окказиональных слов и проанализировать их значение показала, что окказиональное словообразование Цветаевой ставит перед исследователем немало проблем, обсуждение которых может быть полезно и для понимания сущности цветаевского словотворчества, и для изучения поэтического языка в целом, и даже для теории словообразования. Такие проблемы чаще всего можно выявить в случаях пограничных, т.е. там, где противоречие между различными свойствами слова достигает максимального напряжения и является движущей силой языкового сдвига.

Окказиональные антонимы представлены в прозе М. Цветаевой именем существительным, именем прилагательным, местоимением, глаголом и даже наречием.

Рассмотрим примеры с использованием окказиональных антонимов, выраженных именем существительным.

Не я горячу, он холодит. Непроницаемость? Теплоупорность. Теплоупорность? Холодоизлучение. Буду стоять и греть, а он лежать и холодит. Такого холода в природе нет. В иной природе (Цветаева. Твоя смерть).

Языковое противопоставление глаголов *горячить* и *холодить*, образованных от прилагательных «горячий» (в значении «имеющий высокую температуру, отличающийся высокой температурой») и «холодный» (в значении «имеющий низкую температуру, отличающийся низкой температурой») [Введенская, 2008, с. 116], является базисным в формировании антонимов, выраженных существительными *непроницаемость* и *теплоупорность*, а также существительными *теплоупорность* и *холодоизлучение*, оформленных в вопросно-ответную структуру.

Антонимичными являются первые части двух основ «тепло-» и «хлаго-»: лексема *теплоупорность* образована путем соединения корней двух слов (основ), в котором первая часть «тепло» образована от прилагательного «теплый»: «1. Дающий тепло, являющийся источником тепла. || Содержащий в себе умеренное количество тепла, слегка нагретый». [БТСРЯ, 2000, с. 1317]. Противоположная по значению лексема *хлагоизлучение* образована аналогичным способом: первая часть образована от прилагательного «холодный»: «2. Не излучающий тепла или дающий мало тепла. [БТСРЯ, 2000, с. 1450].

Таким образом, играя на значениях слов *непроницаемость* от прилагательного «непроницаемый» в значении «не пропускающий сквозь себя что-л. (воду, свет, звук и т.п.)» [БТСРЯ, 2000, с. 637] и *теплоупорность*, т.е. такое свойство, которое не позволяет проникнуть теплу, а также *хлагоизлучение*, т.е. такое свойство, при

котором исходит холод, М. Цветаева показывает разницу между этим миром, миром живых, и иным миром.

«Есть два рода поэтов: **парнасцы** и – хочется сказать – **везувцы** (-ийцы? нет, везувцы: рифма: безумцы). Везувий, десятилетия работая, сразу взрывается всем. (NB! Взрыв – из всех явлений природы – менее всего неожиданность.) Насколько такие взрывы нужны? В природе (а искусство не иное) к счастью вопросы не существуют, только ответы. Б.П. взрывается сокровищами» (Цветаева. Сводные тетради. Тетрадь 2).

Здесь выражение авторского отношения раскрывается через понятия *парнасцы* и *везувцы*. «Парна́сцы» – это существующая реально лексема, обозначающая группу (движение) французских поэтов, объединившихся вокруг Теофиля Готье и противопоставивших своё творчество поэзии и поэтике устаревшего, с их точки зрения, романтизма, в котором базовым понятием послужило наименование «Парнас» в значении «О поэзии; о содружестве поэтов. Происходит от названия горы в Греции, на которой, по представлениям древних греков, обитали Аполлон и музы» [БТСРЯ, 2000, с. 782]. Новое, вводимое М. Цветаевой понятие *везувцы* раскрывается ею самой в ходе метаязыковой рефлексии над творимым словом. *Везувцы*, вероятно, образовано по аналогии с «парнасцы» и «безумцы», поэтому оно явно мотивировано словом «Везувий». А Везувий – один из трех действующих вулканов Италии, единственный вулкан континентальной Европы, наиболее опасный вулкан в мире. Таким образом, индивидуально-авторскую антонимию образуют два слова: системноязыковое *парнасцы*, в словарном значении «содружество поэтов», с коннотативным приращением «нечто стабильное и в некотором роде предсказуемое, потому что в основе – наименование горы» и окказиональное *везувцы*, характеризующее творчество абсолютно непредсказуемое, стихийное, но при этом «взрывающееся сокровищами».

Окказиональные антонимы могут быть представлены в прозе М. Цветаевой именем прилагательным, местоимением.

*Вы когда-нибудь забываете, когда любите – что любите? Я – никогда. Это как **зубная боль** – только наоборот, **наоборотная зубная боль**, только там **ноет**, а здесь – и слова нет. (Подумав: **поёт**?)* (Цветаева. Повесть о Сонечке).

Основу данной антонимической оппозиции образуют индивидуально-авторские антонимы, представленные словосочетаниями *зубная боль* и *наоборотная зубная боль*, усиленные другой парой индивидуально-авторских антонимов, представленных глаголами *ноет* и *поёт*. Прилагательное «наоборотная» – окказиональное, образованное от наречия «наоборот», в значении «в обратном, противоположном направлении, с обратной, противоположной стороны» [БТСРЯ, 2000, с. 590]. Таким образом, данную антонимическую парадигму образуют следующие пары: позитивный член – *зубная боль* и *ноет* и негативный член – *наоборотная зубная боль* и *поёт*.

Глаголы «болеть» и «ныть» являются синонимами. Лексема «ныть» употреблена в переносном усилительном значении «об ощущении боли в какой-л. части тела» [Словарь синонимов, 1975, с. 39]. Глагол «петь» в данном случае используется не в первом, прямом, значении, а в переносном, четвертом, ср.: «Быть проникнутым чувством радостной взволнованности, ликования, восторга» [БТСРЯ, 2000, с. 828–829]. Противоположное значение находим у глагола «ноет», используемом во фразеологизме «душа ноет», ср.: «ДУША НОЕТ о ком. ДУША ЗАНОЕТ о ком. Разг. Экспрес. О чувстве сильной тоски, грусти» [ФСРЛЯ, 2004, с. 216].

В прозе М. Цветаевой находим и окказиональные антонимы, представленные **глаголами**.

*Современно не то, что **перекрикивает**, а иногда и то, что **перемалчивает*** (Цветаева. Поэт и время).

Индивидуально-авторская антонимия в данном случае представлена узуальным глаголом *перекрикивает* и окказиональным глаголом *перемалчивает*. Глагол несовершенного вида «перекрикивать» образован от глагола «перекричать», в значении «Заглушить своим криком другие голоса, звуки» [БТСРЯ, 2000, с. 807].

Окказиональный глагол *перемалчивает* образован «непродуктивной биморфемой «пере__ы(и)ва(ть)ся» от глагола *молчать*, в значении «1. Ничего не говорить, не издавать звуков голосом (о человеке, животном)» или в значении «4. Не рассказывать, не говорить о ком-, чём-л., хранить в тайне что-л.» [БТСРЯ, 2000, с. 554]. Данный вид «биморфемы», согласно словарю служебных морфем русского языка, присоединяется к глаголам и «придаёт им значение взаимного длительного действия: *говорить* – *переговариваться* – «обмениваться словами, короткими фразами»; *переглядываться*, *переписываться*, *перешёптываться*» [Цыганенко, 1982, с. 226].

Рассмотрим пример с использованием окказионального антонима, представленного наречием.

*О всем этом Пушкин навряд ли думал. Задумать вещь можно только назад, от последнего пройденного шага к первому, пройти **взрячую** тот путь, который прошел **вслепую**. Продумать вещь* (Цветаева. Искусство при свете совести).

В данном контексте противопоставление образуют следующие пары антонимов: 1) языковые антонимы, выраженные именем прилагательным *последний*, в значении «находящийся в самом конце ряда каких-либо предметов, явлений и т.п.» и *первый* в значении «находящийся в самом начале ряда каких-либо предметов, явлений и т.п.» [Введенская, 2008, с. 252]; 2) индивидуально-авторские антонимы, выраженные окказиональным наречием *взрячую* и узуальным наречием *вслепую*. Последняя пара антонимов образуется по единой словообразовательной модели при помощи конфикса *вс-/вз-...-ую* от языковых антонимов-прилагательных *зрячий* в значении «обладающий зрением, способностью видеть» и *слепой* в значении «лишенный зрения, способности видеть» [Введенская, 2008, с. 166]. В этом случае М. Цветаева, как видим, формирует антонимическую пару, опираясь не на готовые ресурсы языка, а лишь на готовую языковую модель. При этом единство словообразовательной модели, по которой образованы окказиональное наречие *взрячую* и узуальное

наречие *вслепую*, лишь подчёркивает их смысловое противоречие, антонимичность.

Как видим, для образования окказионального слова той или иной части речи М. Цветаева нередко прибегает к словообразовательному ресурсу, создавая новые лексемы и опираясь на готовые модели. Нередко таким образом создаются сложные слова. Например:

С вами не смутно (тяжелой смутой), ничего муторного. Мы не в неведомой стране. Хорошо, очень хорошо, еще лучше, сверх-сил хорошо... Оставаясь при этом собой. Это не зло-деяние, а доброчувствие и раньше всего: добродушие. Да, Вы добродушны. Вы не враг, не сопреступник. Товарищ. Тьмы Вы сюда не вносите. Только темноты (Цветаева. Сводные тетради. Тетрадь 1).

Окказиональное сложное существительное *доброчувствие* создано по единой модели с другими существительными, образованными сложносuffixальным способом от производящей базы: прилагательное + глагол. Примечательно, что у М. Цветаевой оно появилось гораздо раньше, чем в Проективном лексиконе русского языка «Дар слова» М.Н. Эпштейна (см. выпуск от 28 января 2007 г. URL:<https://subscribe.ru/archive/linguistics.lexicon/200701/28190518.html>). В «Даре слова» это новообразование имеет два значения. Одно из них вполне цветаевское: *склонность к добрым чувствам*. Ещё одна примечательная черта анализируемого контекста – оба антонимичных сложных слова особо оформлены графически и являются графолексемами, а разделяющий, точнее, разбивающий слова на две части дефис выполняет функцию внутреннего жеста. Как отмечает Ю.В. Казарин, внутренний жест – это знак, который в силу своей дискурсивности, структурности и смыслотекстобразовательной сущности органично включается в парадигму единиц поэтического текста [Казарин, 1999, с. 137]. В приведённом контексте внутренний жест выполняет не только экспрессивную, но и смысловыделительную функцию, помогая выделить противопоставляемые смыслы: *зло – добро*. Данные понятия формируют одно из самых важных,

а поэтому частотных для М. Цветаевой противопоставлений, наряду с *жизнь – смерть*. Поэтому неслучайно тема XIV Международной научно-тематической конференции 9–12 октября 2006 года, проходившей в Москве, была определена так: «Добро и зло в мире Марины Цветаевой» [Добро и зло, 2007].

3.4.2. Морфологические антонимы-неологизмы

Помимо антонимов-неологизмов, полученных деривативным способом, в прозе М.Цветаевой отнюдь не единичны случаи противопоставления на уровне окказионально образованных грамматических форм. Особенно это касается экспериментов с формами степеней сравнения:

Но что-то еще встает, раннейшее, позднейшее? “Серезжа и Надя” – не Иловайские, а другие (Цветаева. Дом у Старого Пимена).

Окказиональной (неупотребительной) является форма превосходной степени сравнения, образованной от прилагательного *ранний*.

В данном случае окказионализмы – явный признак языковой игры, которая может осуществляться на разных уровнях языка.

Т.А. Гридина считает языковую игру особой формой лингвокреативного мышления, которая основана на ассоциативных механизмах актуализации и переключения стереотипов употребления, порождения и восприятия словесных знаков [Гридина, 1996]. Во время языковой игры происходит выработка такого речевого поведения, которое диктует специфические, игровые, экспериментальные алгоритмы порождения и употребления знаков, позволяющие выйти за пределы стереотипов «строгого» речевого узуса [Гридина, Талашманов, 2019, с. 31].

Ещё более смелые эксперименты связаны у М. Цветаевой с противопоставлением форм простой сравнительной степени,

которые образованны не только от прилагательных, её не имеющих, но и от местоимений:

Чтобы все сказать: игра в schwarze Peter была то же самое, что встреча с тайно и жарко любимым – на людях: чем холоднее – тем горячее, чем дальше – тем ближе, чем чуждее – тем моее, чем нестерпимее – тем блаженнее (Цветаева. Черт).

В данном случае можно увидеть языковую антонимию, представленную прилагательными в сравнительной степени *холоднее – горячее, дальше – ближе*, а также индивидуально-авторскую антонимию, представленную прилагательными в сравнительной степени *нестерпимее – блаженнее* и окказиональными антонимами *чуждее – моее*. Окказиональное прилагательное *чуждее*, созданное от прилагательного «чуждый» в значении «далекий, не имеющий ничего общего с кем-чем-н., инородный» [Ожегов, 1999, с. 889], представлено в сравнительной степени. Стоит отметить, что для данного прилагательного характерна аналитическая форма образования сравнительной степени (ср., «более чуждый»), а не синтетическая. Окказионализм *моее* образован по типу сравнительной степени прилагательного, только в данном случае от притяжательного местоимения *мой* в значении «принадлежащий мне, имеющий отношение ко мне» [Ожегов, 1999, с. 362]. Второй парой индивидуально-авторских антонимов является противопоставление прилагательных в сравнительной степени, образованных соответственно от *нестерпимый* в значении «то же, что невыносимый» [Ожегов, 1999, с. 431] (ср., «невыносимый – превышающий терпение, с трудом переносимый» [Ожегов, 1999, с. 403]) и *блаженный* в значении «в высшей степени счастливый» [Ожегов, 1999, с. 50].

Общими характеристиками для индивидуально-авторской антонимии, по мнению Е.И. Дибровой, являются:

- «выражение авторского отношения к тому, о чем идет речь;
- преодоление автоматизма антонимических образований;
- появление авторского антонимического значения, проявляющегося в контексте;

- реализация языковых возможностей антонимии при отсутствии подобных единиц в языковой системе;
- выдвигание на первый план эмоционально-экспрессивной функции антонима» [Диброва, 2000, с. 92–93].

Таким образом, рассмотренные примеры показывают, что:

- 1) языковое экспериментирование М. Цветаевой является предпосылкой для образования индивидуально-авторских антонимов;
- 2) языковой эксперимент с антонимами проявляет себя на всех уровнях системы русского языка: словообразовательном (наличие/отсутствие суффикса субъективной оценки), морфологическом (противопоставление единственного и множественного числа, антонимия служебных частей речи), лексическом (обыгрывание многозначного слова через столкновение прямого и переносного значения, антонимия фразеологических единиц и др.) и синтаксическом (синтаксический параллелизм и др.);
- 3) особенно ярко языковой эксперимент, связанный с формированием антонимических отношений, проявляет себя в случае намеренно выходящего за рамки языкового узуса словотворчества.

Насыщенность поэтических и, как выясняется, прозаических произведений М. Цветаевой индивидуально-авторскими антонимическими противопоставлениями свидетельствует о глубине «парадоксальной логики» её поэтического мышления, о чём пишет в своей работе М.В. Ляпон [Ляпон, 2010].

3.5. Индивидуально-авторские антонимы, основанные на взаимодействии антонимии и синонимии

Лингвисты часто сопоставляют две главнейшие семантические категории – синонимию и антонимию, указывая на их функционально-семантическую взаимообусловленность и интерактивность. Данной точки зрения придерживаются такие исследователи, как Л.А. Введенская [Введенская, 1977], Л.А. Новиков [Новиков, 1973-1], В.А. Иванова [Иванова, 1977, 1979], Я. Вежбински

[Вежбински, 1983], Е.В. Задорожнева [Задорожнева, 2007], Т.А. Ким [Ким, 2012].

Приём контрастного противопоставления синонимов именуется также *paradiástoloy* [греч. *paradiastole* ‘различие’]. Н.М. Шанский называет эту фигуру речи антонимизацией синонимов – «превращением <...> их из названий одного и того же в наименования как бы разных явлений» [Шанский, 1972, с. 59].

В.Г. Вилюман характеризует синонимы и антонимы как лексические единицы, находящиеся в определенном порядке «между двумя полюсами – абсолютным тождеством и абсолютным различием» [Вилюман, 1980, с. 36]. Как отмечает исследователь, синонимия и антонимия являются разновидностью одного явления – семантических сходств и различий. О синонимии можно говорить только в том случае, если в семантике двух единиц черты сходства доминируют над их различиями. Если же семантические расхождения преобладают над смысловой общностью двух слов, то создается антонимия. При этом, «если налицо лишь признаки тождества, то нет синонимии; если налицо лишь признаки различия, нет антонимии» [Вилюман, 1980, с. 36].

У П.Н. Денисова подобная мысль оформлена иначе: «частным случаем синонимических отношений между словами можно считать антонимию» [Денисов, 1993, с. 120].

Глава об антонимах включена и в книгу Ю.Д. Апресяна, посвященную исследованию проблем синонимии [Апресян, 1974], а в известном учебном пособии Т. Шиппан вопрос об антонимах обсуждается также в разделе «Синонимия» [Schippan, 1992].

Главной семантической функцией синонимов оказывается проявление тождества двух (или более) предметов, явлений, качеств и так далее, а первичная функция антонимов – отображение (предельного) расхождения между вещами, явлениями, качествами. Синонимы и антонимы зачастую реализуются во вторичных функциях, используются в неспецифичных для них контекстах: синонимы – подчеркивают отличия между предметами, антонимы –

отображают равнозначные сущности. Так, например, использование синонимов в противительных конструкциях (что характерно, прежде всего, для антонимов) заостряет внимание на различиях между близкими по значению словами, причем подобного рода отличия представляются как существенные в плане общей информативности текста. Например:

...Господи Боже мой, знайте одно: всегда, в любую минуту я о Вас думаю. Когда Вам захочется обо мне подумать, знайте, что Вы думаете в ответ.

*...Это **ныло** у меня два года в душе, а теперь **воет** <...> (Цветаева. Из записных книжек и тетрадей).*

В данном контексте наблюдаем намеренное предельное разведение двух синонимичных понятий *ныть* и *выть*, их метафорическое переосмысление, ср.: «*Душа ноет (о ком) – Разг. Экспрес. О чувстве сильной тоски, грусти*» [ФСРЛЯ, 2004, с. 216], а также антонимизацию на уровне противопоставления интенсивности проявления чувства, уподобленного звуку: *ныть* в значении «издавать тягучие, жалобные звуки» [ССРЛЯ, 1958, с. 746] и *выть* в значении «плакать в голос, голосом; говорить, петь, рыдая; издавать вопли» [ССРЛЯ, 1951, с. 649]). Ср.: – *Марина, как мне тогда хотелось, **нылось**, **вылось** – домой, с вами, отогреться от всей этой смерти, – все равно куда «домой» – куда-нибудь, где я останусь одна с вами, и положу вам голову на колени – как сейчас держу – и скажу вам все про Юру – и тут же сразу вам его отдам – только чтобы вы взяли мою голову в ладони, и тихонько меня гладили, и сказали мне, что не все еще умерли, что я еще не умерла – как все они...* (Цветаева. Повесть о Сонечке).

В приведённом контексте *нылось* и *вылось* – это синонимы. Данные глаголы по своей лексической семантике различаются главным образом разной интенсивностью хотения-страдания (от простого желания – до болезненного устремления). Вместе с глаголом *хотелось*, анализируемые лексемы формируют фигуру

восходящей градации⁸, для которой характерно постепенное усиление.

Мазь – была. Ровная, прочная, темно-коричневая, маврова, мулатова, Господо-Богова. Только не «намазан» был, а – вымазан, и даже – выварен: в адовом ли кофе лирической бессонницы, в ореховом ли настое всех сказок, в наследственной ли чужеземной прикрови – не знаю (Цветаева. Нездешний вечер).

Здесь противопоставляются однокоренные синонимы *намазан* от *намазать* в значении «покрывать что-либо слоем чего-нибудь липкого, жидкого, густого» [ССРЛЯ, 1958, с. 176] и *вымазан* от *вымазывать* в значении «покрывать что-либо полностью или частично каким-либо жидким, жирным или красящим веществом», используемый в просторечии [ССРЛЯ, 1951, с. 556]. Условием для противопоставления является актуализация смысла: отсутствие полноты проявления признака – наличие полноты проявления признака. В смысловом плане особенно важной здесь оказывается аспектуальная семантика глаголов намазать и вымазать, от которых образованы краткие причастия. Глагол намазать лишён специфических оттенков значения, характерных для способов глагольного действия, именно поэтому в толковом словаре он представлен как видовой партнёр к глаголу мазать: «Намазать, -мажу, -мажешь; св. 1. (нсв. также мазать) что (чем)...» [БТСРЯ, 2000, с. 588]. А глагол *вымазать* принадлежит к группе глаголов интенсивно-

⁸ Градация (*лат. gradatio* – «постепенное повышение»), «1) в узком смысле слова – цепь анадиплосисов: «песня о ветре, о ветре, обутом в солдатские гетры, о гетрах, идущих дорогой войны, о войнах...» (В.А. Луговской); 2) в широком смысле слова – всякая цепь членов с постепенным нарастанием значимости (климакс: «ни позвать, ни кликнуть, ни помочь», М. Волошин) или убыванием (антиклимакс: «Все грани чувств, все грани правды стерты в мирах, в годах, в часах», А. Белый)» [ЛЭТП, с. 79]; «фигура речи, разновидность амплификации, а именно: организация эффекта выразительности в однородном смысловом ряду компонентов (слов, словосочетаний, высказываний) за счет последовательного возрастания или убывания их семантической значимости. Число компонентов г. – не менее трех, соединение компонентов перечислительной конструкции – бессоюзное или многосоюзное» [Матвеева, 2010, с. 76–77].

результативного способа действия, означающих полноту и исчерпанность результата, иногда – в сочетании со значением интенсивности и экспрессивности действия [РГ, 1982, с. 601].

Особый тип контекстуальных антонимов, очевидно, представляют стилистические синонимы, разница между которыми актуализируется, преднамеренно «раздувается». О такого рода явлениях пишет Б.Ю. Норман [Норман, 2011]: «Наравне с синонимами, чрезвычайно важны для речемыслительного процесса и антонимические связи: они также устойчивы в сознании носителя языка и столь же естественно проявляются в ходе порождения текста» [Норман, 2011, с. 22]. Насколько антонимы «антонимичны» синонимам? Борис Юстинович считает, что этот вопрос не так парадоксален, как кажется на первый взгляд: «Получается, что вся разница – в соотношении общей и специфической частей в значении слов: у антонимов она приближается к нулю. Однако так дело обстоит в теории. На практике же даже минимальное семантическое расхождение, специфический «остаток значения» двух синонимов может быть «раздут», абсолютизирован – и тогда синонимы превращаются в контекстуальные антонимы» [Норман, 2011, с. 22]. К этой группе антонимичных синонимов можно отнести лексемы в следующем примере:

– «Марина! Я люблю слово: *«очи»*. *«Их ведет, грозя очами, генерал седой»*. По-моему – *очи* должны быть только у генералов, адмиралов, – таких. А у всех других: *глаза»* (Цветаева. Неизданное. Записная книжка 5).

Противопоставление стилистически высокого *очи* и нейтрального *глаза* в данном контексте прагматически значимо для автора, о чём он сообщает впрямую.

Интересно, что в словаре выразительных средств В.П. Москвина [Москвин, 2007, с. 50] приведён цветаевский контекст с антонимизацией синонимов такого же типа – стилистического:

*Настанет день, – печальный, говорят! –
Отцарствуют, отплачут, отгорят! –*

*Остужены чужими пятаками, –
Мои глаза, подвижные, как пламя.
И – двойника нацупавший двойник –
Сквозь лёгкое **лицо** проступит – **лик**.*

Антонимическое употребление синонимов Ю.Н. Караулов называет *антосинонимией*, а синонимическое употребление антонимов – *синоантонимией* [Караулов, 1976, с. 115–118].

Смысловое «зияние» между антонимами и синонимами – свойство, характерное не только для прозаических произведений М. Цветаевой, но и для её поэзии. О смысловой игре, которую ведёт поэт, опираясь на такое «зияние» в стихотворении «Тоска по родине» пишет М.Г. Милютина [Милютина, 2018] в статье «Взаимодействие антонимии и синонимии & игра со смыслами (на примере поэтических текстов М. Цветаевой)». В этом поэтическом контексте лексемы *дом*, *госпиталь* и *казарма*, находящиеся в противительных отношениях по семантическим признакам своё жильё – чужое жильё (дом – госпиталь, казарма), теряют это семантическое свойство и становятся синонимами, приравниваются друг другу по смыслу (*И всё – равно, и всё – едино*). К этому антосинонимичному ряду в конце стихотворения присоединяется также лексема *храм*, теряя семантические признаки «многолюдье, наличие христианской общины, семьи» и приобретая признаки «безлюдье, отсутствие христианской общины, семьи» (*Всяк дом мне **чужд**, всяк храм мне **пуст***).

Семантические различия между синонимами *дом*, *храм*, *госпиталь*, *казарма* (всё перечисленное – это *постройки*, *здания* разного предназначения), очевидные для любого носителя языка и особенно важные для М. Цветаевой, сделавшей на этих различиях акцент в начале стихотворения, к концу стихотворения стираются. Опустошённая душа лирической героини перестаёт отличать своё, тёплое, семейное от чужого, холодного, официально-казарменного; на передний план выходит интегральная сема «постройка, здание».

ГЛАВА 4. СИСТЕМА АНТОНИМОВ, ПРЕДСТАВЛЕННАЯ НА УРОВНЕ ПАРАДИГМЫ

*То, что вчера – по поясу,
Вдруг – до звезд.
(Преувеличенно, то есть:
Во весь – рост)*
М. Цветаева

4.1. Антонимическая парадигма как начальное звено лексической противоположности

Начальным звеном в системной организации лексической противоположности является **антонимическая парадигма** (см. работы: Л.А. Новикова [Новиков, 1973-1], М.Р. Львова [Львов, 1970], Е.Н. Миллера [Миллер, 1981, 1990], Я. Вежбински [Вежбински, 1983], Л.А. Введенской [Введенская, 1966, 1970, 1974, 1976], Е.И. Дибровой [Диброва, 2000], Н.Б. Боевой [Боева, 2001], В.А. Сазонова [Сазонова, 2011], Е.С. Корюкиной [Корюкина, 2012, 2014], Н.Б. Оганян [Оганян, 2017] и др.).

Термины «противоположность», «противопоставление» и «противоречие» являются важными категориями философии, логики и языкознания. В лингвистике «противоположность» представлена посредством лексической антонимии. «Будучи категорией лексико-семантической системы языка, антонимия представляет собой одну из реалий языковых: она свойственна всем языкам, а ее единицы обнаруживают принципиально общую структуру противоположных значений и большое сходство в структурной и семантической классификации антонимов» [БЭС, 1998, с. 35].

Е.С. Корюкина, как уже было отмечено, справедливо разграничивает понятия противоположность и противопоставленность, указывая на то, что «первое необходимо использовать в качестве категориального признака при определении антонимии»,

а второе – только лишь при обозначении отношений, «в которые вступают знаки языковой системы в речи» [Корюкина, 2014, с. 13]. Таким образом, противоположность – это признак антонимии, в то время как противопоставленность – это один из видов отношений, существующих между антонимами.

Каждый компонент антонимической парадигмы существует не изолированно, а только в корреляции с другим членом, следовательно, для языковой антонимии характерно установление ее парности [Диброва, 2000, с. 88].

Можно выделить основные признаки антонимической парадигмы: 1) *парность состава* (наличие позитивного и негативного членов), 2) *организация членов парадигмы на основе семантических признаков* (интегральных и дифференциальных), 3) *наличие отрицательной семы, семы «не»*, которой нагружен негативный член парадигмы.

Сема «не», входящая в состав одного из парных членов, является дифференциальным признаком антонимии. Антоним, который содержит ее, включает в свое значение и все содержание другого антонима: *бедный* «не имеющий достаточных средств к существованию» – *богатый* «обладающий большим состоянием, достаточными средствами к существованию». Стоит отметить, что сема «не» может входить в значение антонима как смысловая бесприставочная часть слова, а может выступать в качестве приставки *не-*, то есть может быть выражена явно или содержаться в антонимических приставках *а-*, *анти-*, *бес-*, *против-* и др., то есть скрыто. Сравним: *жирный* «содержащий много жира» – *постный* «не жирный»; *похвальба* «лестный отзыв» – *порицание* «нелестный отзыв».

В отдельных случаях антонимичность создается наличием антонимичных приставок у обоих слов: *приближаться* «перемещаться ближе к кому-, чему-либо» – *удаляться* «перемещаться в противоположном к кому-, чему-либо направлении» [Диброва, 2008, с. 223]. Стоит отметить, что у однокоренных слов «значение

антонимичности возникает или как результат присоединения к одному и тому же слову антонимичных приставок (*при-* и *у-, со-* и *раз-*), или как следствие употребления приставки, придающей слову противоположный смысл (*грамотный – неграмотный*)» [Львов, 1984, с. 13].

Справедлива точка зрения Д.Н. Шмелева, считающего что «признание антонимами только разнокоренных слов, по существу, не отражает действительного положения вещей, так как выражение антонимических отношений при помощи префикса *не-* занимает ведущее место в современном русском языке [Шмелёв, 1977, с. 146]. Например, *доверие – недоверие, довольный – недовольный, неудачный – удачный, неудобство – удобство*.

Таким образом, сема «не» может быть представлена как скрыто (имплицитно), так и открыто (эксплицитно).

В прозе Цветаевой обнаруживаются как имплицитное, так и эксплицитное выражение отрицательной семы, семы «не».

Щедрость в радости, скупость в горе (Цветаева. Сводные тетради. Тетрадь 1).

Противопоставление образуют языковые существительные *щедрость*, образованное от прилагательного «щедрый» в значении «охотно делящийся с другими своими средствами, имуществом и т.п., не жалеющий тратить, расходовать что-л.» и *скупость*, образованное от прилагательного «скупой» в значении «очень неохотно расходующий свои средства, имущество и т.п., жалеющий тратить, расходовать что-л., очень жадный» [Введенская, 208, с. 300] (*не жадный – жадный*), а также языковые существительные *радость* в значении «веселое, беззаботное чувство, ощущение бодрости, душевной удовлетворенности, испытываемое кем-л.» и *горе* «тяжелое душевное состояние, чувства, вызываемые бедой, утратой» [Введенская, 2008, с. 276] (*радостный – не радостный*). Сема «не» представлена имплицитно. Данные пары оформлены по типу согласование и организованы по принципу параллелизма.

Анти/музыкальность Брюсова, вопреки внешней (местной) музыкальности целого ряда стихотворений – анти/музыкальность сущности, сушь, отсутствие реки (Цветаева. Герой труда).

В деревне – народ, единство личности, в городе – все, ед<инство> без/личности (Цветаева. Неизданное. Записная книжка 14).

Данные контексты интересны тем, что в противопоставлении задействованы два существительных, одно из которых является производным, а второе – производящим, таким образом, можно говорить о словообразовательной антонимии. В первом случае производное слово образовано путем присоединения к производящей основе *музыкальность* антонимической приставки *анти-*, которая имеет «значение противоположности или враждебности тому, что названо производящим словом» [Цыганенко, 1982, с. 17]. Во втором случае – путем присоединения к производящей основе *личность* антонимической приставки *без-*, которая указывает «на отсутствие того, что названо производящим словом» [Цыганенко, 1982, с. 18].

В прозе Цветаевой можно встретить следующие модели с эксплицитным выражением семы «не».

1) **не А** – *Почему я люблю веселящихся собак и не люблю (не выношу) веселящихся детей?! (Цветаева. Мои службы).*

2) **неА** – *Странно. Здесь апогей счастья, там апогей несчастья, и от обеих книг одинаковая грусть – точно Гёте был тоже сослан в Веймар! (Цветаева. О Германии).*

3) **не-А** – *«Спаси, Господи, и помилуй: Марину, Сережу, Ирину, Любу, Асю, Андрюшу, офицеров и не-офицеров, русских и нерусских, французских и не-французских, раненых и не-раненых, здоровых и нездоровых, – всех знакомых и не-знакомых» (Цветаева. Октябрь в вагоне).*

Последний вариант участвует в образовании комплементарных антонимов, отделяясь от положительного члена антонимической парадигмы в семантическом плане и являясь графически закрепленным. Он способствует намеренному подчеркиванию и выделению двух противоположных понятий.

Наглядно итоговые размышления можно представить в Таблице 1 «Эксплицитное и имплицитное выражение семы «не» в прозе М. Цветаевой».

Таблица 1 – Эксплицитное и имплицитное выражение семы «не» в прозе М. Цветаевой

Сема не	Имплицитное выражение		<i>Щедрость в радости, скупость в горе</i> (Цветаева. Сводные тетради. Тетрадь 1).
	Эксплицитное выражение	1. не	<i>Почему я люблю веселящихся собак и не люблю (не выношу) веселящихся детей?! (Цветаева. Мои службы).</i>
		2. не-	<i>Вывод: тема в живописи – ничто, ибо тема – все, не-темы нет</i> (Цветаева. Наталья Гончарова).
		3. а-, анти-, бес-, против- и др.	<i>В деревне – народ, единство личности, в городе – все, ед<инство>без/личности</i> (Цветаева. Незданное. Записная книжка 14).
		4. антонимические приставки	<i>Белизну я воспринимаю не как от/существо цвета, а как при/существо</i> (Цветаева. Сводные тетради. Тетрадь 1).

4.1.1. Типы отношений внутри антонимической парадигмы

Наиболее полная и развернутая классификация антонимов представлена в монографии Л.А. Новикова «Антонимия в русском языке» [Новиков, 1973-1, с. 45]. Напомним, что ученый выделяет три типа противоположности: *контрарную*, *комплементарную* и *векторную*.

Значение *контрарной противоположности* (от *лат. Contrarius* в значении «противоположный») заключается в том, что такой

вид противоположности охватывает «крайние симметричные члены упорядоченного множества (контрарные видовые понятия), между которыми существует средний, промежуточный член: *молодой* – <*нестарый, немолодой, пожилой...*> – *старый*; *холодный* – <*негорячий, прохладный, теплый...*> – *горячий* и т. п» [Новиков, 1973-1, с. 45]. Такой вид противоположности является типичным, а потому наиболее частотным, т. к. антонимичные слова содержат указание на качество. К этому типу учёный относит противоположность основных понятий – координат, включающих «середины» (точку отсчета): *левый* – *правый*, *верх* – *низ*, *здесь* – *там* и другие.

У М. Цветаевой этот тип отношений между антонимами также представлен наиболее частотно и составляет 51 % от всех примеров. Ср.:

*Нет, Марина, вы не думайте – я не про православного говорю, бородатого, а про бритого: католического то есть. Может быть, совсем **молодого**, может быть, уже **старого** – неважно* (Цветаева. Повесть о Сонечке).

Нынче** в сенах, **завтра** в клетки, **послезавтра** на сеновале. **Жарко** – на двор, **холодно** – на печь. – **Кочуют (Цветаева. Наталья Гончарова).

*Совершенство не есть завершенность, совершается **здесь**, вершится – **там*** (Цветаева. Герой труда).

*Третье лицо – всегда отвод. **В начале** любви – от богатства, **в конце** любви – от нищеты* (Цветаева. О любви).

В отличие от контрарной противоположности, **комплементарный тип** (от лат. complementum в значении «дополнение») имеет другую важную особенность, которая проявляется в том, что «между противопоставляемыми членами (видовыми понятиями), дополняющими друг друга до единого целого (родового понятия) <...> нет никакого среднего, промежуточного члена; *живой* – *мертвый*, *истинный* – *ложный*, *можно* – «*нельзя*», *вместе* – *врозь*, *занято* – *свободно (о месте)*» [Новиков, 1973-1, с. 45]. Т. е., отрицание одного

из видовых понятий позволяет определить содержание другого понятия, ср.: «неистинный» – значит «ложный» и наоборот.

Данный тип противоположности составляет 32 % от количества исследуемых примеров.

Но Брюсов, этот мужчина в поэзии rarexcellence, этот любитель пола вне человеческого, этот нелюбитель душ, этот: правое – левое, черное – белое, мужчина – женщина, на такие деления и эффекты, естественно, льстился (Цветаева. Герой труда).

Оттого ли, что я маленьким ребенком столько раз своею рукой писала: «Прощай, свободная стихия!» – или без всякого оттого – я все вещи своей жизни полюбила и пролюбила прощанием, а не встречей, разрывом, а не слиянием, не на жизнь – а на смерть (Цветаева. Мой Пушкин).

Гадкие дети догадались, что с Белым можно то, чего нельзя ни с кем, потому что сам он с ними таков, как никто, потихоньку, никому не сказав, положили ему в постель всех своих резиновых зверей, наполненных водой (Цветаева. Пленный дух).

Так, как ни странно: отшельничают вместе, кочевничают врозь (Цветаева. Наталья Гончарова).

Душу никогда не будут любить так, как плоть, в лучшем случае – будут восхвалять. Тысячами душ всегда любима плоть (Цветаева. Письма. Р.-М. Рильке. 02.08.1926).

Этот тип противоположности представлен у Цветаевой не только языковыми, но и индивидуально-авторскими антонимами, например, «Звук слова «Мышатый» был сам шепот моей любви к нему. Не-шепотом это слово не существовало» (Цветаева. Черт);

«Любование моей наружностью меня удивляет почти так же, как любовь к моим стихам, и совершенно так же, как нелюбование – моей сущностью. (Наконец-то!)» (Цветаева. Незданное. Записная книжка 8).

Третьим типом противоположности является **векторная противоположность** (от лат. vector в значении «везущий, несущий, направленный отрезок»), которая представляет собой противополо-

ложность разнонаправленных действий, движений, признаков: *подниматься – опускаться, входить – выходить, революционный – контрреволюционный* и т. п.

Чаще всего векторный тип представлен глаголами. Особенностью векторных антонимов (или конверсивов согласно терминологии Е.И. Дибровой [Диброва, 2008, с. 224]) является их противопоставленность лексико-синтаксическая: *я покупаю книгу – ты продаешь книгу*; потому что такие глаголы-конверсивы обозначают двусторонние отношения подлежащно-объектных связей (т.е. объект один и тот же, а субъекты, обозначаемые подлежащими, – различные). Такого рода глаголы представляют одно и то же действие в «обратных» отношениях: *приобрести в собственность – передать в собственность*. Глагол «продавать», в значении «приобретать в собственность» определяет подлежащее при неконверсивных отношениях и объект при конверсивных отношениях как один и тот же реальный субъект действия: *я продаю книгу – книга продается мне*.

Этот вид противоположности составляет 17 % от всех исследуемых примеров, представленных в прозе М. Цветаевой.

*Брюсов: поэт **входов** без **выходов*** (Цветаева. Герой труда).

*Хочу узнать о его здоровье и не решаюсь идти сама, потому что у меня только четверть часа времени, а **войти** – не **выйти**: Бальмонт просто не отпускает* (Цветаева. Слово о Бальмонте).

*Лазарь, возвращающийся **оттуда**: мертвый к живым, и Орфей, спускающийся **туда**: живой – к мертвым...* (Цветаева. Отрывки из книги «Земные приметы»).

*У дающего, раз **дает**, явно есть. И вот эта очная ставка есть с нет... Давать нужно было бы на коленях, как нищие **просят*** (Цветаева. О благодарности).

4.1.2. Структура и семантика антонимической парадигмы

Согласно Е.И. Дибровой и Н.Ю. Донченко, описание структуры и семантики антонимической парадигмы сводится, во-первых, «к статистическому измерению содержания парадигмы или рассмотрению количественного состава антонимической парадигмы», и, во-вторых, «к характеристике частеречной принадлежности членов парадигмы» [Диброва, 2000, с. 96].

4.1.2.1. Количественный (количественный) состав антонимической парадигмы

Рассмотрим количественный (количественный) состав антонимической парадигмы на материале прозы Марины Цветаевой.

Е.Н. Миллер отмечает, что противоположность может быть выражена не только «одинокими» антонимами-словами (*терять – находить, любовь – ненависть*), но и парами: 1) противопоставление фразеологических единиц (далее – ФЕ; *в своем глазу бревно не видим, а в чужом – соломинку замечаем*), 2) противопоставление слов и свободных словосочетаний (*спрашивать – давать ответ, умирать – оставаться живым*) [Миллер, 1981, с. 78]. Л.А. Введенская выделяет такие же межуровневые антонимические отношения: 1) антонимия между словами (*добро – зло*); 2) между словом и ФЕ (*весел – нос повесил*); 3) между словом и свободным словосочетанием (*шутит – говорит серьезно*) [Введенская, 2008, с. 357].

Более широкого толкования придерживается Ю.О. Новикова в своей диссертации «Речевая антонимия как отражение обыденной картины мира (на материале американского варианта английского языка)». Она дает следующее толкование антонимам – это «такие экстралингвистические реалии, между которыми есть различие, существенное с точки зрения носителя языка, его ценностно-мировоззренческой системы». Здесь же она добавляет, что «в качестве антонимов могут выступать не только слова и фразеологические

единицы, но и свободные словосочетания, предложения, сверхфразовые единства» [Новикова, 2010, с. 5].

Е.И. Диброва, Н.Ю. Донченко [Диброва, 2000, с. 98–99], исследуя творчество М. Пришвина, определяют следующий количественный (количественный) состав антонимической парадигмы: 1) *слово – слово* (счастье – несчастье), 2) *слово – свободное словосочетание* (будущее – реальнее настоящего), 3) *свободное словосочетание – свободное словосочетание* (заключенная в сосуде – пролилась на землю) и 4) *слово/свободное словосочетание – фразеологическое словосочетание* (впадают в детство – возвращаются к нему).

Под фразеологическими антонимами подразумеваются как «минимум две фразеологические единицы, которые ассоциируются в нашем сознании как взаимоисключающие друг друга по значению при таком противопоставлении, характеризующие явления или предметы действительности с разных, но совместимых сторон» [Алехина, 1968, с. 268]. Как справедливо отмечает Е.Н. Миллер, «основным показателем принадлежности фразеологических единиц к антонимам является их употребление в составе антонимичных контекстов, дополнительным – одинаковая сфера их лексической сочетаемости» [Миллер, 1990, с. 93].

Антонимия во фразеологии часто создается за счет «антонимичных компонентов (лексических антонимов, предлогов), которые влияют на значение всей фразеологической единицы, например: *с легкой руки – с тяжелой руки, катиться в гору – катиться под гору, белая кость – черная кость*» [Мардиева, 2003].

В прозе Марины Цветаевой антонимические отношения представлены всеми указанными типами противопоставлений и обнаруживаются между: 1) *словом и словом*, 2) *словом и ФЕ*, 3) *свободным словосочетанием и ФЕ*, 4) *ФЕ и ФЕ*, 5) *словом и свободным словосочетанием*, 6) *свободным словосочетанием и свободным словосочетанием*. Более детально данный вопрос рассмотрен в статье Е.Г. Кашицыной «Количественный состав антонимической парадигмы в прозе М.И. Цветаевой» [Кашицына, 2015].

Рассмотрим следующие примеры.

1. Антонимические отношения, возникающие между **СЛОВОМ** и **СЛОВОМ**.

Отсутствие духовности у женщин.

*Главный враг духа не **тело**, а **душа*** (Цветаева. Неизданное. Записная книжка 3).

Антонимия основана на противопоставлении разнокорневых комплементарных языковых антонимов *тело* – *душа* [Львов, 1984, с. 106] в значениях: «материальное, относящееся к вещественной, бытовой стороне жизни человека» (*тело*) и «нематериальное, относящееся к области духа, внутреннего мира (*дух* – *душа*).

*Неприлично быть **голодным**, когда другой **сыт*** (Цветаева. Неизданное. Записная книжка 5).

Антонимия представлена разнокорневыми комплементарными прилагательными, выраженными краткой формой прилагательного *сыт* в значении «вполне утоливший свой голод, не испытывающий голода» и полной формой прилагательного *голодный* в значении «испытывающий голод» [Введенская, 2008, с. 114].

***Брать** – стыд, нет, **давать** – стыд. У **берущего**, раз берет, явно нет; у **дающего**, раз дает, явно есть. И вот эта очная ставка есть с нет... Давать нужно было бы на коленях, как нищие просят* (Цветаева. О благодарности).

В данном случае антонимия представлена разнокорневыми векторными анонимами *брать* – *давать* в значениях «получать в свое обладание, пользование» и «вручать, передавать в чье-либо пользование» [Введенская, 2008, с. 64], усиленная однокорневыми субстантивированными причастиями *берущий* – *дающий*.

2. Антонимические отношения, возникающие между **СЛОВОМ** и **ФЕ**.

*«Это Павлик – «гениальный», потому что у него **ничего** другого **за душою** – нет, а у вас же – **все**, **вся вы**»* (Цветаева. Повесть о Сонечке).

Антонимия основана на противопоставлении ФЕ *за душой нет ничего* в значении «беден, без достаточных средств кто-либо» [Федоров, 2008, с. 409], «ничего нет у кого-н.» [Ожегов, 1999, с. 184] и определительного местоимения множественного числа – *все* в сочетании с опущенным глаголом *есть*.

Пушкин не знал своих возможностей, Брюсов – свои возможности – знал. Пушкин писал на авось (при наичернейших черновиках – элемент чуда), Брюсов – наверняка (статут, Институт) (Цветаева. Герой труда).

Индивидуально-авторская антонимия представлена ФЕ *на авось*, в значении «Без достаточной основательности, наудачу (надеяться, полагать, рассчитывать и т.п.)» [Федоров, 2008, с. 11] и наречия *наверняка*, в значении «с верным расчетом, безошибочно» [Ожегов, 1999, с. 375].

3. Антонимические отношения, возникающие между **свободным словосочетанием** и **ФЕ**.

Ясно чувствую, что читаю от лица Москвы и что этим лицом в грязь – не ударяю, что возношу его на уровень лица – ахматовского (Цветаева. Нездешний вечер).

Противопоставление основано на ФЕ *ударить лицом в грязь* в значении «не оплошать, не осрамиться, проявить свои лучшие качества» [БФСРЯ, 2012, с. 708], где понятие лица используется в метонимическом отношении – это вся Москва, которую представляет Марина Ивановна, и свободном словосочетании *возношу его на уровень лица*, где глагол «возношу» используется в первом значении своего толкования «(книжн.) поднять вверх» [Ожегов, 1999, с. 93]; т.е. антонимия основана на противопоставлении «верх – низ».

Доказательством этого является история возникновения данной ФЕ: первоначально *ударить лицом в грязь* означало «упасть в грязную землю»; «такое падение считалось в народе особенно позорным в игровых кулачных боях – состязаниях борцов, когда слабого противника опрокидывали ничком на землю» [Мелерович, 2001, с. 369].

«Что это?» – «Да Белый **из себя выходит**». **Не входя в вас**. Ибо когда наше входит, доходит, растраты нет, пустоты нет – есть разгрузка и пополнение, обмен, общение, взаимопроникновение, гармония (Цветаева. Пленный дух).

ФЕ *из себя выходит* в значении «лицо полностью теряет самоконтроль, приходит в состояние крайнего эмоционального возбуждения, раздражения, возмущения, негодования и под. из-за поведения другого лица или из-за произошедшего события» [БФСРЯ, 2012, с. 118] противопоставляется свободной синтаксической конструкции *не входя в вас*.

Не входя в вас – свободная синтаксическая конструкция, вместе с фразеологическим оборотом формирующая синтаксический хиазм [Береговская, 2004, с. 22–59].

Черная с белым, без единого цветного пятна, материнская спальня, черное с белым окно: снег и прутья тех деревьев, черная и белая картина «Дуэль», где на белизне снега совершается черное дело: вечное черное дело убийства поэта – черню (Цветаева. Мой Пушкин).

Противопоставление представлено свободным словосочетанием *белизна снега* и ФЕ *черное дело* (разг., предосуд.) в значении «злостный, коварный поступок, преступление» [Федоров, 2008, с. 187]. Далее идет конкретизация представленного ранее понятия «черное дело» в словосочетании «вечное черное дело убийства поэта» с указанием на исполнителя – «черню».

В данном случае *чёрное дело* – есть элемент контекстуального восстановления прямого значения фразеологической метафоры⁹, т. н. подновление метафоры¹⁰. М. Цветаева, подновляя метафору, заостряя внимание на её прямом значении, заставляет нас

⁹ Фразеологическая метафора – один из семантических приемов переосмысления переменного сочетания, в результате которого формируется фразеологическая единица [Николаева, 2007, с. 20].

¹⁰ Известны два пути подновления метафоры, о которых писали многие филологи, в частности Б.В. Томашевский [Томашевский, 1999].

почувствовать оценочные и эмоциональные эффекты, заложенные в цветovém прилагательном «чёрный» ещё острее.

При подновлении метафоры прибегают к следующим приемам: стершееся слово заменяют однозначным синонимом. Так, если вместо слова «пламя» (в значении «любовь») сказать «костер», то стёршаяся метафора несколько подновляется (ср. подновление поговорицы у Достоевского: «это только цветочки, а настоящие фрукты впереди!»). Другое средство подновить метафору – это развить ее, т.е. дополнить эпитетом или, другими словами, связанными с ней по прямому значению. Так дополняют стершееся слово «голубчик» эпитетом «сизокрылый»).

За счёт контрастного (без единого цветového пятна) противопоставления качественных цветových прилагательных (чёрное и белое), существительных противопоставленных по тем же цветovým ощущениям (снег и прутья деревец); вовлечения в общий контекст слова *чернь* с прозрачной внутренней формой на глазах читателя рождается даже не метафора, а метаморфоза – *на белизне снега совершается черное дело*.

4. Антонимические отношения, возникающие между **ФЕ** и **ФЕ**.

Макс, Черубину создав, остался в тени, – из которой его ныне, за руку, вывожу на белый свет своей любви и благодарности – за Черубину, себя, всех тех, чьих имен не знаю – благодарности (Цветаева. Живое о живом).

Антонимия представлена ФЕ *оставаться в тени* (находиться, держаться, пребывать), т.е. имеется в виду, что «лицо или группа лиц действует, не привлекая к себе внимания других, делает что-то втайне, избегая огласки» [БФСРЯ, 2012, с. 91] и *выводить на белый свет*, в значении «обнаруживать, обнародовать, что лицо <...> делает другое лицо, предмет, свойства, мысли, чувства, и под. известными, гласными, общедоступными, явными, видимыми» [БФСРЯ, 2012, с. 151].

У нас есть одна знакомая, которой нет в Москве. Ее зовут Софья Евгеньевна Голлидэй. Мы в глаза ее называем Сонечка, а за глаза Сонечка Голлидэй (Цветаева. Повесть о Сонечке).

Индивидуально-авторская антонимия основана на противопоставлении ФЕ разговорного стиля речи *в глаза* в значении «открыто, не стесняясь присутствующих» [Федоров, 2008, с. 132] и *за глаза* в значении «заочно, в отсутствие кого-либо (судить, характеризовать и т.п.)» [Федоров, 2008, с. 133].

5. Антонимические отношения, возникающие между **словом и свободным словосочетанием**.

– *Студент!* – уже кричала Какаду (прозвище из-за крючковатости носа и желтизны птичьих глаз). – **Учиться надо, а не лекции читать, отца позорить!** (Цветаева. Пленный дух).

Индивидуально-авторская антонимия представлена неопределенной формой глагола *учиться* в значении «усваивать какие-нибудь знания, навыки; приобретать опыт» [Ожегов, 1999, с. 846] и свободным глагольным словосочетанием *лекции читать*, где главное слово имеет значение «излагать устно перед аудиторией» [Ожегов, 1999, с. 886]. В основе индивидуально-авторского противопоставления лежат значения «узнавать для себя что-то новое» и «давать другим новые знания», которые усилены таким стилистическим приемом, как акротеза.

*И если я **полным голосом** могла сказать, что в тайном шкафу жил – Пушкин, то сейчас только **шепотом** могу сказать: в тайном шкафу жил... Вожатый* (Цветаева. Мой Пушкин).

Противопоставление представлено свободным словосочетанием *полный голос*, где главное слово «голос» представлено в значении «совокупность звуков, возникающих в результате колебания голосовых связок» [Ожегов, 1999, с. 137] и *шепот* в значении «тихая речь, при которой звуки произносятся без голоса» [Ожегов, 1999, с. 896].

6. Антонимические отношения, возникающие между **свободным словосочетанием и свободным словосочетанием**.

Странно: в этом красавце было какое-то сходство с Павлом, да, вопреки красоте. Павел был уродливой крайностью того типа, которого Сережа был прекрасным полюсом. Тип же один: смертный (Цветаева. Дом у Старого Пимена).

Противопоставление базируется на внешних признаках Павла и Сергея: *уродливый* и *прекрасный*. «Словарь синонимов и антонимов современного русского языка» под редакцией А.С. Гавриловой закрепляет следующие значения *прекрасный* в значении «очень красивый, отличающийся необыкновенной привлекательностью» и *безобразный* в значении «отталкивающе некрасивый, уродливый» [ССиА, 2013, с. 481]. В свою очередь, там же указываются понятия *безобразный* и *уродливый* в качестве синонимичных [ССиА, 2013, с. 184]. Существительное *крайность* используется в значении «что-либо совершенно несходное с другим, противоположное другому» [Ефремова, 2006-1, с. 970]. В таком же значении употребляется и слово *полюс* – «что-либо совершенно противоположное другому» [Ефремова, 2006-2, с. 240].

Не моя случайная ложь станет явной, а моя вечная насущная правда. Не станет: уже есть (Цветаева. Сводные тетради. Тетрадь 1).

Антонимическую оппозицию образуют свободные словосочетания *случайная ложь* и *вечная насущная правда*, при этом, главной особенностью является еще и то, что друг другу противопоставлены и «составляющие» данных словосочетаний, а именно: главные и зависимые слова. Таким образом, получаем: 1) языковая антонимия, представленная именем существительным *ложь*, в значении «то, что не соответствует действительности, намеренное искажение действительного положения вещей» и *правда* в значении «то, что соответствует действительности» очаровательный [Введенская, 2008, с. 268]; 2) индивидуально-авторская антонимия зависимых компонентов словосочетания, выраженных именем прилагательным *случайная* в значении «возникший, появившийся непредвиденно» [Ожегов, 1999, с. 733] и *вечный*, не в основном своем значении «постоянно повторяю-

щийся, всегдашний» [Ожегов, 1999, с. 78], усиленное прилагательным «насущенный» в значении «имеющий важное жизненное значение, совершенно необходимый» [Ожегов, 1999, с. 395].

Ещё один пример:

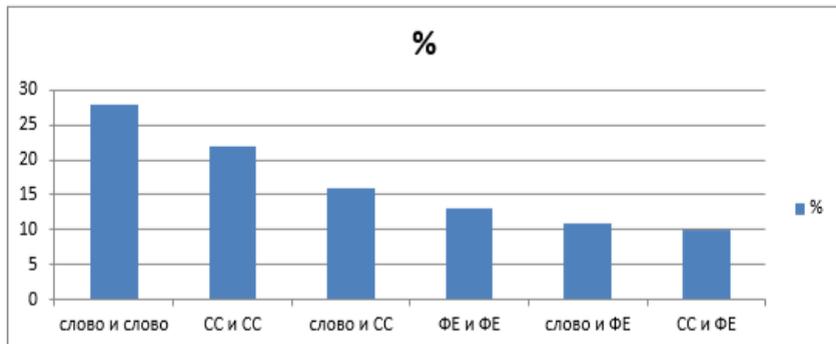
В чем кощунство песни Вальсингама? Хулы на Бога в ней нет, только хвала Чуме. А есть ли сильнее кощунство, чем эта песня? (Цветаева. Искусство при свете совести).

Существительные *Чума* и *Бог*, входящие в состав свободного словосочетания, являются индивидуально-авторскими антонимами, созданными с опорой на имеющиеся ресурсы языка.

Лексическая антонимия свободных словосочетаний и ФЕ в прозе М.И. Цветаевой используется в качестве контрастного изображения и отражает противоположности материального мира, общественной жизни, а также противоположности, являющиеся плодом деятельности человеческого сознания. При этом такие антонимы выступают не изолированно друг от друга, а, наоборот, взаимно дополняют друг друга.

Анализ количественного состава антонимической парадигмы показал, что в прозе М. Цветаевой антонимические отношения обнаруживаются между: словом и словом – 28%, свободным словосочетанием и свободным словосочетанием – 22%, словом и свободным словосочетанием – 16%, ФЕ и ФЕ – 13%, словом и ФЕ – 11%, свободным словосочетанием и ФЕ – 10%. При этом, стоит отметить, что вовлеченные авторские ФЕ расширяют структурные границы фразеологической системы. См. диаграмму 1, где ФЕ – фразеологическая единица, СС – свободное словосочетание.

Диаграмма 1 – Квантитативный состав антонимической парадигмы

4.1.2.2. Одночастеречная и межчастеречная антонимия

Е.И. Диброва и Н.Ю. Донченко в исследовании «Поэтические структуры антонимии» выделяют:

- одночастеречную однокорневую антонимию,
- разнокорневую (лексическую) антонимию и
- межчастеречную антонимию [Диброва, 2000, с. 99].

Однокорневые антонимы – это «антонимы, имеющие общую корневую морфему» (*заметный – незаметный, довольный – недовольный, возможно – невозможно*), а разнокорневые антонимы, соответственно, это «антонимы, различающиеся корневыми морфемами» (например, *близкий – далекий, богатый – нищий, злой – добрый*) [Шанский, 1972, с. 65]. Детальное изучение однокорневой антонимии представлено у Л.А. Новикова [Новиков, 1973-1, с. 161–194]. Он анализирует антонимию глаголов: *мобилизовать – демобилизовать*; существительных: *идейность – безыдейность, сборка – разборка* и других частей речи.

Сторонниками одночастеречной разнокорневой антонимии, или классической теории, являются Р.С. Гинзбург, В. Шмидт, Л.А. Булаховский, И.В. Арнольд, Г.Б. Антрушина и другие исследователи, которые считают, что в антонимические отношения могут

вступать лишь разнокорневые слова одной части речи. Представители более широкого подхода в изучении антонимии считают, что оппозиции противоположности в языке не исчерпываются противопоставлением только слов однокоренных и слов одной части речи. Это Н.Б. Боева, Д.Н. Шмелев, Л.А. Бортэ, В.Д. Девкин, Е.И. Диброва, Э.И. Родичева, В.И. Скибина и другие. Таким образом, признается существование как однокорневой одночастеречной антонимии, так и межчастеречной антонимии. В своем исследовании, как уже было отмечено, мы придерживаемся второй (широкой) точки зрения.

В прозе М. Цветаевой можно обнаружить как одночастеречные антонимы, выраженные глаголами, прилагательными, существительными, местоимениями, наречиями, предлогами, так и межчастеречные, выраженные существительным и прилагательным. Одночастеречная антонимия у М.И. Цветаевой представлена как однокорневыми, так и разнокорневыми антонимами.

Самую многочисленную группу – 17 % от общего количества исследуемых примеров составляют **одночастеречные разнокорневые антонимы**, выраженные **именем прилагательным**.

У нас молодая революция, а у них, во Франции, старая, буржуазная! (Цветаева. Незданное. Записная книжка 3).

«И не мы одни были такая семья. Так встречало молодой символизм, за редчайшими исключениями, все старое поколение Москвы» (Цветаева. Пленный дух).

Языковые разнокорневые антонимы *молодой* и *старый*, выраженные качественными прилагательными, здесь представлены в третьем значении: «недавно возникший, образовавшийся, начавший деятельность» и «давно существующий, давно возникший, образовавшийся» [Введенская, 2008, с. 204].

Я знаю мать, покупающую молоко чужому (больному!) ребенку только для того, чтобы не погиб ее собственный (здоровый!) (Цветаева. О благодарности).

Научилась одна ездить на лифте, впервые за всю жизнь: одна, на 7-ой эт<аж>, но только на знакомом. Чужих боюсь как

прежде (и обхожу как прежде) особенно – раздвижных (Цветаева. Сводные тетради. Тетрадь 4).

В первом примере в антонимические отношения вступают языковые антонимы, представленные относительными прилагательными: *чужой* и *собственный*. В значениях «принадлежащий другому, являющийся собственностью другого, относящийся к другому, свойственный другому» и «относящийся к себе» [Введенская, 2008, с. 305]. А также языковые антонимы в форме качественных прилагательных: *больной* и *здоровый*, в значениях «не обладающий здоровьем, страдающий какой-либо болезнью, испытывающий недомогание» и «обладающий здоровьем, не страдающий никакой болезнью, не испытывающий недомогания» [Введенская, 2008, с. 159].

Во втором случае противопоставление представлено разнокорневыми прилагательными *знакомый* в значении «свой, известный», «такой, который знают, с которым приходилось сталкиваться» [Словарь синонимов, 1975, с. 173] и *чужой* (синоним понятия *незнакомый*) в значении «чужой, неизвестный» [Введенская, 2008, с. 163].

Книги мне дали больше, чем люди. Воспоминание о человеке всегда бледнеет перед воспоминанием о книге, – я не говорю о детских воспоминаниях, нет, только о взрослых! (Цветаева. Отрывки из книги «Земные приметы»).

Сколько материнских поцелуев падает на недетские головы – и сколько нематеринских – на детские! (Цветаева. О любви).

Центральным противопоставлением в данных примерах выступает языковая пара антонимов *старый* в значении «человек преклонного возраста, проживший много лет» и *молодой* в значении «человек в возрасте от отрочества до зрелых лет» [Введенская, 2008, с. 305]. Ср.: *дети – взрослые* [Львов, 1984, с. 151] и вторая пара, представленная контрастными антонимами *детский* от существительного «дети» в значении «мальчики и (или) девочки в раннем возрасте, до отрочества» [Ожегов, 1999, с. 163] и *материнский*

от существительного «мать» в значении «женщина по отношению к своим детям» [Ожегов, 1999, с. 346].

Языковая антонимия может быть представлена не только прилагательными в полной форме, но и в краткой форме: *сыт* и *голоден*, соответственно от полных прилагательных «сытый» в значении «вполне утоливший свой голод; не испытывающий голода» и «голодный» в основном своем значении «испытывающий голод» [Введенская, 2008, с. 114].

Сытый голодному не товарищ. Ребенок сыт, взрослый голоден (Цветаева. Незданное. Записная книжка 5).

Одночастеречная разнокорневая антонимия, выраженная **именем существительным**, не менее многочисленна и составляет 15 %. Наиболее часто встречающимися оппозициями у Марины Цветаевой являются традиционные противопоставления: *жизнь – смерть, друг – враг, правда – ложь, добро – зло*.

Одним из наиболее важных противопоставлений в ее творчестве является противопоставление духовного и материального, души и тела в значениях «относящийся к области духа, внутреннего мира, умственной деятельности человека» и «относящийся к вещественной, бытовой стороне жизни человека» [Введенская, 2008, с. 140].

Смерть страшна только телу. Душа ее не мыслит. Поэтому, в самоубийстве, тело – единственный герой (Цветаева. Отрывки из книги «Земные приметы»).

Душа у меня – царь, тело – раб (Цветаева. Незданное. Записная книжка 5).

Поэт часто размышляет над тем, что такое «тело» и что такое «душа», давая им свои характеристики: *душа – царь, тело – раб*, тем самым определяя, что *тело* подчиняется *душе*.

В примере *Твое изображение не висит в залах суда, где равнодушие судит страсть, сытость – голод, здоровье – болезнь: все то же равнодушие – все виды страсти, все та же сытость – все виды голода, все то же здоровье – все виды болезни, все то же*

благополучие – все виды **беды** (Цветаева. Черт) противопоставление представлено языковыми антонимами *сытость* в значении «отсутствие ощущения потребности в пище» и *голод* в значении «острое ощущение потребности в пище» [Введенская, 2008, с. 114], *здоровье* в значении «нормальная, правильная жизненная деятельность организма» и *болезнь* в значении «нарушение, расстройство нормальной, правильной жизнедеятельности организма; болезненное состояние» [Введенская, 2008, с. 160], а также индивидуально-авторскими антонимами, выраженными именем существительным – это *равнодушие* в значении «не питающий склонности, пристрастия к кому-чему-н.» [Ожегов, 1999, с. 638] и *страсть* в значении «крайнее увлечение, пристрастие к чему-н.» [Ожегов, 1999, с. 772], *благополучие* в значении «спокойное и счастливое состояние» [Ожегов 1999, с. 50] и *беда* в значении «то же, что несчастье» [Ожегов, 1999, с. 39]. Таким образом, на фоне контрастного «нагромождения» антонимов становится понятно, что для М. Цветаевой важно подчеркнуть значимость вводной фразы «твое изображение не висит в залах суда».

Рассмотрим **одночлестеречную разнокорневую антонимию**, которая представлена **глаголами и глагольными формами** и составляет 8 %.

Брать – *стыд, нет, давать* – *стыд* (Цветаева. О благодарности).

Два несчастных счастья:

1) *Несчастье для души и счастье для тела:*

Брать в долг.

2) *Счастье для души и несчастье для тела:*

Отдавать долг (Цветаева. Незданное. Записная книжка 5).

Противопоставление образуют векторные разнокорневые антонимы, выраженные неопределенной формой глаголов *брать* и *давать*, *отдавать* в значениях «получать в свое обладание, пользование» и «вручать, передавать в чье-либо пользование» [Введенская, 2008, с. 64]. Усилению данной антонимической пары *брать* – *давать*

способствуют излюбленные приемы М. Цветаевой: синтаксический параллелизм конструкций, хиазм, оксюморон *несчастное счастье*, языковые разнокорневые антонимы *душа* и *тело*.

В примере *Лицо – свет. И оно, действительно, загорается и гаснет* (Цветаева. Неизданное. Записная книжка 3) характеристика лица представлена языковыми разнокорневыми антонимами *загораться* и *гаснуть* в значениях «начинать гореть, светить, светиться» и «перестает гореть, светить, светиться» [Введенская, 2008, с. 108]. По своей семантике данные антонимы являются комплементарными.

Менее частотными (6 %) в прозе М. Цветаевой являются окказиональные, контекстуальные антонимы, выраженные **местоимениями**. При широком подходе к антонимии, когда признаётся существование речевых, окказиональных, индивидуально-авторских антонимов, следует учитывать в этом ряду явлений и те семантические способы противопоставления, которые способны выражать местоимения. Об этом уже шла речь в третьей главе. Такого рода антонимия часто является нестандартной, хотя некоторые примеры можно встретить в словарях антонимов под редакцией Л.А. Введенской [Введенская, 2008], М.Р. Львова [Львов, 1984] и других.

а) *Не отзываются при других иронически о своем животном (чем бы то ни было – любимом). Другие уйдут, свой – останется* (Цветаева. Сводные тетради. Тетрадь 4).

Антонимия представлена противопоставлением местоимений *другие – свой*. Притяжательное местоимение в единственном числе *свой* в значении «связанный отношением родства, общим происхождением, принадлежащий к одному с кем-л. кругу, не посторонний» [Введенская, 2008, с. 292] является языковым антонимом к *чужой* в значении «посторонний, не из одной с кем-л. семьи, не из одного с кем-л. круга людей, не одного с кем-л. Происхождения» [Введенская, 2008, с. 292]. Ср.: определительное местоимение во множественном числе *другие*, в значении «некоторый, какой-нибудь иной (разг.)» [Ожегов, 1999, с. 181].

Противопоставление *свой* – *чужой* наиболее частотно у М. Цветаевой.

Разница между мной (ребенком) и Алей: – У Али восторг к своему (своей породе в мире) перевешивает сильное отвращение к чужому. У меня – наоборот. (Было и есть) (Цветаева. Неизданное. Записная книжка 5).

Так же хочу, чтобы дочь была поэтом, а не художником (мать – музыкантом, а не поэтом), так же всего требую от своих и ничего от чужих, так же – если бы я была книга, все строки бы совпадали (Цветаева. История одного посвящения).

Надо воспользоваться чужим сластолюбием в целях своего свободолюбия (Цветаева. Мои службы).

В приведённых примерах антонимия представлена языковыми антонимами *свой* (местоимение) в значении «связанный отношением родства, общим происхождением, принадлежащий к одному с кем-л. кругу, не посторонний» – и *чужой* (качественное прилагательное) в значении «посторонний, не из одной с кем-л. семьи, не из одного с кем-л. круга людей, не одного с кем-л. происхождения» [Введенская, 2008, с. 292].

Молчаливая. Если приводятся слова, то пустые. Все об улыбке, походке, очах, плечах, даже ушах – никто о речах. Ибо вся в улыбках, очах, плечах, ушах. Так и останется: невинная, бессловесная – Елена – кукла, орудие судьбы! (Цветаева. Наталья Гончарова).

В данном случае представлена языковая антонимия, используемая при оценке внешности Натальи Гончаровой. Она основана на противопоставлении определительного местоимения множественного числа *все* в значении «те, кто (что) есть в полном составе, без исключения (о людях, живых существах)» и отрицательного местоимении *никто* в значении «ни один человек, ни одно живое существо» [Введенская, 2008, с. 99].

Нередки случаи употребления **одночастеречной разнокорневой антонимии**, выраженной **наречиями** – 5 %.

а) Почему мне совсем не стыдно быть **плохо** одетой <карандашом над строкой: в рваном> – и так бесконечно-стыдно – **хорошо** <карандашом над строкой: в новом> одетой?! (Цветаева. Неизданное. Записная книжка 6).

Оппозиция представлена языковыми качественными наречиями, характеризующими эмоциональное состояние *хорошо* и *плохо*, которые образованы от прилагательных *хороший* и *плохой* в значении «обладающий положительными качествами или свойствами, такой как следует, характеризующийся положительно» и «лишенный положительных качеств или свойств, не такой, как следует, характеризующийся отрицательно» [Введенская, 2008, с. 322].

В жизни – громко, в тетради – тихо (Цветаева. Поэт о критике).

Здесь антонимы представлены языковыми качественными наречиями *громко* в значении «с большой звучностью» и *тихо* в значении «с небольшой звучностью» [Введенская, 2008, с. 119].

В примере *Наверху – горы и гром, внизу – букашки, мухи, например, бубенчики, одуванчики, комары, пискари, – такое...* (Цветаева. Мать и музыка) наречия, характеризующие пространство и противопоставленные по этому принципу: *наверху* в значении «в верхней части, на высоте» – *внизу* в значении «в нижней части чего-либо» [Введенская, 2008, с. 86].

Ещё один пример: *Я ни тогда, ни потом, никогда не любила, когда целовались, всегда – когда расставались* (Цветаева. Мой Пушкин). В нём противопоставление образуют языковые антонимы *никогда* в значении «ни в какое время, ни при каких обстоятельствах» и *всегда* в значении «во всякое время, постоянно» [Колесников, 1972, с. 76].

Как утверждает Н.Б. Боева, семантически противопоставляться могут не только полнзначные слова, которые обладают «категориально-лексической семой «отношение», но и слова «самостоятельной и несамостоятельной номинации»,

«обладающие одноименной категориально-грамматической семой», например, предлоги [Боева, 2001].

Антонимичные отношения служебных частей речи, в частности, **предлогов** уже были описаны в третьей главе. Было отмечено, что противопоставление предлогов – черта, для прозы М. Цветаевой характерная, она составляет 3 % примеров от фактического материала).

Все предлоги, используемые М. Цветаевой, – разнокорневые, первообразные, простые.

*Счет – рок. Просьба – полная свобода воли и даже простор своеволию. Все расстояние **от**: «Нельзя же не» **до**: «Раз можно не» (Цветаева. Музей Александра III).*

В приведённом примере индивидуально-авторская антонимия построена на противопоставлении предлогов *от* в первом значении словарной статьи: «исходная точка чего-нибудь» [Ожегов, 1999, с. 466], – и *до* – во втором значении словарной статьи: «указание на предел чего-нибудь» [Ожегов, 1999, с. 168]. Другая пара языковых антонимов представлена противопоставлением предикативных наречий, одно из которых обозначает запрет на осуществление действия, – *нельзя*, а другое, наоборот, разрешает это действие выполнять – *можно* [Введенская, 2008, с. 202].

Ещё один пример: *Есть две ревности. Одна **в** себя, другая – **от** себя. Чем это низко – вонзить в себя нож? (Бальмонт)* (Цветаева. Неизданное. Записная книжка 3).

С помощью антонимичных пространственных предлогов разводятся два понимания ревности: предлог *в* (обозначающий направленность внутрь, «употребляется при обозначении места, направления куда-нибудь или нахождения где-нибудь» [Ожегов, 1999, с. 66]) и *от* (обозначающий направленность во внешнюю среду, «указывает на что-нибудь удаляемое, избегаемое» – в данном случае употребляется не в своем прямом значении) [Ожегов, 1999, с. 466]. Это индивидуально-авторская антонимия, основанная на базе векторной противоположности. В словаре антонимов обнаружива-

ются только языковые антонимы *в (во) – вне, в (во) – из (изо)* [Колесников, 1972, с. 49], *к (ко) – от (ото)* [Колесников, 1972, с. 159].

Где-то – в какой-то своей тетрадке – легкомысленное и грустное изречение:

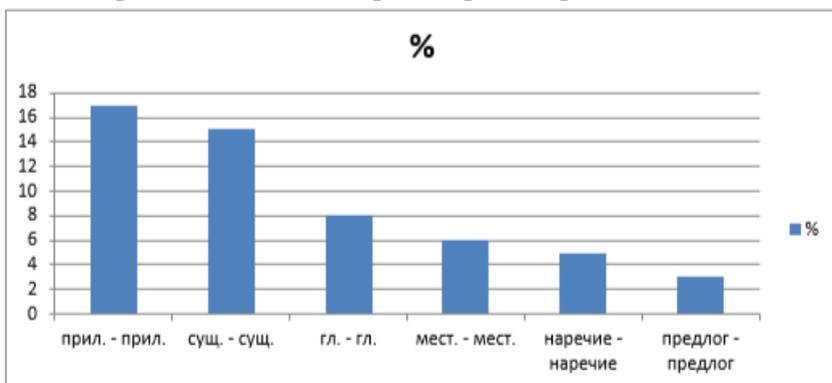
*Не все ли равно с кем спать **на** земле, раз все равно будешь спать с кем попало – **под** землей.*

– Не у всех же фамильные склепы! (Цветаева. Неизданное. Записная книжка 8).

Противопоставляются пространственные предлоги *на* в значении «обозначение поверхности, на которой сверху располагается или куда направляется что-н.» [Ожегов, 1999, с. 373] и *под* в значении «ниже чего-н., со стороны нижней части чего-н.» [Ожегов, 1999, с. 531]. Словарь антонимов учитывает только антонимические отношения: *на – с (со)* [Колесников, 1972, с. 194], *над (надо) – под (подо)* [Колесников, 1972, с. 195].

Итак, большинство антонимов в прозе М.И. Цветаевой – это разнокорневые антонимы, они составляют 54 %. Из них представлены самостоятельными частями речи: именем прилагательным – 17 %, именем существительным – 15 %, глаголом – 8 %, местоимением – 6 %, наречием – 5 %; служебными частями речи, в частности, предлогами – 3 %. Результаты анализа представлены в диаграмме 2.

Диаграмма 2 – Одночастеречная разнокорневая антонимия

Одночастеречная однокорневая антонимия, встречающаяся в прозе М. Цветаевой, представлена существительными, прилагательными и глаголами и составляет 37 % от всего собранного материала.

Наиболее широко в исследуемом материале представлена **одночастеречная антонимия**, выраженная **именем существительным**, которая составляет 14 %.

а) *Белизну я воспринимаю не как **отсутствие** цвета, а как **присутствие*** (Цветаева. Сводные тетради. Тетрадь 1).

Антонимическая оппозиция основана на языковых однокорневых антонимах, выраженных абстрактными существительными *отсутствие* и *присутствие* [Львов, 1984, с. 224], где *отсутствие* образовано от производящего (мотивирующего) глагола *отсутствовать* со значением «не находиться, не присутствовать где-либо в определенное время», а *присутствие* – от производящего (мотивирующего) глагола *присутствовать* со значением «находиться, быть где-либо в определенное время».

Рассмотрим **одночастеречную однокорневую антонимическую парадигму**, представленную **именем прилагательным** – она составляет 13 %.

Противопоставления, образованные посредством отрицательной приставки не-, где одно слово является производящим, а другое – производным более частотны, чем однокорневые прилагательные, различающиеся *противоположными по значению приставками*, которые используются реже (*входящий – выходящий, входящий – исходящий*).

Сколько *материнских* поцелуев падает на *недетские* головы – и сколько *нематеринских* – на *детские*! (Цветаева. О любви).

Есть *нелюбовные трагедии* и в природе: смерч, ураган, град. (Град я бы назвала семейной трагедией в природе).

– Единственная *любовная трагедия* в природе: гроза (Цветаева. Незданное. Записная книжка 3).

Противопоставление однокоренных прилагательных со значением родства *материнских – нематеринских, недетские – детские* и противопоставление однокоренных прилагательных *нелюбовные – любовная* образуется при помощи отрицательной приставки не-. Дополнительным средством, усиливающим антонимию, является синтаксический параллелизм, а также на уровне семантической грамматики – противопоставление множественного числа единственному во втором примере, которое, в свою очередь, подчёркнуто на лексическом уровне с помощью леммы *единственная*.

Наиболее разветвленную систему **однокоренной одночлестеречной антонимии** представляют глаголы. Чаще всего членами антонимической пары являются производные глаголы, образованные от одного и того же производящего слова с помощью префикса. Используются префиксы, меняющие семантическую структуру слова, при этом лексико-грамматическое (словообразовательное) значение начинает доминировать над значением всей основы в целом. Такая антонимия составляет 10 % от всего фактического материала.

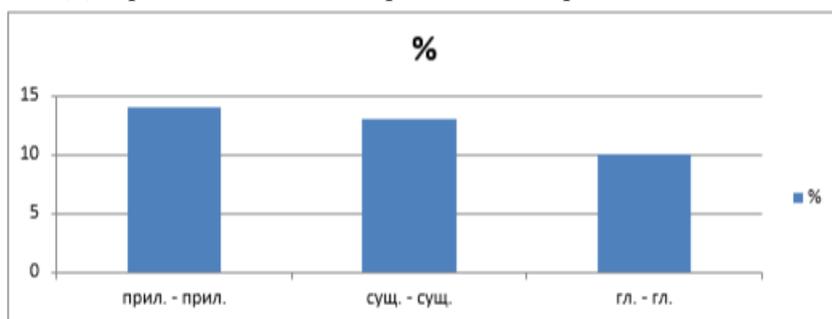
Танго! – Сколько судеб оно *свело* и *развело*! (Цветаева. Незданное. Записная книжка 3).

Оппозиция основана на значении префиксов однокоренных одночлассовых языковых антонимов *свел* и *развел* [Львов, 1984, с. 252]. Актуализируются префикс *раз-* со значением разъединения и префикс *с-* со значением соединения, сведения. Экспрессия словообразовательного значения, базирующаяся на антонимии, становится основным проводником смысла.

В примере *Было молча условлено и установлено, что они всегда будут **приходить** вместе – и вместе **уходить*** (Цветаева. Повесть о Сонечке) противопоставление образуют языковые антонимы, выраженные глаголами *приходить* в значении «идя, следуя куда-н., достигать какого-н. места, прибывать куда-н.» и *уходить* в значении «отправляться откуда-н., покидая, оставляя какое-н. место» [ССиА, 2013, с. 483]. Антонимия выражена с помощью антонимичных префиксов *при-* и *у-*, присоединяющихся к инфинитиву «ходить».

Итак, одночлассовая однокорневая антонимия в прозе М. Цветаевой выражена существительными, прилагательными и глаголами. Результаты анализа представлены в диаграмме 3.

Диаграмма 3 – Одночлассовая однокорневая антонимия

Межчлассовая антонимия – явление мало изучена в лингвистике. К выводу о существовании межчлассовых антонимов пришла Э.И. Родичева, отметившая, что для возникно-

вения антонимической оппозиции не всегда обязательно идентичное грамматическое оформление слов антонимов [Родичева, 1968, с. 285]. По мнению Л.А. Новикова, межчастеречная антонимия – это разновидность речевой антонимии, исследователь считает, что «максимально возможное различие обусловлено определённой ситуацией противоположения» [Новиков, 1966, с. 85].

Образование межчастеречных оппозиций связано с асимметрией семантики и категориального оформления многих слов. Объяснение этого несоответствия логически вытекает из ономаσιологической природы частей речи. Так, по мнению Е.С. Кубряковой, части речи представляют собой «проекции в мир языка разных по своей сути или по восприятию их человеком объектов действительности» [Кубрякова, 1978, с. 6]. Из этого определения сущности частей речи следует, что в них находят свое отражение как сами фрагменты действительности, так и форма их концептуализации и вербализации. Материал обобщения проецируется в лексическое значение слова, а форма обобщения – в категориальное [Кубрякова, 1978, с. 18]. Таким образом, межчастеречная антонимия имеет семантико-грамматическую природу, так как в ее основе лежит способность языка наделять одинаковые фрагменты действительности разным содержанием.

Антонимия на словообразовательном уровне представлена у М. Цветаевой чаще, чем на морфологическом. О том, какого рода грамматические антонимы используется поэтом, речь шла в третьей главе. К подробно проанализированному материалу можно добавить лишь несколько слов.

Межчастеречная антонимия в прозе М.И. Цветаевой характерна для оксюморонной формы выражения.

Наиболее часто межчастеречная антонимия в прозе М. Цветаевой представлена именем существительным и именем прилагательным: *Утренняя ночь* (Цветаева. Неизданное. Записные книжки), *Площадь – людная пустыня* (Цветаева. Там же). Подробный анализ таких примеров будет представлен в отдельном

исследовании, посвящённом описанию стилистических средств выражения контраста в произведениях М. Цветаевой. Межчастеречная антонимия составляет 9 % от числа исследуемых примеров.

Справедливым представляется замечание М.В. Ляпон, что все грамматические изменения, преобразования слов в прозе М. Цветаевой – это «прежде всего реализация ее творческой концепции слова, которое и в прозе предстает как арена столкновения разно-уровневых смыслов» [Ляпон, 2010, с. 18].

Можно сделать следующие выводы:

1) одночастеречная антонимия в прозе Марины Ивановны Цветаевой высокочастотна и составляет 91 % (при этом разнокорневая одночастеречная антонимия составляет 54 %, а однокорневая – 37 %); межчастеречная антонимия низкочастотна и составляет всего 9 % от всего исследуемого материала;

2) одночастеречную антонимию, симметричную и высокочастотную, можно обозначить как исходное или первичное средство выражения противоположных значений в прозе М. Цветаевой, а межчастеречную антонимию, асимметричную и низкочастотную, как вторичное или производное средство выражения противоположных значений;

3) среди одночастеречных разнокорневых антонимов самыми частотными являются одночастеречные разнокорневые антонимы, выраженные именем прилагательным.

Исследование одночастеречной и межчастеречной антонимии в прозе М.И. Цветаевой представлено в статье Е.Г. Кашицыной [Кашицына, 2016]. Наглядные результаты проведённого анализа приведены в таблице 2 «Одночастеречная и межчастеречная антонимия».

Таблица 2 – Одночастеречная и межчастеречная антонимия

Антонимия Части речи	Одночастеречная антонимия		Межчастеречная антонимия
	Разнокорневая (лексическая)	Однокорневая (грамматическая)	
Самостоятельные части речи	прил. – прил. сущ. – сущ. гл. – гл. мест. – мест. наречие – наречие	прил. – прил. сущ. – сущ. гл. – гл.	сущ. – прил.
Служебные части речи	предлог – предлог	не представлена	не представлена

4.1.3. Особенности антонимической парадигмы в прозе М.И. Цветаевой

Марина Цветаева, как уже было отмечено, была не только поэтом, но и филологом-исследователем, смелым экспериментатором, пытающимся вскрыть потаённые смыслы языка, раскрыть его потенциальные возможности, поэтому антонимические контексты, созданные ею, «вновь и вновь подтверждают семантику личностного отношения к языку и свободу от его власти» [Ревзина, 1996, с. 306]. Вполне ожидаемо, что в её поэтической прозе помимо языковых антонимов, закреплённых в антонимических словарях и составляющих 43 %, представлено большое количество индивидуально-авторских антонимов, составляющих 57 % процентов от собранного нами фактического материала.

Излюбленное занятие М. Цветаевой – создавать ряды антонимических парадигм, их диады, триады и даже более многочисленные конфигурации, опираясь как на языковые, так и на индивидуально авторские антонимы, выстраивать сложные антитезы,

являющиеся не только способом выразить парадоксальность мысли, но и возможностью создать афористический минитекст, объединённый общей темой. Например:

Забота бедных¹: старое² обратить в новое², богатых¹: новое² в старое² (Цветаева. Сводные тетради. Тетради 1).

У всех по-разному¹ разрывается душа² и у всех по-одинаковому¹ нарывает палец² (Цветаева. Сводные тетради. Тетрадь 2).

Этот невинный, в земных делах несведущий¹ ангелочек² в этом последнем³ земном⁴ деле и в первом³ неземном⁴ оказался именно ангелом²: знающим¹ (Цветаева. Дом у Старого Пимена).

Если первый и второй примеры представляют из себя антонимическую парадигматическую диалу, то третий пример – явный случай более многочленной антонимической парадигмы.

В первом примере мы наблюдаем антонимическую диаду, в кот орой используются то языковые антонимы *бедный – богатый*, *старое – новое*, то во втором случае антонимическая диада выстроена с опорой на индивидуально-авторские антонимы *душа* в значении «3. Внутренний мир человека, мир его чувств, переживаний, настроений и т.п.» [БТСРЯ, 2000, с 290]» и *палец* в значении «1. Одна из пяти подвижных конечных частей кисти руки или ступни ноги у человека» [БТСРЯ, 2000, с. 776], а также на индивидуально-авторских антонимы-наречия *по-разному – по-одинаковому*. Эти антонимы образованы от прилагательных по одной словообразовательной модели при помощи конфикса по-...-ому от языковых антонимов *разный* и *одинаковый* [Львов, 1984, с. 178].

Во втором и третьем примерах смысловые контрастные отношения подчёркнуты с помощью повтора и/или хиазма.

На описанное свойство поэтической прозы М.Цветаевой обращает внимание С.А. Ахмадеева: «М.И. Цветаева создает не просто двуединые фразы, где цель и целеполагание, причина и следствие, первооснова и результат меняются местами, но образует афоризмы-антиметаболы, в которых возникают новые смысловые связи,

дополняемые сложной антитезой, вплетенной в обширные контексты синтаксического параллелизма» [Ахмадеева, 2015, с. 22–23].

Соположение нескольких антонимических парадигм в одном контексте, нанизывание их одна на другую осложняет его структуру и одновременно углубляет его содержание. Можно констатировать, что цветаевские антонимические контексты характеризуются следующими чертами: 1) **диадностью/триадностью/многочленностью антонимической парадигматики**, которая создается системными языковыми и собственно авторскими отношениями; 2) наличием **сложных антонимических объединений**, которые находят реализацию **в антонимических блоках и антонимических полях**.

Рассмотрим это на следующем примере.

«Изнуренная больными детьми молодая мать. (Россия)

Цветущая молодая деревенская мать. (Германия)

Бесплодная прекрасная дама. (Франция)» (Цветаева.

Неизданное. Записная книжка 3).

Антонимия основана здесь на авторской триаде: *изнуренная больными детьми молодая мать – цветущая молодая деревенская мать – бесплодная прекрасная дама* и, соответственно, *Россия – Германия – Франция*. Каждая страна в данном случае предстает перед нами в образе женщины. Первое противопоставление основано на индивидуально-авторских антонимах *мать* в значении «женщина по отношению к рожденным ею детям» [БТСРЯ, 2000, с. 525] и *бесплодная дама*, являющимся свободным словосочетанием. Таким образом, в основе данной антонимической пары лежит противопоставление, базирующееся на наличии/отсутствии детей: в данной антонимической паре общим, интегральным признаком является понятие «женщина», адифференциальным, лежащим в основе антонимии – «имеющая детей» и «не имеющая детей». Вторая индивидуально-авторская пара антонимов представлена определениями, выраженными именем прилагательным к существительному «мать»: *изнуренная*, в значении «крайне утомлённый,

дошедший до полного истощения сил» [БТСРЯ, 2000, с. 384] и *цветущая* в переносном значении «2. Находящийся в расцвете сил, здоровья.» [БТСРЯ, 2000, с. 1458].

Таким образом, посредством противопоставлений понятий *мать (изнуренная, цветущая)* – *бесплодная дама* представлена сравнительная характеристика трех стран.

ГЛАВА 5. СИСТЕМА АНТОНИМОВ, ПРЕДСТАВЛЕННАЯ НА УРОВНЕ АНТОНИМИЧЕСКОГО БЛОКА-КОМПОЗИТА

Говорят – тягою к пропасти

Измеряют уровень гор.

М. Цветаева

5.1. Понятие антонимического блока

Являясь основной минимальной структурой, антонимическая парадигма выступает конструирующим началом в организации более сложных антонимических структур в произведениях М.Цветаевой – антонимических блоков и антонимических полей.

В последнее время интерес лингвистов, работающих с текстом и дискурсом, всё чаще привлекает такое понятие, как «антонимический блок»: П.Н. Клоков «Антонимический блок «радовать – огорчать» как один из способов системной организации русской лексики» [Клоков, 2006], М.А. Романюк «Антонимические блоки в английском сленге» [Романюк, 2014].

Антонимический блок исследователями трактуется по-разному. Единым в определении данного понятия «является осознание положения о том, что **антонимический блок** – это часть семантического поля, внутри которого слова группируются по степени их смысловой близости» [Клоков, 2006, с. 4].

Весьма часто данное понятие раскрывается через синонимические отношения, см., например, работы, Н.В. Драчук [Драчук, 2006], Е.В. Задорожной [Задорожная, 2007], О.А. Мордвиной-Щодро [Мордвина-Щодро, 2007], Е.О. Старовойтовой [Старовойтова, 2011] и др.

Впервые это понятие – синонимо-антонимические блоки (сокращенно – САБ) – предложила В.А. Иванова. В него она вкладывает

вает следующее содержание: «САБ – это такая организация синонимов и антонимов, при которой синонимическими и антонимическими отношениями одновременно объединяются как слова в целом, так и отдельные их значения, входящие в три и более семантических ряда» [Иванова, 1982, с. 62]. В результате анализа некоторых САБ она выявила следующие факторы, обуславливающие фигуры таких блоков: 1) количество семантических рядов, связанных отношениями противоположности; 2) количество синонимов в каждом ряду, реализующих связи по противоположности; 3) характер моделей синонимо-антонимических отношений для противоположных синонимических рядов.

Аналогичной точки зрения на это явление придерживается и Ю.В. Федосов, который считает, что более верным наименованием блока будет «антонимо-синонимический блок», так как организующим началом данной структуры он считает антонимию: антонимы «упорядочивают это множество». По мнению исследователя, «весь антонимо-синонимический блок имеет общий для всех слов объединительный признак. Внутри блока два синонимических ряда, образующих антонимическое противопоставление, имеют различительный признак, который одновременно является объединительным для каждого из этих синонимических рядов» [Федосов, 2002, с. 49].

Другой позиции придерживается Л.А. Новиков, который считает, что «антонимы не существуют в языке изолированно. Они образуют своеобразные блоки, основанные на структурно-словообразовательных и функционально-семантических связях слов» [Новиков, 1973-1, с. 77–78]. Характеризуя антонимический блок, он описывает слова, входящие в антонимические пары (ряды), которые вступают между собой в более сложные отношения, образуя при этом антонимические парадигмы.

В работах А.Н. Тихонова [Тихонов, 1976], С.М. Саидовой [Саидова, 1980] подробно описано понятие «антонимический блок». Оно используется лингвистами для обозначения антонимичных

словообразовательных гнёзд. Основанием для объединения антонимов в гнёзда (или блоки) служат родственные словообразовательные связи слов. Такой блок включает слова разных частей речи с одинаковыми корнями. На антонимичность словообразовательных гнезд указывает и З.Г. Кеворкова [Кеворкова, 1979].

Е.И. Диброва понятие «антонимический блок» формулирует с опорой на взаимодействие антонимии языковой и речевой, обусловленное контекстом. Именно поэтому антонимический блок она называет блоком-комполитом и определяет его следующим образом: «**антонимическим блоком-комполитом** называется структурно-содержательная единица текста, рамочно организованная, целостная по смыслу, относительно самостоятельная по содержанию применительно к контексту и построенная на основе антонимии» [Диброва, 2000, с. 109]. Термин «комполит» для характеристики антонимического блока был введён в работе Е.И. Дибровой «Структура и семантика художественного текста» [Диброва, 1999, с. 91–138].

Таким образом, понятие «антонимический блок» разными исследователями трактуется по-разному, в зависимости от специфики и направления, в рамках которого проводится исследование. Для нас очевидно, что взгляд на антонимический блок, обозначенный Л.А.Новиковым и Е.И.Дибровой, наиболее точно согласуется с тем, что мы увидели, анализируя цветаевский антонимический контекст.

В прозе М. Цветаевой отчётливо представлены ряды антонимических пар, которые вступают между собой в парадигматические отношения, образуя антонимические диады, триады и конфигурации более сложного типа; отношения между такими антонимическими рядами выявляют их композиционно-смысловое единство. Например:

*Волей чуда – весь Пушкин. Чудо воли – весь Брюсов.
Меньшего не могу (Пушкин. Всемощность).*

Большого не могу (Брюсов. Возможности).

Раз сегодня не смог, завтра смогу (Пушкин. Чудо).

Раз сегодня не смог, никогда не смогу (Брюсов. Воля).

Но сегодня он – всегда мог (Цветаева. Герой труда).

В антонимическом блоке (блоке-компоните) мы, вслед за Е.И. Дибровой, будем видеть *структурно-содержательную единицу* текста, рамочно организованную, целостную по смыслу, относительно самостоятельную по содержанию применительно к контексту и построенную на основе антонимии.

В работе Е.И. Дибровой, Н.Ю. Донченко антонимические блоки-компониты проанализированы на примере произведений М. Пришвина [Диброва, 2000].

Основными дифференциальными признаками антонимического блока-компонита, согласно авторам, являются следующие:

1) множественные противопоставления признаков, предметов, процессов, признаков и отношений (антонимические ряды, по Л.А. Новикову);

2) организация противопоставлений в относительно законченную смысловую структуру;

3) наличие смысловых центров в блоке;

4) гиперо-гипонимическая организация антонимии в блоке;

5) эксплицитно-имплицитная выраженность антонимии;

6) однородность тематики блока («Чувства», «Состояние» и др.) [Диброва, 2000, с. 111].

Такое понимание антонимического блока согласуется с мнением целого ряда лингвистов, утверждающих, что антонимы способны выполнять текстообразующую функцию, т.е. организовывать текст в систему, реализовывать его цельность, связность и завершённость. Рассмотрением текстообразующей функции антонимов занимались К. Цзин [Цзин, 2000], Я. Бо [Бо, 2004] и Н.Б. Оганян [Оганян, 2017] в своих диссертационных работах.

5.2. Антонимические блоки-композицы в прозе М.И. Цветаевой

Категория амбивалентности, о которой речь идёт в работе Е.И. Дибровой и Н.Ю. Догнченко, оказалась наиболее отчётливо представлена в дневниковой прозе М. Пришвина именно в формате антонимических блоков-композицев, в которых, как убедительно показывают исследователи, раскрывается особая эпистемология автора, основанная на отображении единства противоположностей в сфере его предметно-эстетических и этических представлений о мире. То же самое обнаруживаем в прозе М. Цветаевой.

Ещё раз отметим, что Е.И. Диброва понимает композит как минимальную структурно-содержательную единицу текста, которая обладает относительной автономностью и законченностью структуры содержания» [Диброва-1, 2008, с. 152].

Рассматривая композит, в первую очередь, как смысловой «отрезок», объединенный единством темы, Е.И. Диброва соотносит его с другими более традиционными терминами: абзацем и прозаической строфой, но видит необходимость во введении именно этого понятия, отличающегося от обозначенных, объясняя своё видение тем, что новое обоснование структуры произведения требует выделения новых конструктивных организаций и их номинаций [Диброва, 2011, с.74].

Как и дневниковые тексты М. Пришвина, прозаические тексты М. Цветаевой характеризуются достаточно четким соотношением между абзацным и структурно-содержательным членением текста.

Композит, по мнению Е.И.Дибровой, обладает тремя параметрами: структурным, лексико-семантическим и грамматическим.

К структурному параметру относятся: 1) рамочность конструкции; 2) развитие сюжета; 3) ансамблевое объединение композицев в описании темы.

К лексико-семантическому параметру относятся: 1) хронотоп повествования: каждый композит – хронологическое/каузальное раз-

витие сюжета жизненного пространства; 2) гиперо-гипонимическое устройство содержания; 3) синонимо-антонимические взаимодействия внутри гиперонимической семантики; 4) наличие лексических приоритетов – слов / словосочетаний, являющихся смысловыми доминантами микротемы.

Грамматический параметр характеризуется следующими особенностями: 1) синтаксическими (смысловыми) отношениями внутрикомпозиционного типа; эти отношения могут быть оформлены анафорически / катафорически; 2) лексическими повторами, которые имеют место в составе как всего композита, так и рамки-преамбулы и резюме; лексические повторы выполняют функцию лексических швов-скреп, объединяющих композит; 3) синтаксической оформленностью композита в виде смысловой совокупности отдельных предложений, разграниченных точкой, вопросительным знаком, восклицательным знаком, многоточием или сочинительными / подчинительными союзами [Диброва, 2000, с. 113–114].

В прозаических текстах Цветаевой встречаются как более простые по своей структуре антонимические блоки-композиции, так и более сложные. Сначала рассмотрим более простые по структуре и содержанию антонимические блоки.

Пример из записных книжек 1919 г.

Героизм: *пересилить голод. Аристократизм:* *не заметить его.*

Аристократизм: laissezalter {Предоставить всё ходу вещей (фр.)} благородства.

Аристократ при всей своей безупречности может быть лишен личных черт, герой – всегда: я.

В аристократизме повинны предки, в героизме – собственная душа.

Аристократизм, это воздействие тела на душу: тонкость рук делает их нежными.

Героизм – воздействие души на тело: душа грубые руки делает нежными.

Аристократизм: тело, делающееся духом. Героизм: дух, делающийся телом.

(Цветаева. Неизданное. Записная книжка 6).

Перед нами единый тематический блок, каких много в записных книжках М. Цветаевой, напоминающий самостоятельное произведение-миниатюру. Этот блок-композит посвящён размышлениям на тему о героизме и аристократизме. Интересно, что антонимы *тело* и *дух* здесь не противопоставлены, а соотнесены друг с другом, они взаимосвязаны и парадоксальным образом вытекают один из другого. В диалектике единства и борьбы противоположностей М. Цветаева в данном случае выбирает первое – единство противоположностей. Антонимичные понятия *тело* и *душа* (*дух*) становятся для неё опорными семантическими компонентами в определении двух сопоставляемых и противопоставляемых через фигуру хиазма (тело, делающееся духом... дух, делающийся телом) абстрактных понятий – аристократизма и героизма. Принцип перестановки, который реализуется в анафразах, антиномических афоризмах (метаболах) и хиазме, по мнению С.А. Ахмадеевой, передаёт конфликт между обыденной и авторской логикой [Ахмадеева, 2015, с.10]. Анафразы описывают перестановку слов во фразе с соответствующими трансформациями ее смысла. Этому языковому феномену и литературному приёму, который «не выделялся в поэтике и стилистике как особый способ построения художественной речи и образа» посвящена статья М.Н. Эпштейна [Эпштейн, 2006]. «Анафразы – это лексические анаграммы. В них единицей перестановки выступают не буквы в словах, а слова во фразах и предложениях», – утверждает М.Н. Эпштейн в указанной работе.

«В записной книжке автором собирается все самое значительное для его внутренней жизни», – отмечает С.А. Ахмадеева [Ахмадеева, 2015, с. 13]. И это значительное М. Цветаева пытается для себя определить. Общеизвестно, что построение дефиниции для абстрактных понятий – дело сложное и противоречивое не только для лингвистики, но и для философии. Как говорится, что такое счастье, каждый понимает по-своему. Будучи филологом-экспериментатором и философом одновременно, М. Цветаева вырабатывает свою творческую модель определения абстрактных понятий, которые её интересуют. Представленный контекст выполняет одну хорошо знакомую риторике задачу – дать образное определение понятию. В таком типе определения ярко проявляются и аналитическая, и эмотивно-оценочная функции.

В приведенном примере на первый план выступает противопоставление/сопоставление внешнего (тела) и внутреннего (души). В оппозитивные отношения вступают индивидуально-авторские антонимы: *аристократизм* в значении «внешняя изысканность, утонченность поведения» [Ожегов, 1999, с. 28] и *героизм* в значении внутренняя «отвага, решительность и самопожертвование в критической обстановке» [Ожегов, 1999, с. 129]. В этом антонимическом блоке можно выделить смысловой центр, на основании которого и построена вся антонимическая парадигма. Таким центром является противопоставление языковых антонимов *тело – душа*.

Перед нами антонимический блок-комполит, в котором отчётливо представлены все три параметра: структурный, лексико-семантический и грамматический. Кроме того, в нём на уровне развёрнутого определения ключевых понятий в полной мере продемонстрирован конфликт поэтической логики с логикой тривиальной, о котором пишет С.А. Ахмадеева [Ахмадеева, 2015, с. 15].

Рассмотрим ещё один пример:

Бог был – чужой, Черт – родной. Бог был – холод, Черт – жар. И никто из них не был добр. И никто – зол. Только одного

я любила, другого – нет: одного знала, а другого – нет. Один меня любил и знал, а другой – нет. Одного мне – тасканьями в церковь, стояньями в церкви, паникадилом, от сна в глазах двоющимся: расходящимся и вновь сходящимся – Ааронами и фараонами – и всей славянской невнятицей, – навязывали, одного меня – заставляли, а другой – сам, и никто не знал (Цветаева. Черт).

Весь антонимический блок оформлен в виде одного абзаца. Противопоставление образуют существительные, обозначающие два сверхъестественных существа по религиозным представлениям: *Бог и черт*. Гиперонимом выступает имя с родовым понятием «сверхъестественное существо», где гипонимы – это противоположные понятия, выраженные этими именами существительными: *Бог* в значении «по религиозным представлениям: творец неба и земли, всего сущего; всеведущий высший разум, управляющий миром; всеобщее мировое начало (имеет множество имён: Творец, Создатель, Всевышний, Вседержитель, Всемогущий и др.: в христианстве един в трёх лицах: Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух Святой). Господь Бог (почтит.)» [БТСРЯ, 2000, с. 86] и *черт* в значении «по религиозным представлениям: сверхъестественное существо, олицетворяющее собой злое начало, в образе человека, но с рогами, копытами и хвостом; дьявол, бес» [БТСРЯ, 2000, с. 1475].

Вся структура блока пронизана антонимическими парами: языковыми антонимами *чужой – родной, холод – жар, добрый – злой*, а также индивидуально-авторскими *навязывали, заставляли – сам*, которые усиливают основную пару антонимов (*Бог – Черт*) по смыслу.

Ещё один пример антонимического блока-композиата.

«Мама, почему у Андрюши два дедушки, а у нас только один?» Помню вопрос, ответа не помню, да его, наверное, и не было, ибо не могла же мать ответить правду, а именно: «Потому что мой отец, ваш дедушка, Александр Данилович Мейн, как человек великодушный и справедливый, не может не любить, по крайней мере, не одаривать и не ласкать, чужого внука наравне

с родными внуками, а Андрюшин дедушка, как человек черствый и очень уж старый, насилиу и единственного своего внука может любить». Так и оказалось у Андрюши «два дедушки», а у нас с Асей – один (Цветаева. Дом у Старого Пимена).

В приведенном блоке понятие *дедушка* выступает гиперимом. Структура блока связывается антонимическими языковыми парами и индивидуально-авторскими образованиями: 1) *два – один* (количественный признак), 2) *у нас – у Андрюши* (в значении *не у нас*), 3) *вопрос – ответ*, 4) *помню – не помню*, 5) *мой отец, ваш дедушка, Александр Данилович Мейн – Андрюшин дедушка*, 6) *человек великодушный и справедливый – человек черствый и очень уж старый*, 7) *не может не любить, не ласкать – насилиу может любить*, 8) *родные внуки – единственный внук*.

С самого начала происходит деление на *своих – чужих*, которое впоследствии углубляется и усиливается длинной цепочкой антонимических рядов. При этом описание *своего дедушки* включает в себя гораздо больше характеристик *мой отец, ваш дедушка, Александр Данилович Мейн, человек великодушный и справедливый*, в то время как *чужой дедушка* описан лишь как *Андрюшин дедушка, человек черствый и очень уж старый*. Языковые антонимы *великодушный* (в прямом значении «обладающий высокими душевными качествами, щедростью души, благородством» [Ефремова, 2006-1, с. 380]) и *черствый* (в переносном значении «лишенный душевной чуткости, сердечности, душевной теплоты; неотзывчивый, нечуткий [Ефремова, 2006-3, с. 732]»), а также неравнозначное противопоставление *справедливый* (положительное качество человека) – *старый* (возрастная характеристика) являются тем ответом на вопрос, который задается в начале антонимического блока.

Структура данного блока представлена кольцевой композицией: с самого начала задан вопрос, в котором сразу же обозначено противопоставление. Далее, в центральной зоне блока идет описание, в котором развёрнуто представлены протвположные характеристики каждого из дедушек позволяющие правильно

ответить на вопрос, а в заключительной части блока дается прямой ответ на вопрос и подводится итог всему описанию-рассуждению.

Теперь рассмотрим более сложно устроенные блоки-композицы.

<1918>

О черни.

Кого я ненавижу (и вижу), когда говорю: чернь.

Солдат? – Нет, сижу и пью с ними чай часами из боязни, что обидятся, если уйду.

Рабочих? – Нет, от «позвольте прикурить» на улице, даже от чистосердечного: «товарищ» – чуть ли не слезы на глазах.

Крестьян? – Готова с каждой бабой уйти в ее деревню – жить: с ней, с ее ребятами, с ее коровами (лучше без мужа, мужиков боюсь!) – а главное: слушать, слушать, слушать!

Кухарок и горничных? – Но они, даже ненавидя, так хорошо рассказывают о домах, где жили: как барин газету читал: «Русское слово», как барыня черное платье себе шила, как барышня замуж не знала за кого идти: один дохтур был, другой военный...

Ненавижу – поняла – вот кого: толстую руку с обручальным кольцом и (в мирное время) кошелку в ней, шелковую («клеш») юбку на жирном животе, манеру что-то высасывать в зубах, шпильки, презрение к моим серебряным кольцам (золотых-то, видно, нет!) – уничтожение всей меня – все человеческое мясо – мещанство! (Цветаева. Из записных книжек и тетрадей).

Гипероним данного антонимического блока-рассуждения заявлен в первой его части, во введении – это собирательное существительное *чернь* в значении «в дворянском обществе, в высокопарно-презрительной речи: люди, принадлежащие к непривилегированным классам» [Ожегов, 1999, с. 822]. Гипонимами к этому гиперониму являются существительные *солдаты, рабочие, крестьяне, кухарки, горничные* и *мещане*. Всю структуру блока можно поделить условно на две части.

В первой части идет рассуждение, представленное в вопросно-ответной форме о тех классах, которые Цветаева отнюдь не ненавидит, когда упоминает о *черни* (размышления о каждом классе выделены в отдельный абзац).

Во второй – содержится ответ, выраженный в указании на то сословие, к которому М. Цветаева действительно испытывает отвращение. Это *мещанство* (образно-экспрессивно, перифрастически, обозначенное как *все человеческое мясо*).

В таком, наполненном дополнительными смысловыми приращениями, контексте все представленные в нём гипонимы разводятся, противопоставляются по смыслу: одних «принимаю как своих и оцениваю положительно» // других «воспринимаю как чужих ненавижу». Эти гипонимы превращаются в индивидуально-авторские антонимы: солдаты, рабочие, крестьяне, кухарки и горничные (с одной стороны) и мещане/ всё человеческое мясо (с другой стороны).

Вычленение блоков связано с содержательно-тематической структурой. Тема раскрывается через изображение фактов, событий, ситуаций. Отметим, что тема и содержание этого блока-композиата соотносятся как объект изображения и единство всех составляющих элементов этого объекта: его свойств, характеристик, процессов, связей и противоречий.

Антонимические блоки-композиаты – реальные текстовые организации, которые, в свою очередь, являются составляющей более сложных антонимических структур – антонимических текстовых семантических полей. О них пойдёт речь в следующей главе.

ГЛАВА 6. СИСТЕМА АНТОНИМОВ, ПРЕДСТАВЛЕННАЯ НА УРОВНЕ АНТОНИМИЧЕСКОГО ПОЛЯ

*Я и жизнь маню, я и смерть маню
В легкий дар моему огню*
М. Цветаева

6.1. Понятие и функции антонимического поля

Антонимические парадигмы и антонимические блоки – реальные текстовые организации, которые выполняют различные функции (сопоставления, согласования, противопоставления) в рамках более крупной структуры – антонимического поля.

Антонимическое поле конструируется параметризуется и рассматривается в составе определенного текста.

В данной главе мы попробуем сконструировать антонимические поля, базирующиеся на антонимах, как индивидуально-авторских, так и языковых, функционирующих в прозе М. Цветаевой. Обратимся к терминологии.

«Совокупность языковых (главным образом лексических) единиц, объединенных общностью содержания (иногда также общностью формальных показателей) и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» называют **полем** [БЭС, 1998, с. 380].

Т.В. Матвеева, трактуя понятие «поле», указывает на происхождение термина – это «лингвистический аналог физического термина, который используется для синхронного рассмотрения множественного языкового материала, объединенного некоторой общностью, а также сам материал такого рода» [Матвеева, 2010, с. 319].

Исследования, описывающие различные типы лексических объединений, появились еще в XIX веке (н-р, см. работы Н.М. Покровского), некоторые особенности полевой структуры были

отмечены при построении тезаурусов (П. Роже, Ф. Дорнзайф, Р. Халлиг и В. фон Вартбург). Изначально теоретическое осмысление понятия поля содержалось в работах Й. Трира [Trier, 1931] и Г. Ипсена [Ipsen, 1924, 1932]. Впервые термин Wortfeld («поле») в языкознании был введен Й. Триром в работе «Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes» [Trier, 1931], ставшей фундаментом для дальнейших полевых исследований. В этой работе в терминах поля представлено идеографическое описание лексики на материале немецкого языка. Помимо терминологического наименования Wortfeld (поле слов), Трир использует в указанной работе также термины Sinnbezirk (поле понятий) или «семантическое поле».

Полевая теория развивалась в дальнейшем в двух направлениях: исследовались парадигматические и синтагматические поля. Представителями, занимавшимися описанием парадигматических полей, являются: Л. Вайсгербер [Вайсгербер, 1993], Г. Ипсен [Ipsen, 1924, 1932], Ф.П. Филин [Филин, 1982], А.А. Уфимцева [Уфимцева, 1962], С.Д. Кацнельсон [Кацнельсон, 1986], В.И. Кодухов [Кодухов, 1955, 1979]. К представителям, занимавшимся описанием синтагматических полей, следует отнести В. Порцига [Porzig, 1962].

При описании парадигматических полей исследовались всевозможные объединения лексических единиц: лексико-семантические группы, части речи, синонимы, словообразовательные парадигмы, антонимы, группировки слов (как у Й. Трира).

При исследовании синтагматических полей также описывались лексико-семантические классы слов, но главное – возможности сочетаемости того или иного слова.

На материале русского языка описанием семантических полей занимались такие видные ученые, как А.А. Уфимцева [Уфимцева, 1962], А.И. Кузнецова [Кузнецова, 1963], А.В. Бондарко [Бондарко, 1971], Л.М. Васильев [Васильев, 1971], Г.С. Щур [Щур, 1974], Ю.Д. Апресян [Апресян, 1974], Ю.Н. Караулов [Караулов, 1976] и другие.

В настоящее время полевой метод исследования является одним из самых продуктивных и активно развивающихся методов, т.к. позволяет анализировать языковые единицы, вступающие в различные системные отношения.

Семантическое поле (СП) – самая крупная единица лексики. Несмотря на то, что метод полевого подхода является одним из наиболее активно развивающихся лингвистических методов, проблема сущности и статуса СП до сих пор остается дискуссионной: до настоящего времени в языкознании не определены строгие границы применения этого термина. Им часто обозначаются разные системообразующие единицы лексики – лексико-семантические группы слов (ЛСГ) и собственно семантические поля. Понятие «семантическое поле нередко заменяется более узкими лингвистическими терминами: лексическое поле, лексико-семантическое поле и т.п. Например, Т.В. Матвеева понятия «лексическое поле», «лексико-семантическое поле» и «семантическое поле» определяет как синонимические, основанные «на общности понятийного значения различных слов» [Матвеева, 2010, с. 319]. Каждый из этих терминов характеризует тот тип языковых единиц, которые входят в поле и/или тип связи между ними. Во многих работах как выражение «семантическое поле», так и более специализированные обозначения употребляются как терминологические синонимы. Все это ведет не только к смешению важнейших понятий лексикологии, но и мешает адекватному описанию принципов системного устройства этого феномена, вызывая полемику в современных работах по лингвистике. Мы будем опираться на термин «семантическое поле».

СП представляет собой совокупность «актуальных языковых единиц, обладающих семантическим единством (общей семой или группой сем)», многозначные слова, при этом, включаются в «СП поле не целиком, а своими отдельными лексико-семантическими вариантами (ЛСВ)» [Матвеева, 2010, с. 407]. Таким образом, СП характеризуется понятийной однородностью элементов, а его

единицами являются обычно ЛСВ. Понятийно неоднородные ЛСВ слова распределяются по разным СП (например, отец – «родитель», отец – «священник»).

В основе организации СП как упорядоченного множества наименований лежат родовидовые отношения его единиц: гипонимы в качестве понятийно однородных единиц, обладающих свойствами несовместимости и соответствующие видовым понятиям, включаются как элементы в класс, соотносительный с родовым понятием и обозначаемый гиперонимом.

Однородные в смысловом отношении единицы последовательно объединяются в ЛСГ, или элементарные микрополя (относительно замкнутые ряды слов одной части речи), подклассы, классы, классы классов, семантические микросферы и т.д., образуя сложную, многомерную иерархическую систему взаимосвязанных и взаимодействующих СП, границы которых относительно и часто определяются той или иной установкой.

Для установления границ семантического поля следует обратиться к методам его построения, основу которых составляют: логико-понятийный метод, структурно-компонентный метод (метод компонентного анализа), интуитивный и дефиниционный метод, который образуется путем привлечения данных словарей разных типов: словообразовательных, толковых, фразеологических, энциклопедических, словарей синонимов и антонимов русского языка.

В основе выделения базовых компонентов поля: «центр – периферия», – лежат следующие признаки:

- 1) «максимальная концентрация специфических признаков (центр) и разряженность их на периферии;
- 2) сосредоточение связей, участие в максимальном числе оппозиций (центр) – рассредоточение сетки связей, их ослабление (периферия);
- 3) максимальная функциональная нагрузка в центре, уменьшение такой нагрузки на периферии;

4) наибольшая специализированность данного языкового средства или системы средств (центр) – меньшая, побочная роль в реализации общей семантической функции периферией;

5) регулярность, высокая частота функционирования данного языкового элемента (центр) – нерегулярность или меньшая регулярность (периферия)» [Бондарко, 1971, с. 147].

Таким образом, ЛСП представляет собой определенную группу слов (словосочетаний), объединенную одним родовым значением (ядро поля). ЛСП содержит в себе единицы, по своим значениям находящиеся на разном «расстоянии» от ядра поля (ближняя и дальняя периферия).

По мнению Л.А. Новикова, «антонимия выступает в качестве важного семантического измерения, а сами антонимы – в качестве существенных конструктивных элементов семантических полей, в которых находят выражение качественные, координационные, векторные, комплементарные и некоторые другие отношения единиц лексико-семантического уровня языка. Сама антонимия может быть достаточно полно представлена, строго говоря, лишь в семантическом поле, только при учете всех ее прямых и опосредованных связей в системе языка» [Новиков, 1973-1, с. 146].

Отдельные ценные наблюдения над антонимическими семантическими полями содержатся в работах Ю.Н. Караулова. «В общенациональном языке, – как отмечает Ю.Н. Караулов, – слова «голова» и «нога» не являются антонимами. В семантическом поле они ими становятся... В поле, построенном для «голова» (в значении «часть тела»), антонимом к этому слову будут «ноги». Противопоставленность обусловлена общелексической антонимией компонентов: голова – «то, что находится вверху», а нога – «то, что находится внизу» [Караулов, 1976, с. 60].

Итогом анализа противоположных по смыслу лексических единиц и становится **антонимическое семантическое поле**.

Антонимическим текстовым семантическим полем (АТСП) называется иерархическая организация слов, объединенных

общим родовым значением и представляющих в художественном произведении определенную семантическую сферу.

Методика описания антонимов, функционирующих в поэтическом тексте, с опорой на понятие семантического поля, оказалась удачно апробированной на материале произведений К. Бальмонта [Моисеева, 2009]. Удалось обнаружить, что антонимические оппозиции в поэзии К. Бальмонта образуют определенные семантические микрополя, которые представляют собою составные части лексико-семантического поля «стихии природы». Показательно, что среди выделенных автором противопоставлений довольно большой процент составили индивидуально-авторские антонимы. Об их индивидуальности позволяет говорить, во-первых, синтаксическая конструкция. Как правило, один либо оба члена выражены являются сложным словосочетанием (*море – пышный цвет долин, безгласность озер – покатоности гор*). Во-вторых, авторское словообразование (*переплеск многопенный – самоцветные камни земли*). В-третьих, метафоризация антонимов (*озеро – бездна безмятежно-голубая, душа восходящей стихии – твердь*). В-четвертых, особое функционирование в тексте [Моисеева, 2009, с. 213].

Точкой отсчета для нашего исследования послужила работа Е.И. Дибровой и Н.Ю. Донченко «Поэтические структуры антонимии» [Диброва, 2000, с. 136–137], в которой впервые система антонимов была описана не только с опорой на понятие парадигмы, но также на понятия антонимического блока и антонимического поля. Поэтому базовым для нас явились многие понятия, используемые в этом исследовании.

Е.И. Диброва определяет **СП** как «иерархическое устройство лексических единиц, объединенных общим (инвариантным) значением и представляющих в языке определенную семантическую структуру» [Диброва, 2000, с. 134–135].

Ономасиологическим свойством семантического поля является то, что в его основе находится родовая сема, или гиперсема, обозначающая класс объектов. Семасиологическая характеристика

поля заключается в том, что члены поля соотносятся друг с другом по интегрально-дифференциальным признакам в своих значениях. Это позволяет их объединять и различать в пределах одного поля.

Структура антонимического семантического поля, далее АСП, выглядит следующим образом: ядро поля, центр АСП, приграничная зона центра АСП, периферия АСП, фрагмент АСП. Рассмотрим каждый элемент структуры более детально, вслед за Е.И. Дибровой [Диброва, 2000, с. 137-138].

1. **Ядро поля**, обозначенное как гипероним – имя с родовым понятием, означающее родовую сему поля (гиперсему). Гиперсема АСП – семантический компонент высшей иерархии поля. Она организует вокруг себя смысловое развёртывание поля.

2. **Центр АСП**, который состоит из единиц, обладающих интегральным значением с ядром; между собой они вступают в интегрально-дифференциальные отношения прежде всего антонимического типа и затем антонимо-синонимического типа. Лексические единицы центра являются гипонимами – словами с видовыми понятиями по отношению к центру; они более сложны по своей семантической структуре. В составе центра могут выделяться несколько семантических пластов, которые различаются дифференциально как между собой, так и по отношению к семантике ядра АСП.

3. **Приграничная зона центра АСП** является промежуточным пластом между собственно центром и периферией. Приграничная зона центра АСП – элемент поля, обладающий гипонимическим содержанием по отношению к центру и гиперонимическим по отношению к периферии. В составе этой зоны находятся лексические единицы также с конкретно-собирательным значением, которые затем детализируются на периферии поля. Это своего рода буферный пласт между абстрактными и абстрактно-собирательными единицами центра и конкретными именами, называющими единичные материальные реалии (предметы, лица и т.д.) действительности.

4. Периферия АСП включает лексические единицы, наиболее близкие по своему значению к гиперониму ядра. Общее гиперонимическое значение здесь выступает в качестве основной текстовой семантики. Специфика АСП как раз и заключается в том, что пласты лексики, «обволакивающие» ядерно-центровую организацию, составляют индивидуально-авторские антонимические организации. Такие структуры, согласно замыслу и намерению автора произведения, органически включаются в общую гиперонимическую организацию антонимов в языке художественного произведения. Именно периферийные структуры АСП вступают в контакты с другими, образуя: а) лексико-семантическую непрерывность авторской системы антонимии; б) ассоциативные связи не только рядоположных, но и не рядоположных парадигм, принадлежащих к разным участкам текстов антонимов.

5. Фрагмент АСП¹¹, который представляет собой вертикальный иерархический по семантике сектор поля и состоит из ядерной, центральной и периферийной структур. Фрагмент АСП образует относительно самостоятельную гиперонимическую структуру, включающую в свой состав антонимические парадигмы одночленичного и / или разночленичного состава. Разные пласты фрагмента поля могут обладать антонимическими отношениями.

Лексико-семантические, словообразовательные и функциональные связи пар слов с противоположными значениями лежат в основе семантического поля. Слова, входящие в СП, оказываются связанными различного рода отношениями. Это отношения синонимии, антонимии, всякого рода уточнений, дифференциации и обобщения близких или сопредельных значений.

Параметрические дифференциальные признаки для данного типа полей несколько позже выделила: Е.И. Диброва

¹¹ Впервые понятие фрагмента поля как вертикальной иерархической структуры было предложено Е.И. Дибровой [Диброва, 2006, с. 255].

в исследовании «Семантическое поле» [Диброва, 2008, с. 237–243]. Перечислим эти признаки вслед за исследовательницей:

1) речевой источник местонахождения АТСП (антонимические текстовые семантические поля в терминология Е.И. Дибровой) – то или иное художественное произведение, в нашем случае – это поэтическая проза Марины Цветаевой (в частности – это воспоминания о современниках, дневниковая проза, письма, автобиографическая проза, статьи, эссе, переводы, записные книжки, сводные тетради), которые и образуют единое ассоциативное семантическое пространство;

2) АТСП представляет собой организацию неоднозначных соотношений (гиперо-гипонимия + антонимия + синонимия и пр.);

3) АТСП – это объединение языковых и авторских лексических единиц (слов, словосочетаний);

4) АТСП может быть представлено различными частеречными лексическими единицами (существительными и глаголами, существительными и прилагательными и др.);

5) членами АТСП могут быть как собственно антонимические соотношения, так и соотношения оксиморонного типа.

6.2. Параметры антонимического текстового семантического поля

АТСП может быть классифицировано по трем параметрам, в зависимости от своего частеречного состава:

1) **лексико-семантическое АТП**, включающее в свой состав одну и ту же часть речи (имена существительные, глаголы и другие);

2) **лексико-грамматическое АТСП**, имеющее различный частеречный состав (имя существительное и глагол, имя прилагательное и глагол);

3) **лексико-словообразовательное АТСП**, которое состоит из дериватов, то есть мотивирующего (производящего слова) и мотивированных (производных слов), имеющих новые словообразовательные и лексические значения.

К первому типу Е.И. Диброва относит ЛСАП «Возраст человека», представленное в дневниковой прозе М. Пришвина и структурированное преимущественно из существительных.

Антонимические поля, включающие в свой состав как однокорневые слова, образующие словообразовательные гнезда и цепочки, так и разнокорневые слова разных частей речи, называют **синкретичными антонимическими полями (САП)**. В прозе М. Пришвина таких полей выделяется два – САП «Физиологическое существование человека» и САП «Психическое состояние человека». Подобного рода поля Л. Вайсбергер называет «развернутым семантическим полем». По мнению исследователя Н.Г. Долгих, слова в таком типе поля объединяются не только семантической общностью, но и словообразовательными связями [Долгих, 1973, с. 90].

Диссертационное исследование Н.В. Черных «Семантическая емкость слова в рамках теории семантического поля: На материале поэзии М.И. Цветаевой» показало, что основными семантическими полями в поэзии М. Цветаевой являются: поле творчества, поле смерти / жизни, поле зрения, поле любви и некоторые другие [Черных, 2003].

Анализ прозаических текстов Марины Цветаевой позволяет выделить антонимические текстовые семантические поля двух типов: к первому типу относятся АТСП, где в центральную зону поля входят языковые антонимы, ко второму типу можно отнести АТСП, где не только периферия, но и зона центра образованы индивидуально-авторскими антонимами.

К первому типу можно отнести следующие антонимические семантические поля: 1) центр поля – *жизнь / смерть*, ядро – *существование человека*; 2) центр поля – *там / здесь*, ядро – *местонахождение*; 3) центр поля – *старость / молодость*, ядро – *возраст*; 4) центр поля – *любовь / ненависть*, ядро – *чувство*; 5) центр поля – *добро / зло*, ядро – *основы нравственности*; 6) центр поля – *вечное / временное*, ядро – *время относительно продолжительности*;

7) центр поля – *богатый / бедный*, ядро – *денежное имущество*;
8) центр поля – *свой / чужой*, ядро – *принадлежность*; 9) центр поля – *белый / черный*, ядро – *цвет* и другие.

К АТСП, где зона центра и зона периферии образованы индивидуально-авторскими антонимами, относятся следующие структуры: 1) центр поля – *Бог / человек*, ядро – *существо*, 2) центр поля – *я / они*, ядро – *межличностные отношения*, 3) центр поля – *стихи / проза*, ядро – *основные виды художественной литературы*; 4) центр поля – *старый мир / новый мир*, ядро – *эпоха* и другие.

В данном исследовании мы рассмотрим лишь наиболее явные, отчётливо проявляющие себя при анализе антонимические семантические поля. Все они синкретичны: «Физиологическое существование человека», «Время», «Пол человека».

Антонимические семантические поля обладают как языковой, так и речевой природой. Компоненты поля – антонимические парадигмы и антонимические блоки-композицы – при его описании стягиваются в одну объёмную целостную понятийную сферу. Основу организации каждого САП составляют его ядро и центр, которые, как правило, заполнены языковыми антонимами, в то время как периферия поля включает индивидуально-авторские антонимы, вступающие в закономерные семантические связи антонимического, гиперо-гипонимического и синонимического характера. При этом в прозе М. Цветаевой можно наблюдать пересечение АСП. Возникающее пересечение АСП показывает взаимосвязи в системе семантических отношений в текстах.

Возникает вопрос: может ли искусственно смоделированная структура адекватно отразить специфику и закономерности функционирования антонимов, формирующих контрастную языковую картину мира М. Цветаевой? Ведь модель представляет в обобщённом, абстрагированном виде закономерные связи и отношения, существующие внутри моделируемой системы. Однако полевая модель, выстроенная с учётом разных отношений (языковых и речевых), отражённых в антонимических контекстах М. Цветаевой,

модель, позволяющая заполнить разные сектора этой сложно организованной системы знаков, способна раскрыть антитетичные отношения с достаточной полнотой и достоверностью. Иными словами, как отмечает Е.И. Диброва, благодаря сконструированной полевой модели «исследователю открывается мир авторской антонимии, выявляются смысловые ядра в лексике противоположности и границы противостояний в составе той или иной темы поля, края которого нередко размыты и могут соприкасаться с другими полями» [Диброва, 2000, с. 135].

Анализ компонентных зависимостей, отражённых в полях, позволяет вскрыть общую картину антитетичных отношений на всем пространстве текста. А семантическое пространство антонимического поля помогает в наглядной форме представить поэтику противоположности, ибо в поле объединены и члены парадигмы, и члены блоков в их языковом и речевом употреблении. Совокупность антонимических полей раскрывает содержательное пространство прозаических текстов М. Цветаевой. Рассмотрим конкретные САП более подробно.

6.3. Синкретичное антонимическое поле «Физиологическое существование человека»

Структура и семантика синкретичного антонимического поля характеризуется следующими параметрами:

1) приграничная зона и периферийный состав включают дериваты – производные слова с новыми словообразовательными и лексическими значениями;

2) дериваты объединяются в словообразовательное гнездо, объединяющее однокоренные слова, находящиеся между собой в отношениях словообразовательной производности. Словообразовательное гнездо состоит из словообразовательных цепочек, создающих упорядоченный характер производности. Словообразо-

вательная цепочка – это ряд слов, мотивирующих друг друга в гнезде, которое имеется в словообразовательном текстовом поле;

3) в состав описываемого поля включены антонимические группы.

Своеобразие антонимических отношений в цветаевской прозе отражает индивидуальные черты языковой модели мира художника слова. М.И. Цветаева пытается понять сущность человека и его предназначения на земле, стремится постичь смысл жизни и смерти, поэтому ее проза изобилует лексическими единицами, которые мы объединили в АСП «Физиологическое существование человека». Интересно, что подобное семантическое поле, только под другим названием (поле *смерти / жизни*), выделяется исследователями и в поэтических текстах М. Цветаевой (см. указ. выше работу [Черных, 2003]). Такое текстовое поле, представленное в прозе М. Цветаевой, является синкретичным по своей структуре, поскольку в его состав входят как однокорневые слова, образующие словообразовательные гнезда и цепочки, так и разнокорневые слова. Разнокорневые слова образуют лексико-грамматическое семантическое поле. На рисунке 1 «САП «Физиологическое существование человека» к ним относятся *Был, Есть, Гробовое молчание, Пропасть, Не погибнуть, Восстать, Живой, Труп, Убийство* и другие. Синкретизм семантического поля возникает на основе объединения словообразовательного и грамматического антонимического поля.

Ядро поля – гиперсема «существование», которая названа гиперонимом *Существование* в значении «наличие, факт бытия кого-либо» [Ефремова, 2006-3, с. 376], «жизнь, бытие» [БТСРЯ, 2000, с. 1294]. В качестве гиперонима поля выбрано именно слово *Существование*, которое наиболее адекватно отражает по смыслу гиперсему этого поля. Данное понятие выделяется в словаре «Система лексических минимумов современного русского языка» в подгруппе «Общие категории» и представлено наряду с термином *бытие* [СЛМСРЯ, 2003, с. 711]. Использование обозначенного

учебного идеографического словаря обусловлено тем, что он, как и другие словари идеографического типа, «отражает лексический состав языка в виде систематизированных групп слов, объединенных общим понятием» [Балашова, 2004, с. 156]. Подчеркнём, что в состав этого идеографического словаря входит 10 лексических списков от 500 до 5000 самых важных русских слов.

Ядро указанного синкретичного антонимического поля, в свою очередь, включает в себя такие компоненты, как *Бытие*, в значении «жизнь, существование» [СРЯ, 1999-1, с. 130] и *Небытие* в значении «отсутствие существования, жизни» [СРЯ, 1999-2, с. 424].

Существование предполагает два состояния: **жизнь** как «физиологическое состояние человека, животного, растения от зарождения до смерти» [СРЯ, 1999-1, с. 484] и **смерть** как «прекращение существования человека, животного» [СРЯ, 1999-4, с. 152].

Во имя свое – любовь через **жизнь**, «*во имя твое*» – через **смерть** (Цветаева. Незданное. Записная книжка 3).

*Гляжу на руку и знаю – не поднять. Сколько **жизнь** весит – мы знаем, но это не **жизнь**, а **смерть**. Рука не свинцом налита, а **смертью**. Чистый вес смерти. Всей **смерти** в каждом пальце. Нужно поднять всю **смерть**. Потому и не поднять* (Цветаева. Твоя смерть).

*Вместо деревни – Двор, вместо **жизни** – **смерть*** (Цветаева. Наталья Гончарова).

*Есть, очевидно, вещи важнее, чем **жизнь**, и страшнее, чем **смерть**. (Чужая тайна и честь любимой)* (Цветаева. Наталья Гончарова).

*Моя **смерть** – плата за вашу **жизнь**. Чтобы оживить Аидовы тени, нужно было напоить их живою кровью. Но я дальше пошла Одиссея, я пою вас – своей* (Цветаева. Повесть о Сонечке).

Слово *смерть* многозначно и поэтому оно входит в несколько антонимических парадигм, что нашло отражение в анализируемом поле: *смерть – жизнь, смерть – бессмертие*.

*Думаю о **смерти** с усладой, ибо:*

У живущ<их?>–жизнью веселой

Далеко не веселая жизнь! (Цветаева. Сводные тетради. Тетрадь 2).

Держите меня крепче, не уступайте, не возвращайте меня – жизни. Столкните лучше в смерть. Дело не в том чтобы писать стихи (Цветаева. Сводные тетради. Тетрадь 2).

Языковые антонимы *смерть – жизнь*, входят в состав фразеологизма, к которому часто обращается М. Цветаева: *не на жизнь, а на смерть*. Она использует его в разных значениях. Ср.: *не на жизнь, а на смерть* – «Экспрес. 1. Не щадя своей жизни (воевать, сражаться). 2. Решительная, беспощадная (борьба, битва). 3. Жестоко, яростно (враждовать, бранить, ругать, ругаться)» [Федоров, 2008, с. 229].

Например, в первом значении эта ФЕ использована в контексте: *Нет, поправлять не надо, никакого охвата, а именно схватка, не на жизнь, а на смерть, кто кого* (Цветаева. Наталья Гончарова).

Во втором значении – в контексте: *Это не решение земельного вопроса, но: руку на сердце положи – оставим землю тем, кто без нее – прах, таким (помещикам) она нужна, и они за нее будут биться не на жизнь, а на смерть: «Что я без Катина? без Вязовки? без Дедова? – Ничто»* (Цветаева. Кедр).

Притягательность для человеческого осмысления таких феноменов, как *жизнь* и *смерть* очень хорошо, на наш взгляд, выразил один из героев романа Г. Газданова «Призрак Александра Вольфа»: «Я беру жизнь и смерть условно, как два противоположных начала, охватывающих, в сущности, почти все, что мы видим, чувствуем и постигаем. Вы знаете, что закон такого противопоставления есть нечто вроде категори-ческого императива: вне обобщения и противопоставления мы почти не умеем мыслить» [Газданов, 2009, с. 116].

Для Марины Цветаевой понятие *жить* означает бесконечную и трудную работу: *Жить – это кроить и неустанно кривить и неустанно гнуться и уступать – и ни одна вещь не стоит (да и не*

*стОит! простите эту грустную, серьезную игру слов) всё на мягких ногах, как тот идол, а когда хочешь выправить (не жить – быть!) – весь хребет трещит, разрыв (не с человеком, – только души!) (Цветаева. Сводные тетради. Тетрадь 1). Интересно, что в приведённом примере противопоставлены в акротеze *жить* и *быть*: «не *жить* – *быть!*» При этом *быть* понимается, очевидно, как «существовать всегда», «существовать в абсолютном смысле этого слова», а *жить* как «быть живым». Выбор осуществляется М. Цветаевой в пользу «быть», то есть в пользу бессмертия. Данная антонимическая пара входит в позитивный сектор САП «Физиологическое существование человека».*

Рассмотрим следующий пример, в котором индивидуально-авторская антонимия представлена синонимичными сочетаниями *недавно был* и *не успел не-быть*, в котором правый и левый член являются окказиональными грамматическими (прошедшее время – инфинитив; утверждение – отрицание) антонимами.

В данном случае антонимы, образующие антонимическую пару, относятся к разным приграничным зонам центра.

Господи, будь он мой (то есть: имей я право!), как бы я стояла, и глядела, и целовала, как – когда все уйдут – говорила бы с ним – ему! – совсем простые вещи – может быть, о погоде – ведь он так недавно был! он еще не успел не-быть! как я бы ему в последний раз рассказала землю (Цветаева. Смерть Стаховича).

Контрадикторные антонимы *жизнь* и *смерть* являются разнокорневыми по своей структуре и составляют центр антонимического поля, расчлняя его на два взаимоисключающих сектора. Стоит отметить, что слово *смерть* входит в несколько антонимических оппозиций. Л.А. Новиков в монографии «Антонимия в русском языке» объясняет это тем, что языковая норма, узус могут оказывать прагматическое по своему характеру влияние на установление антонимических отношений между словами. Логичным антонимом к слову *смерть* является существительное *рождение*, но в числе более частотных оказывается противопоставление *жизнь* – *смерть*. Это

противопоставление известно и в другом прагматическом варианте: *смерть – бессмертие* [Новиков, 1973-1, с. 119].

В прозе М. Цветаевой находим все обозначенные типы антонимических отношений: *жизнь – смерть, смерть – рождение, смерть – бессмертие* (у М. Цветаевой в варианте – «*бессмертье*») и даже, судя по контексту, *жизнь* (как временное существование) – *бессмертие* (как абсолютное существование).

*Поэты этого расставания не знают, знают одно: из тетради в печать, – «и другие узнают». Расставание поэта – расставание **рождения**, расставание Гончаровой – расставание **смерти**: «все увидят, кроме меня»* (Цветаева. Наталья Гончарова).

Антонимия представлена следующими языковыми единицами, выраженными именем существительным: *рождение* в значении «момент появления на свет» и *смерть* в значении «прекращение существования человека, животного» [Колесников, 1972, с. 254].

*Как – через все простр<анства> **смерти и бессмертья** – не забыть этой **жизни**, раз мы 10 л<ет>спустя не помним, стояли на молу такой-то, когда отплывал пароход* (Цветаева. Незданное. Записная книжка 14).

*Болезнь, это судьба: нужно же, чтобы человек от чего-нибудь **умер**, а то **жил бы вечно*** (Цветаева. Повесть о Сонечке).

*...Ведь Пушкина **убили**, потому что своей **смертью** он никогда бы **не умер**, **жил бы вечно**, со мной бы в 1931 году по лесу гулял* (Цветаева. Из записных книжек и тетрадей).

В данном случае антонимия представлена противопоставлением, выраженным глаголом *умер* и словосочетанием *жил вечно*. Ср.: *бессмертие* – «Вечное существование, не прекращающееся бытие. В мифологии и религии: бессмертием наделены сверхъестественные существа – духи, боги, ангелы и т.п.; бессмертие человека трактуется как вечная жизнь его духовной сущности (души) в загробном мире» [БТСРЯ, 2000, с. 75].

М. Цветаевой свойственно противопоставление *живого, смертного* (того, что она относит к человеку) и *бессмертного* (того,

что соотносит с богами), последнее образовано посредством присоединения приставки «бес-»:

Встреча богов и смертных для того, чтобы боги забыли о своем бессмертии, смертные – о своей смертности. Вахх: – То, что я требую от тебя – божественно.

– То, что ты требуешь от меня – чудовищно.

– Оно и есть: божественно. Остальное – человеческое (Цветаева. Сводные тетради. Тетрадь 2).

Дальше – вся «Высокая болезнь» – высокая и бессмертная болезнь поэзии среди общей смертельной болезни, – голодного тифа – с печальным образом самого поэта <...> (Цветаева. Поэты с историей и поэты без истории).

*И последний отблеск, отзвук Сонечки в моих писаниях – когда мы уже давно, давно расстались – в припеве к моему «Молодцу»: «А Маруся лучше всех! (краше всех, жарче всех...)» – и самой Марусе, которая, цветком **восстав**, пережила самое **смерть**, но и бессмертье свое отдаст, чтобы вместе **пропасть** – с любимым (Цветаева. Повесть о Сонечке).*

Индивидуально-авторские антонимы *боги – смертные, бессмертие – смертность, бессмертная болезнь – смертельная болезнь, восстав – пропасть* заполняют ближнюю и дальнюю периферии рассматриваемого поля.

Позитивный центр поля составляют члены поля: *Жизнь* и *Бессмертие*, – в то время как негативный сектор поля представлен одним членом – *Смерть*.

Приграничные зоны центра включают дериваты центральных членов. В позитивном секторе разграничиваются два фрагмента поля в зависимости от мотивирующих членов центра *Жизнь* и *Бессмертие*. Во фрагменте с гипер-2 *Жизнь* – это гипер-3: *Жить, Живой, Живущие*. Второй член позитива *Бессмертие* представлен словосочетанием *Бессмертная болезнь, Быть*.

Периферию позитива поля составляют в первом фрагменте гипер-4: *Рождение, Рожденный*, гипер-5: *Крик о жизни, Есть*,

Не погибнуть. Во втором фрагменте – гипер-4: *Восстать, Жить вечно*, а также гипер-5: *Боги*.

Если центр поля и приграничная зона являются лексико-словообразовательным антонимическим полем, то периферия образует индивидуально-авторский сектор семантического антонимического поля.

Негативный сектор поля представлен аналогичными контрадикторными антонимами. Приграничную зону центра образуют: *Мертвый, Умирать, Умереть, Смертность, Смертные, Смертельная болезнь, Неживой*. Периферию данного сектора образуют в первом фрагменте гипер-4: *Труп, Убить, Убийство*, а гипер-5 представлен как: *Был, Гробовое молчание, Пропасть, Безболезненная кончина живота, Нет*. Во втором фрагменте приграничную зону образуют индивидуально-авторские образования: *Небыть, До-бытие* (в значении «Инобытие. *Филос.* Иная, другая форма бытия, существования чего-л.» [БТСРЯ, 2000, с. 393]). Аналогично позитивному сектору периферия негативного сектора представлена индивидуально-авторскими антонимами, включающим разнокорневые с центром поля слова.

Синкретичное антонимическое текстовое поле представляет собой развертывание гиперо-гипонимической парадигмы. Например, фрагмент позитива: *Существование* (гипер-1): *Жизнь* (гипоним-1, гипер-2): *Жить, Живой, Живущие* (разночлестеречные, однокоренные гипонимы-2, гипер-3): *Рождение, Рожденный* (разночлестеречные, однокоренные гипонимы-3, гипер-4): *Есть, Не погибнуть* (разночлестеречные, разнокорневые гипонимы-4), *Крик о жизни* (гипоним-4). Аналогично представлены и три других сектора поля.

Центр антонимического поля и его приграничная зона заполнены единицами, находящимися в деривативных отношениях друг к другу. Так, центральный фрагмент поля с позитивным членом *Жизнь* составляет словообразовательную цепочку с однокоренным словом *неживой*, входящим в негативную центральную зону поля –

Смерти нет, своей смерти нет.

Что такое **смерть**? Почувствовать себя **мертвым**. Но раз мы чувствуем, значит мы не **мертвы**, раз мы **мертвы**, мы не чувствуем.

«Боюсь **смерти**», – неверно. – «Боюсь боли, судорог, пены у рта», – да. Но боль, судороги, пена у рта – это всё-таки **жизнь**.

Две возможности: или я, вздохнув в последний раз, становлюсь вещью (не чувствую), или последнего вдоха – нет. (**Бессмертие**.)

Я же никогда не узнаю, что я **умерла!** И в ответ – дьявольская мысль:

– «А вдруг – может быть всё дело в том? – узнаешь?!» (Цветаева. Незданное. Записная книжка б).

В приведённом контексте речь идёт о **жизни** и **смерти**, а также о **смерти** и **бессмертии**. В выражение смысла **смерть** втягиваются слова разных частей речи: существительное **смерть**, полное и краткое прилагательные **мёртвый** и **мертвы**, а также глагол **умерла**. Глагол образован от прилагательного. Существительное этимологически образовано от глагола: **смерть** – «Общеслав. Образовано с помощью приставки **съ-** в значении «хороший» (см. свобода, счастье и пр.) от **мърть** «смерть», в чешск. яз. еще известного (ср. чешск. mrt), производного посредством суф. **-ть** от ***тъгъ, mertĭ** (> **мру, мереть**)» [ЭСРЯ, Шанский].

Не менее частотна у Цветаевой оппозиция языковых антонимов **жить** (в значении «существовать, находиться в процессе жизни, быть живым») – **умирать** (в значении «переставать жить») [Введенская, 2008, с. 149].

Нет уменья жить без уменья умирать (Цветаева. Смерть Стаховича).

Уменье умирать обратно уменью жить (Цветаева. Смерть Стаховича).

*Любовь живет исключениями, обособлениями, отстранениями. Она **живет** в словах и **умирает** в поступках* (Цветаева. Письма. Р.-М. Рильке, 22.08.1926).

*Удивительно не то, что он **умер**, а то, что он **жил*** (Цветаева. Сводные тетради. Тетрадь 1).

Языковые антонимы-прилагательные *живой* (в значении «живущий, обладающий жизнью») – *мертвый* (в значении «умерший, лишенный жизни») [Введенская, 2008, с. 145] также нередко используются в цветаевской прозе:

*И еще одно: кем бы ни был мне **мертвый**, верней: как мало бы я ему, **живому**, ни была, я знаю, что в данный час (с часа, кончающего часами) я ему ближе всех* (Цветаева. Смерть Стаховича).

Одночастеречная антонимия *неживой – живой* представлена в следующем контексте:

*Кто-то стоит над твоей душой, и тебя торопит, и тебя удерживает, не дает тебе нидохнуть, ни глотнуть, и так же будет тебя торопить и удерживать, когда ты уйдешь, – один в пустой зале, над пустым табуретом, над закрытой рояльной крышкой, – потому что его забыли закрыть – и доколе не выйдет завод. **Неживой – живого, тот, которого нет, – того, который есть*** (Цветаева. Мать и музыка).

В следующем контексте противопоставлены неточные антонимы (квазиантонимы) – существительное *труп* (синоним к слову *мертвый*) и субстантиват *живой*.

*Когда в ответ на мое данное, где форма, путем черновиков, преодолена, устранена, я слышу: десять а, восемнадцать о, ассонансы (профессиональных терминов не знаю), я думаю о том, что все мои черновые – даром, то есть опять всплыли, то есть созданное опять разрушено. Вскрытие, но вскрытие не **трупа**, а **живого**. **Убийство*** (Цветаева. Поэт о критике).

*Нет этой стены: **живой – мертвый, был – есть*** (Цветаева. Смерть Стаховича).

Наряду с привычной оппозицией лексических антонимов используется пара индивидуально-авторских грамматических антонимов: *был – есть*, поддерживающая основной смысл в парадигме *жизнь – смерть*. Не случайно Н.Б. Боева-Омелечко полагает, что оппозиции лексических и грамматических антонимов образуют единый антонимический корпус текста [Боева-Омелечко, 2012, с. 101].

Индивидуально-авторская антонимия характерна для прозы Марины Цветаевой, она используется и при описании жизни и смерти.

Бесшумное движение револьвера к виску – последний крик о жизни. Щелканье курка – уже гробовое молчание (Цветаева. Незданное. Записная книжка 3).

Антонимия представлена посредством двух словосочетаний *крик о жизни – гробовое молчание*. При этом фразеологическое сочетание *гробовое молчание* употреблено в дефразеоло-гизированном, прямом смысле, а антонимическую оппозицию последовательно составляют каждая из единиц указанных словосочетаний: 1) индивидуально-авторские антонимы *жизнь – гробовое (сема смерть) молчание* (где слову противопоставлена ФЕ) 2) языковые *крик – молчание*. Данное противопоставление усиливается прилагательным *последний* и наречием времени *уже*.

Умирала она тяжелее брата еще и потому, что хотела жить. Не о непотыдной безболезненной кончине живота молила, а о жизни – какой бы то ни было – только жить! (Цветаева. Дом у старого Пимена).

В данном случае противопоставлены существительное *жизнь* и старославянское словосочетание *кончина живота* в значении «конец жизни», «смерть», которое почти дословно скопировано из «Просительной ектении»: «Христианския кончины живота нашего, безболезнены, непотыдны, мирны и добраго ответа на Страшнем Судищи Христове просим».

Если в предыдущих примерах нами была рассмотрена индивидуально-авторская антонимия, представленная словами, закреп-

ленными в толковых словарях, то в следующих примерах в отношении антонимии вступают уже слова окказиональные, значение которых можно понять только из контекста.

То, что я сейчас делала – разводила водюю живую воду поэзии, разлагала целое на никогда не дающие его вторично части, здание – на материал, формулу на домыслы, четверостишие чистовика на весь черновой хаос, живого, наконец, рожденного ребенка загоняла обратно в лоно, и еще дальше – в до-бытие. Короче говоря, уничтожала работу поэта (Цветаева. Поэт-альпинист).

В данном случае для выражения антонимических отношений используется окказиональное существительное до-бытие, являющееся антонимом-неологизмом. Оно создано Цветаевой специально и выделено графически. Понятия *живой* и *рожденный* входят в позитивный сектор рассматриваемого синкретичного антонимического поля «Физиологическое существование человека» во фрагмент *Жизнь*, который соотносится с понятием *Бытие*. Окказионализм до-бытие образован посредством присоединения префикса «до-» в значении «укаание на действие, которому предшествует другое действие» [БТСРЯ, 2000, с. 263] и обозначает состояние, предшествующее *бытию*. Таким образом, основу данного противопоставления образуют *бытие* и *небытие*, но *небытие* особенное, располагающееся на временной оси человеческой жизни не *после* неё, а *до*. Ср.: *Возможность не ощутить ничего – вот единственная возможность ничего, ибо ощутить ничего (небытие) – это опять-таки ощутить: быть* (Цветаева. Наталья Гончарова).

Итак, синкретичное семантическое поле «Физиологическое существование человека» свидетельствует о сложности его смысловой структуры. Так видит и осмысляет его М. Цветаева. Включение словообразовательного и грамматического аспектов в поле позволяет ей расширить и углубить семантическую «зону» противоположности *жизнь – смерть*, отразить тончайшие смысловые нюансы этой, организованной по законам контраста

семантической минисистемы. Покажем устройство анализируемого САП на рисунке 1.

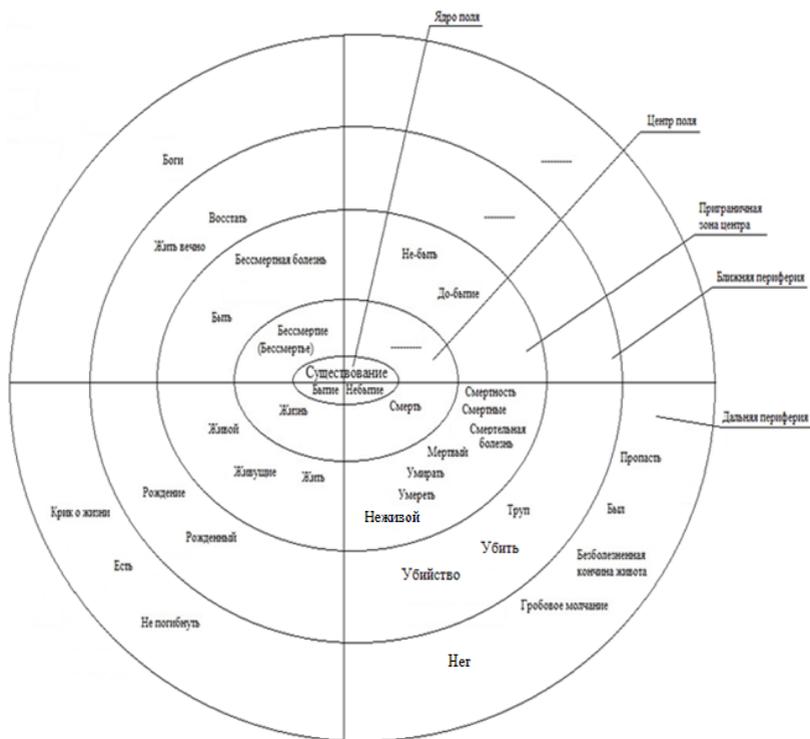

Рисунок 1 – САП «Физиологическое существование человека»

Синкретичное антонимическое поле «Физиологическое существование человека» на периферии пересекается с другим, не менее значимым для прозы М.И. Цветаевой полем, – с антонимическим семантическим полем времени. Поле времени является логическим «продолжением» только что рассмотренного поля, так как именно временные отрезки позволяют говорить о физиологическом существовании человека. Ср.: *Болезнь – это судьба – и всегда, а ваша интеллигентность вчера началась и завтра*

кончилась, уже **сегодня** – кончилась, потому что посмотрите, как мы все живем? (Цветаева. Повесть о Сонечке).

6.4. Синкретичное антонимическое поле «Время»

М. Цветаева часто пишет о времени, о своих современниках, рассуждая о творчестве. Например: *«Невежественный читатель за манеру принимает вещь, несравненно простейшую и сложнейшую – время. Ждать от поэта, одинаковых стихов в 1915 г. и в 1925 г. то же самое, что ждать – от него же в 1915 г. и в 1925 г. одинаковых черт лица. – «Почему Вы за 10 лет так изменились?» Этого, за явностью, не спросит никто. Не спросит, а удостоверит, и, удостоверив, сам добавит: «Время прошло». Точно так же и со стихами. Параллель настолько полна, что продлю ее. Время, как известно, не красит, разве что в детстве. И никто мне, тридцатилетней, которую знал двадцатилетней, не скажет: «Как вы похорошели». Тридцати лет я стала очерченной, значительней, своеобразней, – прекрасней, может быть. Красивей – нет. То же, что с чертами – со стихами»* (Цветаева. Поэт о критике).

В другой статье Цветаевой находим: *«Поэт и время»* находим: *«Теперь, расчистив совесть от всяких недомолвок, взяв труднейшую на себя задачу: **констатирования факта времени**, признав свою зависимость от времени, свою связанность с ним – и им – **признав время своим рабочим материалом, своим орудием производства, своим частичным – и как часто частным!** – работодателем, наконец – спрашиваю: Кто такое мое время, чтобы я еще ему и вольно служила? Что такое вообще время, чтобы ему служить? Мое время **завтра** пройдет, как **вчера** – его, как **послезавтра** – твое, как всегда всякое, пока не пройдет само время»* (Цветаева. Поэт и время).

И далее – тонкое замечание о времени: *«Время существует для человека, а не человек для времени»* (Цветаева. Поэт и время), в котором прослеживается ее стремление управлять временем. *«Так*

например я могла бы быть первым поэтом своего времени, знаю это, ибо у меня есть всё, все данные, но – своего времени я не люблю, не признаю его своим.

...Ибо мимо родилась

Времени. Вотще и всуе

Ратуешь! Калиф на час:

Время! Я тебя миную (Цветаева. Письмо Р.Н. Ломоносовой, 03.04.1930).

Такая установка М. Цветаевой нашла отражение в исследуемой нами прозе. Она пытается осмыслить понятие времени через контрастные отношения между прошлым и будущим. Например:

«И, странно, без малейшего спору, точно не прослышав смысла слов и повинуюсь только интонации, мой отец, как в глубоком сне, вышел и встал. Чуть склонив набок свою небольшую седую голову – как всегда, когда читал или слушал (в эту минуту читал он прошлое, а слушал будущее), явно не видя всех на него глядящих, стоял он у главного входа, один среди белых колонн под самым фронтоном музея, в зените своей жизни, на вершине своего дела. Это было видение совершенного покоя» (Цветаева. Открытие музея).

Здесь противопоставляются два языковых антонима: *прошлое* и *будущее*.

В «Словаре антонимов» М.Р. Львова антонимичными считаются как лексемы *настоящий – будущий* и их вариант *настоящий – грядущий (высок.)*, так и лексемы *прошлый – будущий* и их варианты: *прошедший – будущий, прошлый – грядущий (высок.)*, *прошедший – грядущий (высок.)*, *прошедший – предстоящий, былой – грядущий (высок.)*, *минувший – грядущий (высок.)*, а также *прошлый – настоящий* и их разновидность: *прошедший – настоящий* [Львов, 1984, с. 163, 230-231].

В следующем примере находим противопоставление *прошлого* и *настоящего*:

*Нужно научиться (мне) жить любовным **настоящим** человека, как его любовным **прошлым*** (Цветаева. Неизданное. Записная книжка 3).

В текстах Цветаевой частотно противопоставление прошлого настоящему, выраженное языковыми антонимичными наречиями **раньше** – **теперь** [Львов, 1984, с. 240].

– **Раньше**, когда у всех все было, я все-таки ухитрялась давать. **Теперь**, когда у меня ничего нет, я все-таки ухитрюсь давать.

– *Хорошо?* (Цветаева. Неизданное. Записная книжка 7).

Раньше все, что я любила, называлось – я, **теперь** – Вы. Но оно все то же (Цветаева. Неизданное. Записная книжка 3).

Мы с Сережей гов<орим> об Алином хар<актере>.

С<ережа>: – «Но она вообще очень поддается ласк<овому> обращению».

*Аля: – «Нет, не поддаюсь, я милая, хорошая девочка, у меня нет характера, – **раньше** болел, а **теперь** не болит»* (Цветаева. Неизданное. Записная книжка 2).

Раньше я бы плакала; **теперь** я стала благоразумной (Цветаева. Переводы. Анна де Ноай. Новое упование).

Следующая частотная пара языковых антонимов *прошлое* – *настоящее*, *вчера* – *нынче*. В словаре антонимов М.Р. Львова представлена пара *вчера* – *сегодня* [Львов, 1984, с. 83]. В «Словаре синонимов русского языка» З.Е. Александровой, «ныне, нынче (разг.), теперь, сегодня, настоящее» даны как синонимы [Александрова, 2001, с. 449].

*Надя, уже не встававшая, на вынос брата смотрела из высокого окна залы, в которой теперь жила. **Вчера** – на товарища брата, который нравится и опять придет, **нынче** – на брата, которого любила и который уже никогда не придет. За которым – сама пойдет. Поедет – вот тем же снегом, такими же еловыми веточками, на тех же плечах* (Цветаева. Наталья Гончарова).

Вчера было последнее купанье. А *нынче* – покупанье ведра, мисок, тарелок, чашек, полоскательниц, ложек, всего – битого и якобы битого (Цветаева. Письмо В.Б. Сосинскому. 27.09.1926).

Таким образом, ядро поля представлено языковыми антонимами и квазиантонимами.

В следующем примере антонимия представлена на разных уровнях антонимической системы:

Зевес или Гадес – этот отец своих детей держал и вел, как Олимпиец. Таких, как он, судить нельзя. Да их больше уже не будет. Были (Цветаева. Дом у Старого Пимена).

Глаголы (*не*) *будет* и *были* в экзистенциальном значении («существовать» [БТСРЯ, 2000, с. 107]) противопоставлены на лексическо-синтаксическом уровне с помощью отрицания предиката и его утверждения, к которым на уровне грамматики присоединяется противопоставление будущего прошедшему. *Были* при этом обозначает отсутствие жизни (*жили, а сейчас нет*) и попадает по семантике в зону смерти. В словаре синонимов (А.П. Евгеньева) *жить* (*быть живым*) и *существовать* указаны как синонимы [Евгеньева, 1975, с. 141].

Граница между ядром и периферией, а также между другими зонами поля нечеткая, «размытая» из-за сложных семантических отношений между элементами поля. Большинство исследователей констатирует, что неизменным параметром поля можно считать неравномерность распределения его элементов, которая проявляется в неоднородной структуре поля (наличие ядра и периферии). Рассмотрим примеры, входящие в периферию САП «Время».

1. *Да, да, господа! До 1918 года вы говорили: дворянин, хам... Я же говорила: человек. Теперь – наоборот* (Цветаева. Неизданное. Записная книжка 5).

2. *Вся тайна в том, чтобы сто лет назад видеть, как сегодня, и сегодня, как сто лет назад* (Цветаева. Отрывки из книги «Земные приметы»).

3. XVIII век. – «Сударь, сударыня». – «Эй, господин! Пожа-луйте, Мадам!» – XX век (Цветаева. Незданное. Записная книжка 3).

Индивидуально-авторскими антонимами в приведённых примерах являются противопоставления: *до 1918 года – теперь; сто лет назад – сегодня; XVIII век – XX век*. В третьем примере антонимичность XVIII и XX веков (как прошлого и настоящего времени) подчёркнута при помощи противопоставления «устаревшей» и при этом исконно русской лексики и «новой» иноязычной (*господин?*) лексики при обращении к человеку: *сударь, сударыня* (XVIII век) – *господин, мадам* (XX век). См.: СУДАРЬ. «Искон. Сокращение слова государь: государь > осударь > сударь» [ЭСРЯ, Шанский]. Существует предположение о том, что «господин» – прямое заимствование из латинского, где *hospes* (из *hospitis*) – «хозяин, предоставляющий гостеприимство». Современное значение слова «господин» – «хозяин», «владыка» [ЭСРЯ, Крылов]. *Мадам*¹² пришло из французского – *madame*, в котором обозначает «моя госпожа»), – уважительное обращение к женщине. Заимствованное из французского языка, оно встречается в русском, английском и других языках.

Противопоставление современного времени (*современность* в значении «современная эпоха, современная действительность» [БТСРЯ, 2000, с. 1227]) прошлому и будущему представлено в следующих контекстах:

Ваше имя не рифмуется с современностью, – оно – из прошлого или будущего – издалика (Цветаева. Письма. Р.-М. Рильке. 09.05.1926).

Газданову:

– Я вовсе не предполагаю, что отлично разбираюсь в современности. Современность – вещь устанавливаемая только будущим и достоверная только в прошлом (Цветаева. Сводная тетрадь 3).

¹² Ср.: *мадам* – «1) вежливое обращение к замужней женщине, равносильное нашему: *госпожа*» [Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. – Чудинов А.Н., 1910. – URL:https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/40911/МАДАМ].

Печорин – это сто лет назад, а Евгений Багратионич – сама современность, театр будущего, и так далее (Цветаева. Повесть о Сонечке).

В данном случае наблюдается индивидуально-авторская антонимия. В словаре синонимов под редакцией А.П. Евгеньевой находим: «современный (относящийся к настоящему времени, к данной эпохе) – нынешний, теперешний» [Словарь синонимов, 1975, с. 537]. Налицо асимметричное противопоставление: прошлое (сто лет назад) одновременно противопоставлено и настоящему (современности), и будущему. По сути, здесь противопоставлены *прошлое* и *непрошлое*.

Итак, в поле «Время» входят языковые и индивидуально-авторские парадигмы, имеющие различный количественный состав. Смоделированное синкретичное антонимическое поле «Время» нашло свое отражение в Рисунке 2 «САП «Время».

Ядро данного лексико-семантического поля представлено понятием «Время». Цветаева чаще всего использует это понятие в значении «2. Отрезок, промежуток в последовательной смене часов, дней, лет и т.п.» [БТСРЯ, 2000, с. 157].

Фрагменты секторов, как и в остальных полях, представлены гиперо-гипонимической парадигмой, которая состоит из контрарных антонимов: «Прошедшее время» – «Настоящее время» – «Будущее время». В словаре «Система лексических минимумов современного русского языка» данные понятия входят в группу «Время относительно настоящего момента» [СЛМСРЯ, 2003, с. 716–717]. Ср.: *Мать меньше чем кто-либо видит своего ребенка в настоящем: либо на горшке (вчера), либо на троне (завтра)* (Цветаева. Сводная тетрадь 1). *Сегодня, не имеющее вчера, не имеет завтра* (Цветаева. Письмо В.Н. Буниной. 28.08.1933).

Первый фрагмент поля *Время* (гипер-1): *Прошедшее время* (гипоним-1, гипер-2): *Вчера, Раньше, Были, Прошлое* (разночастеречные гипонимы-2, гиперы-3): *До 1918 г., Сто лет назад, XVIII век* (гипонимы-3, гиперы-4). Последний член фрагмента гиперогипо-

нимической парадигмы – авторский гипоним, он употребляется в значении «прошедший, минувший век».

Аналогично устроен следующий фрагмент поля *Время* – «Настоящее время»: *Время* (гипер-1): *Настоящее время* (гипоним-1, гипер-2): *Сегодня, Нынче, Теперь* (одночлестеречные гипонимы-2, гиперы-3): *XX век, Современность* (гипоним-3, гипер-4). *XX век* – авторский гипоним, который дается в значении «век, который длится в настоящее время».

Третий фрагмент рассматриваемого поля – «Будущее время», аналогичен двум предыдущим: *Время* (гипер-1): *Будущее время* (гипоним-1, гипер-2): *Завтра, Послезавтра* (одночлестеречные, однокоренные гипонимы-2, гиперы-3), *Не будет*: (гипоним-2, гипер-3). Последний член фрагмента – авторский гипоним, под которым подразумевается «время, в котором найдут отражение последствия настоящего».

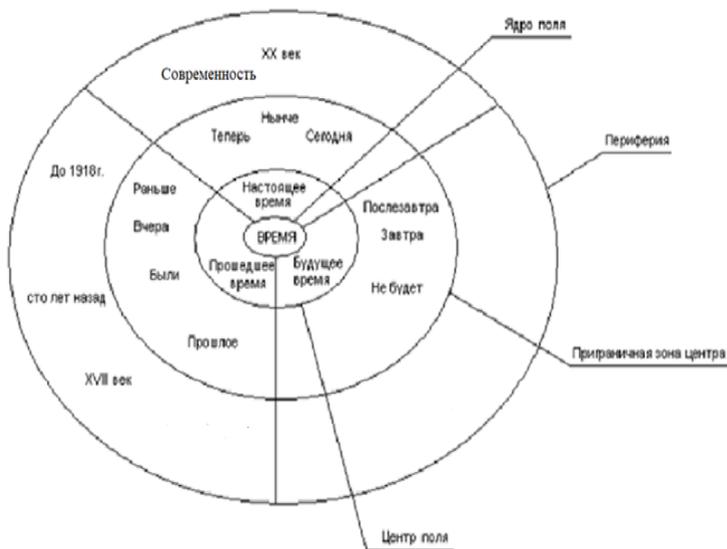

Рисунок 2 – САП «Время»

Рассматриваемое АСП – обширно, хорошо разработано и является синкретичным по своей структуре, так как включает в себя, помимо различных частей речи, входящих в приграничную зону центра и зону периферии, еще и словообразовательные цепочки.

Рассмотрение антонимических полей на материале прозы М.И. Цветаевой было бы неполным без описания третьего, выделенного нами, антонимического поля – САП «Пол человека», так как мужчина и женщина являются первоосновой жизни и существования человека.

6.5. Синкретичное антонимическое поле «Пол человека»

Принцип контраста проявляет себя и на уровне синкретичного поля «Пол человека». В работе оно представлено на рисунке 3 «САП «Пол человека». В качестве гиперонима поля выбрано слово «Пол», которое адекватно отражает гиперсему поля. В толковом словаре русского языка под редакцией С.А. Кузнецова, понятие «пол» трактуется следующим образом: «каждый из двух генетически и физиологически противопоставленных живых существ (мужчин и женщин)» [БТСРЯ, 2000, с. 898].

Данное синкретичное антонимическое поле построено на языковой оппозиции *мужчина – женщина* [Львов, 1984, с. 187].

О биогр<афии>Лозэна: Биогр<афию>Лозэна должны были бы писать женщины. Мужчинам он и в гробу не дает покоя (Цветаева. Неизданное. Записная книжка 5).

Мужчинам в Башкирцевой мешает ум, женщинам – красота (Цветаева. Неизданное. Записная книжка 3).

Кн<яжна> Марья! Великая ненависть моей жизни! – Не вижу прекрасных глаз, вижу только красный, наплаканный нос. И эта юродивая покорность отцу, и эти слезливые письма к Жюли, и это страстное желание замужества! –

Женщинам, впрочем, свойственно ее любить – за ее ничтожество, как соперницы.

Мужчины, искренно любящего княжну Марью – нет (Цветаева. Незданное. Записная книжка 3).

Согласно словарю М. Фасмера [Фасмер, 1986], «пол» – это «половина», поэтому в русском языке существует два противоположных пола: мужской и женский. Что и закрепляет в своих записных книжках М. Цветаева: «Тела и сердца у мужчин и женщин – поровну. Потом: бездна, – у мужчин – дух, у женщин – душа» (Цветаева. Незданное. Записная книжка 3).

В рассматриваемом антонимическом поле можно обнаружить как языковые антонимы, так и индивидуально-авторские. Ср.:

*Из моих стихов к Пушкину – самых понятных, то, с чего все и повелось: «Бич жандармов, бог студентов – Желчь **мужей**, услада **жен**» – не поняла ничего и не отозвалась ничем, ни звуком (даже: гмм...)* (Цветаева. Сводные тетради. Тетрадь 3).

*Ему моя пьеса (пропавшая) «Каменный ангел»: каменный ангел на деревенской площади, из-за которого **невесты** бросают **женихов**, **жены** – **мужей**, вся любовь – всю любовь, из-за которого все топились, травились, постригались, а он – стоял...* (Цветаева. Повесть о Сонечке).

В данном случае представлены языковые антонимы *жена*, в значении «замужняя женщина по отношению к своему мужу» – *муж*, в значении «женатый мужчина по отношению к своей жене» [Колесников, 1972, с. 125] и *жених*, в значении «мужчина, намеревающийся жениться» – *невеста*, в значении «девушка, женщина намеревающаяся выйти замуж» [Колесников, 1972, с. 125].

*Насколько царственнее в своем жесте **мужик**, именующий себя **государем**, чем **государыня**, выдающая себя за **приживалку*** (Цветаева. Пушкин и Пугачев).

*Крестьян? – Готова с каждой **бабой** уйти в ее деревню – жить: с ней, с ее ребятами, с ее коровами (лучше без **мужа**, **мужиков** боюсь!) – а главное: слушать, слушать, слушать* (Цветаева. Незданное. Записная книжка 6).

Существительные, обозначающие лицо, *государь* – *государыня* противопоставлены по роду, как имеющие семы «мужчина» и «женщина», *мужик* – *приживалка*; *баба* – *муж* – индивидуально-авторские антонимы, а *Баба* – *мужик* – языковые антонимы, ср.: БАБА (прост.) – МУЖИК (прост.) [Львов, 1984, с. 112].

Значительный отрывок из записных книжек от 18-го декабря 1917 г. посвящён взаимоотношениям между полами и представлен в виде диалога с Павлом Антокольским. Антитеза между мужчиной и женщиной, Богом и Дьяволом является здесь основной, организует всё контекстуальное пространство, позволяя осмыслить контрастные отношения между полами в виде антонимического поля:

Антокольский: – «У Господа был Иуда. А кто же у Дьявола–Иуда?

Я: – «Это, конечно, будет **женщина**. Дьявол ее полюбит, и она захочет вернуть его к Богу – и вернет».

Антокольский: – «А она застрелится. – Но я утверждаю, что это будет **мужчина**» (Цветаева. О любви).

«**Мужчины** – и слово-то какое отвратительное! С женским окончанием – и всё-таки не **женщина**. Это наводит меня на мысль о связи между этим женским окончанием и характером русских мужчин» (Цветаева. Неизданное. Записная книжка 8).

Далее в антитетические отношения, выстроенные на языковых антонимах *мужчина* – *женщина*, втягиваются другие, построенные на индивидуально-авторских коннотациях: *вздых* – *жест*, *дух* – *душа*, *материнство* – *отцовство*. Таким способом Цветаева углубляет, надстраивает и окончательно разводит отношения между полами.

Итак, женщина идет по пути вздыха... Женщина, это вздых. Мужчина, это жест. (Вздых всегда раньше, во время прыжка не дышат). Мужчина никогда не хочет первый. Если мужчина захотел, женщина уже хочет (Цветаева. О любви).

Противопоставление образуют индивидуально-авторские антонимы, которые употребляются в значениях: *жест* как «тело-

движение, преимущественно движение рукой, сопровождающее речь для усиления её выразительности или имеющее значение какого-либо сигнала, знака и т.п.» [БТСРЯ, 2000, с. 280] и *вдох* как «усиленный вдох и выдох (обычно как выражение какого-либо чувства)» [БТСРЯ, 2000, с. 90]. Для Марины Цветаевой это разграничение основано на противоположности понятий *движение тела* как знак эмоциональной деятельности мужчины и *движение души* как знак чувственной, эмоциональной сферы женщины.

Н<икодим> – «Мужчина», это дух. Дьявол и Бог борются из-за мужчины посредством женщины. Дьяволу и Богу – дело только до мужчины (Цветаева. Неизданное. Записная книжка 3).

Тела и сердца у мужчин и женщин – поровну. Потом: бездна, – у мужчин – дух, у женщин – душа (Цветаева. Неизданное. Записная книжка 3).

Отсутствие духовности у женщин.

Главный враг духа не тело, а душа (Цветаева. Неизданное. Записная книжка 3).

Словарь «Система лексических минимумов современного русского языка» понятия *дух* и *душа* относит к общим словам в разделе «Человек как чувствующее, желающее, мыслящее и говорящее существо» [СЛМСРЯ, 2003, с. 625]. Индивидуально-авторскую антонимию *духа* и *души* в рассматриваемом случае следует трактовать следующим образом: *дух* – это «бодрость, моральная сила и готовность к действию» [Ефремова, 2006-1, с. 360]), а *душа* – это «внутренний мир человека; психические переживания как основа его жизни» [Ефремова, 2006-1, с. 362], то есть с понятием мужчины М.Цветаева соотносит моральную силу, а с понятием женщины – внутренний мир человека, его психические переживания.

Аля, ночью – «Марина! Дым – женщина, туман – женщина. Гром – мужчина» (Цветаева. Неизданное. Записная книжка 5). На каркас языковых антонимов, обозначающих мужское и женское начало, надстраивается, наслаивается индивидуально-авторская

антонимия, позволяющая актуализировать контрастные характеристики, присущие им: синонимичные понятия *дым, туман* – существительные из зрительной сферы восприятия – используются в переносном значении «то, что мешает ясно понимать окружающее, события, факты, *затемняет сознание*» [БТСРЯ, 2000, с. 350]; *гром* – существительное из слуховой сферы восприятия – используется в значении «сильный шум, грохот» [БТСРЯ, 2000, с. 237]. В анализируемом контексте образ женщины М. Цветаева соотносит с тем, что затемняет сознание, а образ мужчины с тем, что будоражит своим грохотом. Противопоставляются семы *неопределённое – определённое*, соотнесённые Цветаевой с семантической зоной *мужское – женское* начало. Такие образные противопоставления позволяют расширить восприятие привычных языковых, заложенных словарем смысловых зон.

На основе языковой конструкции – антонимов комплементарного типа *Мужчина – Женщина*, – М. Цветаева создает авторские антонимические противопоставления: *дух (мужское начало) – душа (женское начало)*, *жест (мужское начало) – вздох (женское начало)*, *гром (мужское начало) – дым, туман (женское начало)*.

М.И. Цветаева в равной степени прорабатывает, расширяя и достраивая их, понятийную сферу *мужчина* и понятийную сферу *женщина*, приписывая им дополнительные образные характеристики.

Ещё есть *мужчина – Дьявол (соблазнённый)* и *женщина – Диана, Кармен (весталка, соблазнительница)*; и даже так: *мужчина как Бог* и как *Дьявол* (агенса, творящая сила) – с одной стороны, и *женщина как Диана, Иоанна д'Арк и Кармен*, но без Богоматери (орудие в руках этой силы, её проводник) – с другой:

Я: – «**Женщина невинна** (что я делала? я только любила!), – **орудие, медиум**».

А<нтоколь>ский: – «**Женщина – не только орудие Дьявола, орудие Бога, и единственное их орудие**».

Я: – «А мужчина виновен» (Цветаева. Незданное. Записная книжка 3).

Я: – «У Розанова есть книга: Люди Лунного Света. Только он берет ее как пол, а я беру ее как дух. – Она идет под знаком Дианы».

А<нтоколь>ский: – «А ведь Диана дала обет безбрачия. – Значит, Кармен – весталка?» (там же).

А<нтоколь>ский: – «Диана. Двойственная девственность».

Я: – «Иоаннад'Арк, Диана, одна раса» (там же).

Кроме того, женщина – материнство, мужчина – отцовство; женщина – стихия, мужчина – её отсутствие, точнее, значимое отсутствие, пустой знак.:

А<нтоколь>ский: – «Что такое отцовство?»

Я: – «Отцовства вообще нету. Есть материнство – стихия – Мать – большое М.»

А<нтоколь>ский: – «А отцовство – большое О т. е. нуль» (Цветаева. Незданное. Записная книжка 3).

Стоит отметить, что рассматриваемое антонимическое поле подтверждает и другое сделанное нами наблюдение – Цветаева активно использует инструмент поляризации синонимов для превращения их в индивидуально-авторские антонимы. См. ещё один пример:

Еве до познания добра и зла вовсе не было дела. Ей было важно сделать по-своему – преступить. Иначе бы не любопытство, а любознательность, т. е. не порок, а добродетель, не женский жест, а мужской. (Еву Библия делает Прометеем!) (Цветаева. Сводная тетрадь 2).

Любопытство, согласно толковому словарю, «желание, стремление узнать что-либо во всех подробностях, интерес ко всему новому» [ССРЛЯ, 1957, с. 439-440], а любознательность – «стремление к приобретению новых знаний; пытливость» [ССРЛЯ, 1957, с. 436]. Таким образом, М. Цветаева семантически разводит два синонима, превращая их в контекстуальные антонимы, потому что

любопытство – это *порок*, а *любознательность* – *добродетель*.
Порок и *добродетель* – языковые антонимы.

В рассмотренных выше контекстах антонимичным понятиям *мужчина* – *женщина* М. Цветаева приписывает свои, антонимичные же, характеристики. Индивидуально-авторские антонимы, которые она использует при этом, можно представить в виде следующей схемы.

Мужчина	Женщина
Жест	Вздых
Дух	Душа
Гром	Дым
	Туман
	Материнство
Отцовство (нуль)	Мать
	Стихия
Любознательность	Любопытство
Добродетель	Порок
	Диана
Дьявол	Кармен
Соблазненный	Соблазнительница
	Весталка
Бог	Иоанна д'Арк
Творящая сила	Орудие
Агнец	Невинна
	Медиум
Винювен	Орудие Дьявола
	Орудие Бога
Мужик	Государыня
Государь	Приживалка
Муж	Баба

Цветаева пытается раскрыть сущность значимых для нее понятий, таких, как творчество и любовь, соотнося их

с «генеральным» противопоставлением в рамках гендера – *мужчина и женщина*.

У женщины – творчество всегда нарушенная норма. – А у мужчин, очевидно, обычное состояние? (Цветаева. Сводная тетрадь 1).

Любовный ореол мужчины создан любовью к нему женщин, ореол женщины – любовью ее к себе (Цветаева. Незданное. Записная книжка 8).

Как видим, М.Цветаева опирается на понятие нормы и антинормы, характеризуя творчество мужчины и женщины, а также использует антинорму «направленность вне и внутрь», определяя разницу между любовным ореолом мужчины и женщины.

«Женщины любят не мужчин, а Любовь, мужчины не Любовь, а женщин.

Женщины никогда не изменяют.

Мужчины – всегда» (Цветаева. Незданное. Записная книжка 5).

Выражается отношение мужчин и женщин к понятию *Любовь*.
«Женщины говорят о любви и молчат о любовниках, мужчины – наоборот. (Мужчины этого слова и в рот не берут, как – снижающего: их мужской престиж бездушия)» (Цветаева. Сводная тетрадь 1).

Рассматриваемое антонимическое поле так же, как и предшествующие, является синкретичным по своей структуре, так как включает в себя различные части речи и словообразовательные цепочки.

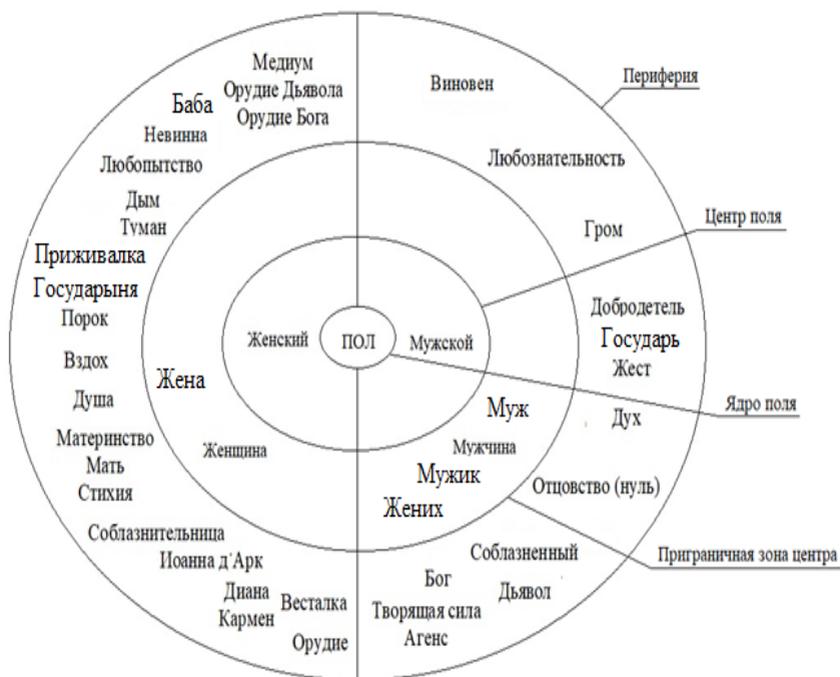

Рисунок 3 – САП «Пол человека»

Синкретичное антонимическое поле «Пол человека» (см. Рисунок 3) имеет следующие дифференциальные признаки:

- ядро поля определено как гипероним *Пол* – «каждый из двух генетически и физиологически *противопоставленных разрядов* живых существ (мужчин и женщин)» [Ефремова, 2006-2, с. 973];
- центр поля занимает противительная пара *Мужской* и *Женский*, где в основе их разделения лежит противопоставление по половому признаку;
- приграничная зона центра включает дериваты – производные слова с новыми словообразовательными значениями;
- периферию поля составляют собственно авторские антонимические соответствия.

- в состав описываемого поля включены антонимические группы, имеющиеся в прозе Марины Цветаевой.

Фрагменты двух секторов представлены гиперо-гипонимической парадигмой. Фрагмент: *Пол* (гипер-1): *Мужской* (гипоним-1, гипер-2): *Мужчина, Муж, Мужик* (одночлестеречные, однокоренные гипонимы-2, гипер-3), *Жених* (гипоним-2, гипер-3): *Жест, Дух, Добродетель, Гром, Любознательность, Отцовство (нуль), Бог, Дьявол, Агес, Государь* (одночлестеречные, разнокорневые гипонимы-3) *Виновен, Соблазненный, Творящая сила* (гипонимы-3). Аналогичен и фрагмент другого сектора: *Пол* (гипер-1), *Женский* (гипоним-1, гипер-2): *Женица, Жена* (одночлестеречные, однокоренные гипонимы-2, гипер-3): *Вздых, Порок, Душа, Дым, Туман, Любопытство, Медиум, Материнство, Мать, Стихия, Соблазнительница, Иоанна д'Арк, Диана, Кармен, Весталка, Орудие, Баба, Государыня, Приживалка* (одночлестеречные, разнокорневые гипонимы-3), *Невинна, Орудие Дьявола, Орудие Бога* (гипонимы-3).

Периферию поля составляют индивидуально-авторские антонимы, дополняющие языковое толкование и позволяющие раскрывать новые смыслы, заложенные автором в антонимические пары.

Таким образом, синкретичное антонимическое поле «Пол человека» в прозе М. Цветаевой представлено следующим образом: ядерная зона выражена гиперонимом *пол*, в центр поля попадают понятия *мужской* и *женский*, приграничная зона центра образована неоднокоренными антонимами *мужчина – женщина*. Основное количество примеров 78 % заполняет периферию рассматриваемого поля, что говорит об образном восприятии этой семантической зоны М. Цветаевой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Целостность человеческой личности М. Цветаевой, по мнению исследователей её творчества, была замещена на противоречиях, поэтому сущностной чертой цветаевской гармонии является принципиальная амбивалентность. Отношение к миру, событиям, людям она выражает при помощи контраста, который проявляет себя в текстах через антонимы. Можно констатировать, что антонимы в прозе М.И. Цветаевой отражают её поэтическое мировидение.

Антонимы позволяют М. Цветаевой не только создавать амбивалентные миры, но и творить антонимические афоризмы, представляющие собой, по словам Л.В. Успенского, «изоощренную неожиданность формулировки» [Успенский, 1964, с. 23–24]: *Безграничность преодолевается границей, преодолеть же в себе границы никому не дано* (Цветаева. Герой труда).

Опора на контраст, выраженный с помощью антонимов, является доминантой идиостиля М. Цветаевой. Антонимия активно проявляет себя в прозаических текстах М. Цветаевой, формируясь на базе разных уровней языковой системы: от фонетического – до синтаксического, вбирая в себя противопоставления всех частей речи: от знаменательных – до служебных, втягивая в свою орбиту синонимы.

Поэтическое кредо М. Цветаевой – смелые эксперименты с языком, поэтому антонимия у неё представлена не только языковыми единицами, закреплёнными в словарях, но и индивидуально-авторскими. Последние – явление уникальное, в его основу положены неожиданные, парадоксальные по своему характеру сопоставления и противопоставления. Всё это делает систему антонимических отношений, обнаруженных в прозе поэта, содержательно и эмоционально насыщенной и оригинальной.

В ходе анализа индивидуально-авторских антонимов, удалось выяснить, что они создаются М. Цветаевой двумя способами:

1) путём контекстуального «столкновения» лексем, не являющихся антонимами, – такие лексемы не закреплены в словарях антонимов, но представлены в языковом узусе и употребляются в нём не как антонимы; 2) путём «творения» окказионального слова, неологизма, формирующего антонимическую оппозицию.

Среди индивидуально-авторских антонимов обоих типов были обнаружены не только лексические единицы, но и грамматические.

В текстах поэта контраст является излюбленным средством воздействия на читателя, обладающим, за счёт сгущения антонимов, наслаивания одних антонимических отношений на другие, огромным прагматическим потенциалом. Об этом свидетельствуют многочисленные контексты, насыщенные и даже перенасыщенные антонимичными оппозициями разного типа, например: *Этот невинный, в земных делах несведущий¹ ангелочек² в этом последнем³ земном⁴ деле и в первом³ неземном⁴ оказался именно ангелом²: знающим¹* (Цветаева. Дом у Старого Пимена).

В прозе М. Цветаевой используются такие средства усиления контраста, как употребление в составе антонимов экспрессивно окрашенных слов, лексики различных функциональных стилей, фразеологических единиц, а также конструкций с синтаксическим параллелизмом. Описание образных средств контраста, созданных на базе антонимии, – важная самостоятельная проблема, нуждающаяся в дальнейшей реализации.

Антонимическая система в прозе М. Цветаевой была проанализирована нами с учётом следующих структурных составляющих: антонимическая парадигма, антонимический блок-композит и антонимическое поле.

Антонимическая парадигма является начальным звеном, организующим лексическую противоположность. Эта минимальная (двучленная) структура выступает конструирующим центром в организации более сложно устроенных антонимических механизмов текста – антонимических блоков-композитов и антонимических

полей. В двух последних антонимическая парадигма является лексико-семантическим ядром, вокруг которого формируются и коррелируют с ней по смыслу другие типы антонимических отношений.

Антонимическая парадигма представлена как одночастеречными, так и межчастеречными антонимами. В рамках одночастеречной представлены однокорневые и разнокорневые антонимы; среди последних наиболее частотны антонимы-имена прилагательные. Межчастеречные антонимы образуются преимущественно оппозицией имени существительного и имени прилагательного. Позиционный состав антонимической парадигмы выходит за пределы классического типа «слово – слово», хотя, безусловно, этот тип является наиболее частотным у М.Цветаевой. Позиционный состав антонимической парадигмы представлен следующими типами отношений: 1) слово – слово, 2) свободное словосочетание и свободное словосочетание, 3) слово и свободное словосочетание, 4) ФЕ и ФЕ, 5) слово и ФЕ, 5) свободное словосочетание и ФЕ. Последний тип («свободное словосочетание – фразеологическая единица») является наименее частотным.

Антонимические блоки-композицы были выявлены в работах Е.И. Дибровой. Такие блоки организуют тематическое пространство прозаических текстов М. Цветаевой. В них отчётливо выделяются три объединяющих параметра: структурный, лексико-семантический и грамматический. В текстах М. Цветаевой удалось обнаружить и проанализировать как простые антонимические блоки-композицы, так и сложные, напоминающие самостоятельные произведения-миниатюры.

В прозе М. Цветаевой представлены синкретичные антонимические поля. Особенностью этих полей является: 1) свободное заполнение периферии поля, 2) при общей антонимичности фрагментов поля – наличие гиперо-гипонимического устройства его фрагментов, 3) присутствие во фрагментах поля словообразовательных гнезд и словообразовательных цепочек. Наиболее явно

в цветаевской прозе обнаруживают себя следующие антонимические поля: синкретичное антонимическое поле «Физиологическое существование человека», синкретичное антонимическое поле «Время», синкретичное антонимическое поле «Пол человека».

В основе формирования антонимических отношений у М.И. Цветаевой лежит личностная оценка, поэтому эти отношения проникнуты амбивалентным мироощущением и миропониманием поэта.

Закljučая наше исследование, можно констатировать, что за цветаевскими текстами стоит уникальная креативная языковая личность с присущими ей особенностями лексикона и прагматикона, создающая гармонию контраста через «равновесие бездн и вершин» (А.С. Эфрон).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александрова, О.И. Окказиональные безаффиксные существительные женского рода в поэтических произведениях начала XX века : краткий анализ и материалы для словаря / О.И. Александрова // Ученые записки Горьковского пед. института. – Горький : Волго-Вятское кн. изд-во, 1969. – Вып. 95. – С. 193–227.
2. Алехина, А.И. Фразеологическая антонимия и структурные типы фразеологических антонимов в современном английском языке / А.И. Алехина // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц : материалы межвузовского симпозиума. – 1968. – № 1. – С. 267–275.
3. Андреева, Г.В. Языковое выражение контраста и его стилистические функции в художественной прозе : на материале английского языка : диссертация ... кандидата : 10.02.04. – Ленинград, 1984. – 185 с.
4. Антрушина, Г.Б. Лексикология английского языка : учеб. пособие для вузов / Г.Б. Антрушина. – Москва : Дрофа, 2001. – 287 с.
5. Апресян, Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка : монография / Ю.Д. Апресян. – Москва : Наука, 1974. – 367 с.
6. Апресян, Ю.Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика: 2-е и зд., испр. и доп. – Москва: Школа «Языки русской культуры», Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – VIII с., 472 с.
7. Арнольд, И.В. Стилистика. Современный английский язык : учеб. для вузов / И. В. Арнольд. – Москва : Флинта : Наука, 2002. – 384 с.
8. Ахмадеева, С.А. Аппликативная метафора в эпистолярном тексте: (На примере писем и дневниковых записей Марины Цветаевой) / С. А. Ахмадеева // Языковая личность: жанровая речевая дея-

тельность : тезисы доклады научной конференции. – Волгоград: Перемена, 1998. – С. 34–42.

9. Ахмадеева, С.А. Особенности и принципы организации дневниковых текстов Марины Цветаевой как основа их стилистического анализа / С.А. Ахмадеева // Язык. Словесность. Культура. – Ногинск: Аналитика Родис, 2015. – № 4-5. – С. 9–28.

10. Ахмадеева, С.А. Языковые особенности записных книжек и сводных тетрадей Марины Цветаевой / С.А. Ахмадеева // Ежегодник Российского психологического общества. Материалы III Всероссийского съезда психологов 25–28 июня 2003 г.: в 8 т. Т. 1. ; под ред. В.А. Аверина, В.М. Аллахвердова. – Санкт-Петербург : СПбГУ, 2003. – 677 с.

11. Бабенко, И.И. Коммуникативный потенциал слова и его отражение в лирике М. Цветаевой : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / И.И. Бабенко. – Томск, 2001. – 25 с.

12. Бабенко, Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика : учебник ; практикум / Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казарин. – Москва : Флинта : Наука, 2006. – 496 с.

13. Балашова, И.Г. Об идеографировании лексического минимума в учебном тематическом словаре / И.Г. Балашова // Культура народов Причерноморья – № 49. – Т. 1. – Симферополь. – Март, 2004. – С. 156–159.

14. Барцевич, И.Б. Лексико-семантический анализ антонимов в эпистолярном стиле Л.Н. Толстого : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / И.Б. Барцевич. – Ростов-на-Дону, 1993. – 220 с.

15. Баско, Н.В. Словообразовательная антонимия в русском языке (лингвистический и методический аспекты) / Н.В. Баско // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. / под ред. Л.П. Клобукова, В.В. Красных, А.И. Изотов. – Москва : Диалог-МГУ, 1998. – Вып. 6. – С. 51–59.

16. Береговская, Э.М. Очерки по экспрессивному синтаксису : монография / Э.М. Береговская. – Москва : Рохос, 2004. – 208 с.

17. Биbihин, В.В. Язык философии. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Языки славянской культуры, 2002. – 416 с.

18. Бо, Я. Функции антонимии в художественной и научной речи (на материале поэзии В.Я. Брюсова и научных сочинений Л.В. Щербы): дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Я. Бо. – Москва, 2004. – 208 с.

19. Боева, Н.Б. Грамматическая антонимия в современном английском языке : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / Н.Б. Боева. – Москва, 2001. – 367 с.

20. Боева-Омелечко, Н.Б. Антонимия в рекламном слогане // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2021. – Том 25. – № 2. – С.21-28.

21. Боева-Омелечко, Н.Б. Индивидуально-авторская антонимия как проявление лингвокреативного потенциала личности / Н.Б. Боева-Омелечко // Личность и модусы её реализации в языке : коллект. монография. – Иркутск : Ин-т языкозн. РАН, 2008. – С. 163–171.

22. Боева-Омелечко, Н.Б. Лексическая, грамматическая и текстовая антонимия в современном английском и русском языках : Избранные труды / Н.Б. Боева-Омелечко. – Ростов-на-Дону : ИПО ПИ ЮФУ, 2012. – 160 с.

23. Боева-Омелечко, Н.Б. О понятии грамматической антонимии // Язык. Текст. Дискурс. – № 11. – 2013. – С. 325–331.

24. Боева-Омелечко (Боева), Н.Б. О терминологическом аппарате теории антонимии/ Н.Б. Боева-Омелечко // Профессиональная коммуникация : вербальные и когнитивные аспекты : сб. докладов междунар. науч.-практ. конф. – Москва : ИГУМО, 2007. – С. 91–93.

25. Боева-Омелечко, Н.Б. Отражение динамики теории антонимии в ее терминологии // Вестник ЧелГУ. – 2017. – № 6 (402). – С. 30–32.

26. Боева-Омелечко, Н.Б. Textoобусловленная антонимия в художественном произведении / Н.Б. Боева-Омелечко // Язык. Культура. Речевое общение : – Москва, 2013. – № 1. – С. 50–57.

27. Болотнова, Н.С. Лексическая структура художественного текста в ассоциативном аспекте: монография/ Н.С. Болотнова. – Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 1994. – 212 с.

28. Болотнова, Н.С. Филологический анализ текста : учеб. пособие / Н.С. Болотнова. – Москва : Флинта : Наука, 2009. – 520 с.
29. Бондарко, А.В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). – Москва : Просвещение, 1971. – 239 с.
30. Бондарко, А.В. К проблеме интенциональности в грамматике (на материале русского языка) // Вопросы языкознания. – 1994. № 2. – С. 29–43.
31. Бондарко, А.В. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии / А.В. Бондарко. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. – 220 с.
32. Бондарко, А.В. Общее языкознание и теория грамматики // Материалы чтений, посвященных 90-летию со дня рождения С.Д. Кацнельсона. – Санкт-Петербург, 1998. – С. 59–71.
33. Бочина, Т.Г. Лексические средства выражения контраста / Т.Г. Бочина // Учёные записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2006. – Т. 148 (кн. 3). – С. 47–54.
34. Бочина, Т.Г. Стилистические приемы контраста как система с полевой структурой / Т.Г. Бочина // Филология и культура. Вестник ТГГПУ – 2010. – № 1 (19). – С. 25–29.
35. Братчикова, Е.А. Фоносемантическое пространство как категория стихотворного текста / Е.А. Братчикова // Вестник ВятГУ. – 2012. – № 2. – С. 29–33.
36. Бродский, И. Бродский о Цветаевой: интервью, эссе / И. Бродский. – Москва : Независимая газета, 1997. – 208 с.
37. Булаховский, Л.А. Введение в языкознание : учеб. пособие для госунов и пединтов : в 2 ч. Ч. 2. / Л.А. Булаховский. – Москва : Учпедгиз, 1953. – 177 с.
38. Вайсгербер, Л. Родной язык и формирование духа / Л. Вайсгербер. – Москва : Изд-во МГУ, 1993. – 224 с.
39. Валгина, Н.С. Стилистическая роль знаков препинания в поэзии М. Цветаевой / Н.С. Валгина // Русская речь. – 1978. – № 6. – С. 58–66.

40. Валова, О.М. Своеобразие конфликта в драме Оскара Уайльда «Саломея» / О.М. Валова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия филология. Журналистика. – 2012. – Т. 12. – Вып. 3. – С. 57–62.

41. Васильев, Л.М. Теория семантических полей / Л.М. Васильев // Вопросы языкознания. –1971. – № 5. – С. 105–113.

42. Вахтель, Н.М. Стилистические фигуры в поэзии Марины Цветаевой/ Н.М. Вахтель // Вестник ВГУ. Сер. : Гуманитарные науки. – 2002. – № 1. – С. 57–63.

43. Введенская, Л.А. Антонимо-синонимический словарь и его значение для обучения русскому языку иностранцев / Л.А. Введенская, Н. П. Колесников // Актуальные проблемы учебной лексикографии. – Москва, 1977. – С. 166–172.

44. Введенская, Л.А. Антонимы как художественно-образительное средство в публицистике Л.Н. Толстого/ Л.А. Введенская, Ю.М. Белкина // Проблемы языка и стиля Л.Н. Толстого : респ. сб. – Тула : Тульск. гос. пед. ин-т им. Л.Н. Толстого, 1974. – С. 47–55.

45. Введенская, Л.А. Оказиональные антонимы / Л.А. Введенская, Г.Е. Гончаренко // Известия Северо-кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. – 1980. – № 1. – С. 34–37.

46. Введенская, Л.А. Понятие синонимико-антонимичной парадигмы / Л. А. Введенская // Филологические этюды. Сер. : Языкознание. – Ростов-на-Дону : Ростовск. гос. ун-т, 1976. –Вып. 2. – С. 47–58.

47. Введенская, Л.А. Сочетаемость антонимов в русском языке / Л.А. Введенская // Учёные записки Курского педагогического института. – Курск, 1970. – Т. 72. – Вып. 3. – С. 182–187.

48. Введенская, Л.А. Стилистические фигуры, основанные на антонимах / Л.А. Введенская // Ученые записки Курского педагогического института. – 1966. – Т. 25. – Вып. 2. – С. 128–135.

49. Вежбински, Я. Антонимо-синонимические отношения в лексике : на материале художественных произведений А.П. Чехова : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Я. Вежбински. – Ростов-на-Дону, 1983. – 343 с.

50. Ветрова, О.С. Антонимы как лексико-стилистическое и текстообразующее средство языка (на примере произведений Д.С. Лихачева). / О.С. Ветрова // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2016. – № 3 (12). – С. 116-118.

51. Вилюман, В.Г. Английская синонимика : введение в теорию синонимии и методику изучения синонимов / В.Г. Вилюман. – Москва : Высшая школа, 1980. – 342 с.

52. Виноградова, Е.Н. К вопросу о грамматике русского предложения. Статья 2 : Синонимия и антонимия предложных единиц / Е. Н. Виноградова, В. Л. Чекалина // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. – 2006. – № 2. – С. 18–37.

53. Винокур, Т.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц / Т.Г. Винокур. – Москва : Наука, 1980. – 140 с.

54. Винокур, Т.Г. О содержании некоторых стилистических понятий / Т.Г. Винокур // Стилистические исследования. На материале современного русского языка. – Москва, 1972. – С. 7–106.

55. Виричева, С. Г. Межчастеречные антонимические парадигмы в художественном тексте / С.Г. Виричева // Проблемы исследования слова в художественном тексте : межвуз. сб. науч. тр. ; под ред. В.В. Степанова. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 1990. – С. 65–73.

56. Газданов, Г. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 3. Романы. Рассказы. Литературная критика и эссеистика. Массонские доклады / Г. Газданов ; под общ. ред. Т. Н. Красавченко. – Москва : Эллис Лак, 2009. – 736 с.

57. Гак, В.Г. К проблеме семантической синтагматики / В.Г. Гак // Проблемы структурной лингвистики. – Москва : Наука, 1972. – С. 367–395.

58. Галатова, Н.В. Антонимичность придаточных предложений в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Н.В. Галатова. – Ростов-на-Дону, 1989. – 202 с.

59. Гасенегер Е.Е. Когнитивные особенности многозначности русских и английских антонимов / Е.Е. Гасенегер, М.Ю. Мухин. – Текст: электронный // *Cognitive Neuroscience* – 2021 : материалы международного форума, (Екатеринбург, 2–3 декабря 2021 г.). – Екатеринбург : Изд-во Уральск. ун-та, 2022. – С. 41–45.
60. Гаспаров, М.Л. Избранные статьи / М.Л. Гаспаров. – Москва : Новое литературное обозрение, 1995. – 480 с.
61. Гаспаров, М.Л. М. Цветаева: от поэтики быта к поэтике слова / М.Л. Гаспаров // *Русская словесность*. – Москва : Academia, 1997. – С. 258–266.
62. Гаспаров, М.Л. О русской поэзии / М.Л. Гаспаров. – Санкт-Петербург : Азбука, 2001. – 480 с.
63. Гельблю, Я.И. Антонимия и антитеза / Я.И. Гельблю // *Ученые записки Башкирского университета*. Вып. XV. Серия филол. наук. – Уфа, 1964. – № 6 (10) – С. 153–158.
64. Гинзбург, Р.С. Лексикология английского языка : учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / Р.С. Гинзбург. – Москва : Высшая школа, 1979. – 269 с.
65. Голуб, И.Б. Стилистика русского языка: учеб. пособие для вузов / И.Б. Голуб. – Москва : Айрис-Пресс, 2002. – 441 с.
66. Горелкина, А.В. Словообразовательные окказионализмы в мемуарных прозаических произведениях М. Цветаевой и А. Белого : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А.В. Горелкина. – Москва. – 1999. – 24 с.
67. Гридина, Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество : монография / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 1996. – 215 с.
68. Гридина, Т.А. Языковая игра в современной интернет-коммуникации: метаязыковой аспект / Т.А. Гридина, С.С. Талашманов // *Политическая лингвистика*. – № 3. – 2019. – С. 31–37.
69. Гудкова, К.В. К вопросу об антонимических и бинарных оппозициях / К.В. Гудкова // *Вестник СПбГУ*. Сер. 9. – 2012. – Вып. 3. – С. 68–71.

70. Гудкова, К.В. К вопросу о репрезентации категории противоположности в английском языке с помощью оппозитивов / К.В. Гудкова // Вестник СПбГУ. Сер. 9. – 2013. – Вып. 1. – С. 91-96.

71. Гудкова, Я.А. Антонимия в первичном и вторичном поэтическом тексте : на материале произведений Дж.Г. Байрона «Дон Жуан» и А.С. Пушкина «Евгений Онегин» и их поэтических переводов : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04, 10.02.19 / Я.А. Гудкова. – ЮФУ, 2010. – 25 с.

72. Гуль, Р.Б. Цветаева и её проза / Р.Б. Гуль // Русское зарубежье : сборник / сост. В.Ганичев. – Москва : Роман-газета, 1993. – С. 221–227.

73. Данзас, К.К. Последние дни жизни и кончина Александра Сергеевича Пушкина в записи А. Амосова / К.К. Данзас // А.С. Пушкин в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 2. / сост., подгот. текста и коммент. В.Вацуру [и др.]. – Москва : Художественная литература, 1985. – 575 с.

74. Денисов, П.Н. Лексика русского языка и принципы ее описания / П.Н. Денисов. – Москва : Русский язык, 1993. – 243 с.

75. День поэзии : сборник. – Москва : Советский писатель, 1965. – 324 с.

76. Диброва, Е.И. Квантовость и скважность как проявление речевого мышления [Электронный доступ] / Е.И. Диброва // Rhema. Рема. – 2011. – № 3. – С. 69–67. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/kvantovost-i-skvazhnost-kak-proyavlenie-rechevogo-myshleniya>.

77. Диброва, Е.И. Поэтические структуры антонимии / Е.И. Диброва, Н.Ю. Донченко. – Москва : С. Принт, 2000. – 183 с.

78. Диброва, Е.И.-1 Пространство текста в композитном членении / Е.И. Диброва // Избранные работы. Художественный текст: Структура. Содержание. Смысл : в 2 т. Т. 1. – Москва : ТВТ Дивизион, 2008. – 430 с.

79. Диброва, Е.И. Пространство текста в композитном членении / Е.И. Диброва // Структура и семантика художественного

текста: Доклады VII Международной конференции. – Москва, 1999. – С. 91–138.

80. Диброва, Е.И.-2 Семантическое поле / Е.И. Диброва // Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц : учеб. для студ. высш. учеб. заведений : в 2 ч. Ч. 1. Фонетика и орфоэпия. Графика и орфография. Лексикология. Фразеология. Лексикография. Морфемика. Словообразование / под ред. Е.И. Дибровой. – Москва : Академия, 2008. – 480 с.

81. Добро и зло в мире Марины Цветаевой : XIV Междунар. науч.-темат. конф. (Москва, 9–12 октября 2006 г.) : сб. докл./ отв. ред. И.Ю. Белякова. – Москва : Дом-музей Марины Цветаевой, 2007. – 560 с.

82. Долгих, Н.Г. Теория семантического поля на современном этапе развития семасиологии / Н.Г. Долгих // Филологические науки. – 1973. – № 1. – С. 89–99.

83. Драчук, Н.В. Полисемия как один из факторов формирования антонимо-синонимических блоков : на материале качественных прилагательных русского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Н.В. Драчук. – Волгоград, 2006. – 204 с.

84. Дударева, А.А. Особенности идиостиля прозы М. Цветаевой дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01/ А.А. Дударева. – Тверь, 2002. – 149 с.

85. Ежкова, О.А. Окказиональные образования в прозе М.И. Цветаевой : На материале «Повести о Сонечке» / О.А. Ежкова // Идеи, гипотезы, поиск... : сб. науч. тр. – Магадан : Изд. Междунар. педагогич. ун-та, 1996. – С. 5–7.

86. Ежкова, О.А. Субстантивные новообразования в поэтическом языке М. И. Цветаевой : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / О.А. Ежкова. – Магадан, 2000. – 240 с.

87. Жирмунский, В. Теория стиха / В. Жирмунский. – Ленинград : Советский писатель, 1975. – 576 с.

88. Задорожнева, Е.В. Сочетаемость компонентов антонимосинонимических блоков : на материале существительных, прилагательных, наречий русского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е.В.Задорожнева. – Волгоград, 2007. – 187 с.

89. Зайцева, Н.В. Антонимическая когезия в современном русском и английском языках : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Н.В. Зайцева ; [Место защиты: Юж. федер. ун-т]. – Ростов-на-Дону, 2008. – 24 с.

90. Зайцева, Н.В. Виды антонимов в составе антонимического корпуса текста / Н.В. Зайцева // Научная мысль Кавказа, № 4 (52). – 2007. – С. 82–86.

91. Зубарева, Е.Ю. Творчество М. Цветаевой в англо-американском литературоведении последнего десятилетия / Е.Ю. Зубарева. // Вестник МГУ: Серия 9: Филология. – 1989. – Т. 9 (6). – С. 40–48.

92. Зубова, Л.В. Потенциальные свойства языка в поэтической речи М. Цветаевой (семантический аспект) : учеб. пособие / Л.В. Зубова. – Ленинград : Наука, 1987. – 89 с.

93. Зубова, Л.В. Поэзия Марины Цветаевой : лингвистический аспект / Л.В. Зубова. – Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1989. – 264 с.

94. Зубова, Л.В. Язык поэзии Марины Цветаевой (фонетика, словообразование, фразеология) / Л.В. Зубова. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 1999. – 232 с.

95. Зубова, Л.В. Поэтический язык Марины Цветаевой. – Санкт-Петербург : Геликон Плюс, 2017. – 544 с.

96. Иванова, В.А. Антонимия в системе языка / В.А. Иванова. – Кишинев : Штиинца, 1982. – 163 с.

97. Иванова, В.А. Антонимия и синонимия / В.А. Иванова // Актуальные проблемы лексикологии и грамматики русского языка : Вопросы русского языка : межвуз. сб. – Кишинев : Штиинца, 1977. – С. 33–49.

98. Иванова, В.А. Синонимо-антонимические блоки / В.А. Иванова // Вопросы грамматики и лексикологии русского языка:

Вопросы русского языка и литературы : межвуз. сб. – Кишинев: Штиинца, 1979. – С. 61–76.

99. Кабанина, О.Л. Контраст как лексическая регулятивная универсалия в поэзии М. Цветаевой: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 00.00.00 / О.Л. Кабанина. – Томск, 2022. – 24 с.

100. Казарин, Ю.В. Поэтический текст как система / Ю.В. Казарин. – Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та, 1999. – 260 с.

101. Калинина, О.В. Формирование творческой личности в автобиографической прозе М.И. Цветаевой о детстве поэта : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / О.В. Калинина. – Саратов, 2003. – 249 с.

102. Канищева, Е.В. Ритм прозы М. Цветаевой : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Е.В. Канищева. – Самара, 2013. – 24 с.

103. Караулов, Ю.Н. Общая и русская идеография / Ю.Н. Караулов. – Москва : Наука, 1976. – 356 с.

104. Карловская, В.Н. Репрезентация полярных эмоций в художественном тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / В.Н. Карловская. – Санкт-Петербург, 2009. – 21 с.

105. Кацнельсон, С.Д. Общее и типологическое языкознание / С.Д. Кацнельсон. – Ленинград : Наука, 1986. – 298 с.

106. Кашицына, Е.Г. Квантитативный состав антонимической парадигмы в прозе М.И. Цветаевой / Е.Г. Кашицына // Научный диалог. – Вып. 12 (48) / 2015. – Екатеринбург: ЦНИОП, 2015. – С. 93–101.

107. Кашицына, Е.Г. Одночастеречная и межчастеречная антонимия в прозе М.И. Цветаевой // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». – Вып. 2. – Москва : Научные технологии, 2016. – С. 149–153.

108. Кашицына, Е.Г. Фигуры, построенные на основе контраста, в прозе М.И. Цветаевой / Е.Г. Кашицына // Вестник Пермского университета. Сер.: Российская и зарубежная филология. – 2014. – Вып. 2 (26). – С. 52–62.

109. Кеворкова, З.Г. О степени семантической связанности между членами словообразовательного гнезда / З.Г. Кеворкова // Русский язык в школе. – 1979. – № 6. – С. 76–80.

110. Ким, Т.С. Антонимия и синонимия в передаче семантики противоположности / Т.С. Ким // Вестник Челябинского государственного университета. Политические науки. Востоковедение. – Вып. 13. – 2012. – № 33 (287) – С. 139–142.

111. Киреев, А.А. Об антонимах / А.А. Киреев // Русский язык в школе. – 1954. № 3. – С. 10–13.

112. Клоков, П.Н. Антонимический блок «радовать – огорчать» как один из способов системной организации русской лексики : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / П.Н. Клоков. – Тамбов, 2006. – 26 с.

113. Кодухов, В.И. Лексико-грамматические группы слов : лекция / В.И. Кодухов. – Ленинград : ЛГПИ, 1955. – 28 с.

114. Кодухов, В.И. Введение в языкознание / В.И. Кодухов. – Москва : Просвещение, 1979. – 352 с.

115. Козинец, С.Б. Грамматические синонимы и антонимы и их изучение в школе // Проблемы филологического образования: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Л.И. Черемисиновой. – Саратов : Саратовский источник, 2020. – Вып. 12. – С. 18–24.

116. Комиссаров, В.Н. Проблема определения антонима (О соотношении логического и языкового в семасиологии) / В. Н. Комиссаров // Вопросы языкознания. – 1957. – № 2. – С. 49–58.

117. Комиссаров, В.Н. Семантическая характеристика слов-антонимов : дис. ... канд. филол. наук / В.Н. Комиссаров. – Москва, 1961. – 258 с.

118. Комиссаров, В.Н. Словарь антонимов современного английского языка / В.Н. Комиссаров. – Москва : Международные отношения, 1964. – 288 с.

119. Корзюков, А.Ю. Амбивалентность в творчестве А. Блока / А.Ю. Корзюков // Семантика языковых единиц : доклады V Междунар. конф. – Москва, 1996. – С. 136–140.

120. Корнилова, Л.А. Способы реализации категории противоположности на разных уровнях в русском и английском языках /

Л.А. Корнилова, Ф.Х. Исмаева // Филология и культура. – 2015. – №2 (40) – С. 66–70.

121. Корюкина, Е.С. Проблема определения антитезы в терминологических словарях и справочниках / Е.С. Корюкина // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер. Филология. – 2012. – № 5 (1). – С. 300–303.

122. Корюкина, Е.С. Риторические возможности антонимов в современном русском языке: проблема системного описания : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 [Электронный доступ] / Е.С. Корюкина. – Нижний Новгород, 2014. – 202 с. – Режим доступа: <https://diss.unn.ru/files/2014/392/diss-Koryukina-392.pdf>.

123. Кубрякова, Е.С. Части речи в ономаσιологическом освещении / Е.С. Кубрякова. – Москва : Наука, 1978. – 114 с.

124. Кудрова, И. После России: в 2 т. Т. 2. О поэзии и прозе Марины Цветаевой / И. Кудрова. – Москва : РОСТ, 1997. – 240 с.

125. Кудрова, И.В. Версты, дали... Марина Цветаева : 1922–1939 / И.В. Кудрова. – Москва : Советская Россия, 1992. – 368 с.

126. Кузнецова, А.И. Понятие семантической системы языка и методы ее исследования / А.И. Кузнецова. – Москва : МГУ, 1963. – 60 с.

127. Лаврова, Н.А. К вопросу об определении антонимии и о типологической классификации антонимов / Н.А. Лаврова // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. – 2017. – Вып. 7 (779). – С. 62–71.

128. Лайонз, Дж. Введение в теоретическую лингвистику / пер. с англ. под ред. и с предисл. В.А. Звегинцева. – Москва : Прогресс, 1978. – 543 с.

129. Лакофф, Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении. – Москва : Гнозис, 2011. – 512 с.

130. Лихачева, О.Н. Понятие антонимов и антонимии в русском и английском языках // Кубанский научный медицинский вестник, №. 11. – 2006. – С. 73–75.

131. Лихачёва, О.Н. Сопоставительно-типологический структурно-семантический анализ антонимов в русском и английском языках : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.01, 10.02.20 / О.Н. Лихачёва ; Адыг. гос. ун-т. – Майкоп, 2006. – 23 с.

132. Львов, М.Р. К вопросу о типах лексических антонимов / М.Р. Львов // Русский язык в школе. – 1970. – № 3. – С. 71–76.

133. Лыков, А.Г. Современная русская лексикология : Русское окказиональное слово / А.Г. Лыков. – Москва : Просвещение, 1976. – 364 с.

134. Ляпон, М.В. Парадоксальная логика как режим мышления [Электронный доступ] / М.В. Ляпон // Слово и язык : сб. ст. к 80-летию акад. Ю.Д. Апресяна. – Москва : Языки славянских культур, 2011. – С. 655–665. – Режим доступа:

http://www.ruslang.ru/doc/apresjan_festschrift2011/Ljapon.pdf.

135. Ляпон, М.В. Проза Цветаевой. Опыт реконструкции речевого портрета автора / М.В. Ляпон. – Москва : Языки славянских культур, 2010. – 528 с.

136. Ляпон, М.В. Семантика парадокса: (М. Цветаева : проза, дневники, письма) / М.В. Ляпон // Марина Цветаева: личные и творческие встречи, переводы её сочинений : 8-я цветаевская междунар. науч.-тем. конф. : Сб. докл. – Москва : ДМЦ, 2001. – С. 255–263.

137. Майтинская, К.Е. Местоимения в языках разных систем / К.Е. Майтинская. – Москва : Наука, 1969. – 298 с.

138. Маклакова, Е.А. Теоретические проблемы семной семасиологии: монография / Е.А. Маклакова, И.А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2013. – 277 с.

139. Максимов, Л.Ю. Антонимия как один из показателей качества прилагательных : (на материале рус. яз.) : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук / Моск. гос. пед. ин-т им. В.И. Ленина. – Москва : [б. и.], 1958. – 19 с.

140. Маликова, М.Н. Функционально-семантическое поле противопоставления как поле смешанного типа // Речь. Речевая деятельность: межвуз. сб. науч. тр. – Таганрог, 2000. – С. 82–91.

141. Мардиева, Э.Р. Принципы составления словаря фразеологических антонимов русского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 [Электронный ресурс] / Э.Р. Мардиева. – Уфа, 2003. – 319 с. – Режим доступа:

<http://cheloveknauka.com/printsipysostavleniya-slovaryafrazeologicheskikh-antonimov-russkogo-yazyka#ixzz3jvgoxd9o>.

142. Милованова, Л. А. Антонимия лексических предлогов за¹ и за² // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота. – 2016. – № 9(63) : в 3-х ч. Ч. 1. – С. 121–123.

143. Минералова, И. Русская литература Серебряного века. Поэтика символизма / И. Минералова. – Москва : Лит. ин-т им. А.М. Горького, 1999. – 149 с.

144. Медведева, И.Л. Опыт психолингвистического исследования антонимов / И.Л. Медведева // Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики. – Калинин : Калинин. гос. ун-т, 1981. – С. 68–81.

145. Медведева И.Л. Основания для сравнения значений слов, противопоставляемых индивидуальным сознанием / И.Л. Медведева // Психолингвистические исследования: звук, слово, текст: межвуз. тематич. сб. – Калинин : Изд-во Калинин. ун-та, 1987. – С. 64–70.

146. Мелерович, А.М. Фразеологизмы в русской речи / А.М. Мелерович, В. М. Мокиенко. – Москва : Русские словари, 2001. – 860 с.

147. Мельников, Г.П. О типах дуализмов языкового знака / Г.П. Мельников // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – 1971. – № 5. – С. 54–69.

148. Миллер, Е.Н. Антонимия в лексике и фразеологии : (на материале нем. и рус. яз.) : метод. разработ. пробл. в помощь преподавателям и студентам филол. фак. / Е.Н. Миллер; под ред. М.М. Копыленко. – Алма-Ата, 1978. – 110 с.

149. Миллер, Е.Н. Антонимия номинативных единиц в современном немецком языке : учеб. пособие по спецкурсу / Е.Н. Миллер. – Куйбышев: КГПИ, 1985. – 92 с.

150. Миллер, Е.Н. Антонимы разных частей речи / Е.Н. Миллер // Русский язык в школе. – 1987. – № 5. – С. 87–91.

151. Миллер, Е.Н. Межчастеречная антонимия / Е.Н. Миллер // Филологические науки. – 1981. – №7. – С. 70–82.

152. Миллер, Е.Н. Природа лексической и фразеологической антонимии / Е.Н. Миллер. – Саратов : Саратов. гос. ун-т, 1990. – 222 с.

153. Миллер, Е.Н. Характер и форма функционирования лексической и фразеологической антонимии в речи / Е.Н. Миллер // Русский язык в школе. – 1980. – № 3. – С. 76–79.

154. Милютина, М.Г. Взаимодействие антонимии и синонимии & игра со смыслами (на примере поэтических текстов М.И. Цветаевой) / М.Г. Милютина // Филологический класс, №3 (53). – 2018. – С. 118–123.

155. Милютина, М.Г. Контраст как способ выдвижения в прозе М. Цветаевой: противопоставление с помощью квазиантонимов / М.Г. Милютина, Е.В. Туктангулова // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. – 2021. – Т. 31, Вып. 5. – С. 891–896.

156. Милютина, М.Г. Оксюморны М. Цветаевой: равновесие бездн и вершин / М.Г. Милютина // Актуальные проблемы обучения русскому языку XIII. Вгпо. – 2018. – С. 334–341.

157. Михайлов, В.А. Генезис антонимических оппозиций / В. А. Михайлов. – Ленинград : ЛГУ, 1987. – 80 с.

158. Моисеева, Е.М. Антонимизация поэтического текста (на материале произведений К. Бальмонта) / Е.М. Моисеева // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. – Тамбов, 2010. – Вып. 4 (84). С. 289–294.

159. Моисеева, Е.М. Антонимические оппозиции лексико-семантического поля «Стихии природы» (на материале произведений К. Бальмонта) / Е.М. Моисеева // Вестник ТГУ. – 2009. – № 10. – С. 208–214.

160. Моисеева, Е.М. Система антонимических оппозиций в языковой картине мира К. Бальмонта : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е.М. Моисеева. – Тамбов, 2011. – 25 с.

161. Мони́на, Т.С. Антонимический бином как способ реализации концепта // Рациональное и эмоциональное в русском языке : сб. тр. Междунар. науч. конф. / отв. ред.: Н.Б. Самсонов. – Москва : Московск. областн. ун-т, 2018. – С. 226–230.

162. Мордвина-Щодро, О.А. Антонимо-синонимические блоки прилагательных, называющие черты характера человека: лингвокультурологический аспект : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / О.А. Мордвина-Щодро. – Санкт-Петербург, 2007. – 272 с.

163. Муратова, Е.Ю. Лингвопоэтика Марины Цветаевой: монография / Е.Ю. Муратова. – Витебск : Изд-во ВГУ, 2005. – 96 с.

164. Нарынская, М.Ю. Структурно-семантические особенности лексико-синтаксических окказионализмов в идиолекте М. Цветаевой : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / М.Ю. Нарынская. – Ростов-на-Дону, 2004. – 326 с.

165. Никитин, М.В. Основы лингвистической теории значения / М.В. Никитин. – Москва : Высшая школа, 1988. – 168 с.

166. Николаева, М.А. Антонимия прилагательных в современном французском языке (на материале двух семантических подклассов) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / М.А. Николаева. – Москва, 1975. – 212 с.

167. Николаева, Э.А. Фразеологическая метафора и ее особенности в бельгийском варианте французского языка / Э.А. Николаева // Проблемы идиоэтнической фразеологии : доклады междунар. семинара, 13–14 ноября 2007 г. – Санкт-Петербург : РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. – Вып. 4 (7). – С. 20–24.

168. Новиков, Л.А. Антонимия / Л.А. Новиков // Большой энциклопедический словарь : Языкознание. – Москва : Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 35–36.

169. Новиков, Л.А.-1 Антонимия в русском языке (семантический анализ противоположности в лексике) / Л.А. Новиков – Москва : МГУ, 1973. – 290 с.

170. Новиков, Л.А.-2 Антонимия и ее соотношение с другими категориями лексики / Л.А. Новиков // Русский язык в национальной школе. – 1973. – № 4. – С. 5–14.

171. Новиков, Л.А. Логическая противоположность и лексическая антонимия / Л.А. Новиков // Русский язык в школе. – 1966. – № 4. – С. 79–87.

172. Новикова, Ю.А. К вопросу о когнитивном аспекте исследования антонимии (на материале английского языка) / Ю.А. Новикова // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания. – 2023. – № 2 (26). – С. 99–102.

173. Новикова, Ю.О. К вопросу о статусе и специфике прагматических антонимов (на материале английского языка) // На пересечении языков и культур, Актуальные вопросы гуманитарного знания. – 2023. – № 2 (26). – С.105-108.

174. Новикова, Ю.О. Речевая антонимия как отражение обыденной культуры мира (на материале американского варианта английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Ю.О. Новикова. – Санкт-Петербург., 2010. – 25 с.

175. Новикова, Ю.О. Роль речевой антонимии в восприятии мира человеком (на материале английского языка) // Известия СПбГЭУ. – 2007. – № 2. – С. 325–328.

176. Норман, Б.Ю. Грамматика говорящего : От замысла к высказыванию / Б.Ю. Норман. – Москва : Либроком, 2011. – 229 с.

177. Обвинцева, Н.В. Характер противопоставления между антонимами в лексико-семантическом поле отношение в русском и английском языках / Н. В. Обвинцева // И. А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика. – Казань, 2015. – С. 260–262.

178. Оганян, Н.Б. Антонимия как признак идиостиля (на материале текстов произведений Дэна Брауна): дис. ...канд. филол. наук: 10.02.04, 10.02.19 / Н.Б. Оганян. – Ростов-на-Дону, 2017. – 170 с.

179. Оганян, Н.Б. Изобразительно-выразительные функции антонимов в текстах произведений Дэна Брауна / Н.Б. Оганян //

Гуманитарные и социальные науки. – Ростов-на-Дону, 2016. – Вып. 6. – С. 103–113.

180. Онипенко, Н.К. Семантика каузативных эмотивов и их функции в заголовках современных Интернет-текстов // Отечественная филология, – № 5. – 2020. – С. 83-90.

181. Пауль, Г. Принципы истории языка / Г. Пауль. – Москва : Изд-во иностр. лит-ры, 1960. – 501 с.

182. Пестова, М.С. Антонимия как объект теоретического исследования / М.С. Пестова // Вестник ЮрГУ. Серия «Лингвистика». – Челябинск, 2014. – Т. 11. – № 1. – С. 18–21.

183. Пискунова, С.В. Тайны поэтической речи (грамматическая форма и семантика текста) : монография / С.В. Пискунова. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002. – 408 с.

184. Полякова, М.С. Структурно-функциональный анализ исходных и отраженных антонимов в современном английском языке : на материале исходных существительных и глаголов : автореф. диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.04. – Ленинград, 1989. – 16 с.

185. Попова, З.Д. Лексическая система языка (внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы описания) : учеб. пособие / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Москва : URSS, Либроком, 2011. – 172 с.

186. Ревзина, О.Г. Безмерная Цветаева: Опыт системного описания поэтического идиолекта / О.Г. Ревзина. – Москва : ДМЦ, 2009. – 600 с.

187. Ревзина, О.Г. Выразительные средства поэтического языка М. Цветаевой и их представление в индивидуально-авторском словаре / О.Г. Ревзина // Язык русской поэзии XX века (сборник научных трудов) / отв. ред. В.П. Григорьев. – Москва : Институт русского языка АН СССР, 1989. – С. 195–222.

188. Ревзина, О.Г. Категория числа в поэтическом языке // Актуальные проблемы русской морфологии (Публикация лаборатории «Русский язык и русская литература в современном мире»

филологического факультета МГУ) / под ред. К.В. Горшковой, Е.В. Петрухиной. – Москва : Изд-во МГУ, 1988. – С. 66–79.

189. Ревзина, О.Г. Марина Цветаева / О.Г. Ревзина // Очерки истории языка русской поэзии XX века: опыты описания идиостилей. – Москва : Наследие, 1995. – С. 305–362.

190. Ревзина, О.Г. Окказиональное слово в поэтическом языке / О.Г. Ревзина // Словарь поэтического языка Марины Цветаевой : в 4 т. Т. 2 : Д-Л / сост. И.Ю. Белякова, И.П. Оловянникова, О.Г. Ревзина. – Москва : ДМЦ, 1998. – 552 с.

191. Ревзина, О.Г. Поэтика окказионального слова / О.Г. Ревзина // Язык как творчество: Сб. науч. тр. к 70-летию В. П. Григорьева. – Москва : ИРЯ РАН, 1996. – С. 303–308.

192. Ревзина, О.Г. Системно-функциональный подход в лингвистической поэтике и проблемы описания поэтического идиолекта : дис. ... докт. филол. наук : 10.02.01 / О.Г. Ревзина. – Москва, 1999. – 286 с.

193. Рогожникова, Р.П. Служебные слова и принципы их лексикографического описания : автореф. дис. ... докт. филол. наук : 10.02.01 / Р.П. Рогожникова. – Москва, 1974. – 25 с.

194. Родичева, Э.И. К проблеме антонимии / Э.И. Родичева // Семантические и фонологические проблемы прикладной лингвистики : сб. ст. / под общ. ред. В.А. Звегинцева. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1968. – С. 262–297.

195. Рождественский, В.А. Страницы жизни. Из литературных воспоминаний / В.А. Рождественский. – Москва ; Ленинград : Советский писатель, 1962. – 382 с.

196. Розенталь, Д.Э. Современный русский язык / Д.Э. Розенталь, И.Б. Голуб, М.А. Теленкова. – Москва : Айрис-пресс, 2010. – 448 с.

197. Романюк, М.А. Антонимические блоки в английском сленге / М.А. Романюк // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия : Гуманитарные и социальные науки. – 2014. – № 4. – С. 93–97.

198. Сазонова В.А. Межчастеречная антонимия (на материале художественной прозы А.П. Чехова) // Мир науки, культуры, образования, №. 1. – 2011. – С. 10-12.

199. Сазонова, В.А. Антонимы как средство выражения контраста в языке и художественной речи: на материале прозы А.П. Чехова : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / В.А. Сазонова. – Красноярск, 2011. – 165 с.

200. Саидова, С.М. Адъективные антонимичные словообразовательные гнезда в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / С.М. Саидова. – Ташкент, 1980. – 20 с.

201. Сайидирахимова, Н.С. Семантические типы синтетических антонимов в узбекском языке / Н.С. Сайидирахимова // Ўзбекистонда хорижий тиллар. – 2021. – № 5 (40). – С. 30-36

202. Самигулина, Ф.Г. Грамматическая антитеза как средство объективации эмоционального смысла в дискурсе / Ф. Г. Самигулина // Вестник БФУ им. И. Канта. Серия : Филология, педагогика, психология : Когнитивно-дискурсивные аспекты лингвистических исследований. – 2013. – Вып. № 2. – С. 71–79.

203. Сафин, Р.Н. Словообразовательная антонимия в русском языке : на материале прилагательных : дис. ...канд. филол. наук : 10.02.01 / Р.Н. Сафин. – Казань, 1989. – 184 с.

204. Седых, Э.В. Контраст в поэзии как один из типов выдвижения : На примере циклов стихотворений «Песни Неведения», «Песни Познания» Уильяма Блейка) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Э.В. Седых. – Санкт-Петербург, 1997. – 208 с.

205. Селивёрстова, О.Н. Местоимения в языке и речи / О.Н. Селивёрстова ; отв. ред. В.Н. Ярцева. – Москва : Наука, 1988. – 151 с.

206. Скворцова, Н.С. Антонимические отношения в английской фразеологии : на примере концептов ‘success’ – ‘failure’ : диссертация ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Н.С. Скворцова ; [Место защиты: Московский государственный лингвистический университет]. – Москва, 2019. – 218 с.

207. Скворцова Н.С. Опыт изучения антонимических отношений во фразеологии сквозь призму когнитивной лингвистики // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки, №. 13 (807). – 2018. – С. 259–270.

208. Скляревская, Г.Н. Слово в меняющемся мире: русский язык начала XXI столетия: состояние, проблемы, перспективы / Г.Н. Скляревская // Исследования по славянским языкам. – № 6. – Сеул, 2001. – С. 177–202.

209. Склярова, О.С. Типологические свойства антонимов в структуре монологического текста / О.С. Склярова, И.И. Горина // *Litera*, изд. Nota Rene, 2019. 261 с. – С. 53–59.

210. Слепнева, М.И. Антонимические отношения семантических полей добродетелей (*vertus*) и пороков (*vices*) в тексте «Опытов» Монтеня // Записки Горного института. 2007. – Т. 120. – С. 271–274.

211. Соколова, Н.Л. К проблеме определения и классификации антонимов и их стилистического использования / Н.Л. Соколова // Филологические науки. – 1977. – № 6. – С. 60–69.

212. Старовойтова, Е.О. Структурно-семантические особенности антонимо-синонимических блоков в русском и испанском языках / Е.О. Старовойтова // Известия ВГПУ. – Т. 64. – 2011. – № 10. – С. 35–38.

213. Стернин, И.А. Лексическое значение слова в речи / И.А. Стернин. – Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 1985. – 170 с.

214. Судоплатова, Г.А. Стилистические функции оксюморона в поэзии Марины Цветаевой / Г.А. Судоплатова // Ученые записки ЗабГТПУ : Филология, история, востоковедение. – 2012. – Вып. 2. – С. 57–60.

215. Сулименко, Н.Е. Современный русский язык : слово в курсе лексикологии : учеб. пособие для студентов вузов / Н.Е. Сулименко. – Москва : Флинта : Наука, 2008. – 350 с.

216. Тихонов, А.Н. Антонимы и словообразование / А.Н. Тихонов, С.А. Емельянова // Вопросы русского и общего языкознания :

сб. науч. тр. Ташкентского ун-та. – Ташкент, 1976. – № 501. – С. 126–130.

217. Тихонов, А.Н. Антонимия лексическая и антонимия словообразовательная / А.Н. Тихонов, С.М. Саидова, // Русский язык в школе. – 1980. – № 4. – С. 67–71.

218. Толстая, А.Л. Антонимия как механизм создания контраста в современной публицистической речи : на материале русского и немецкого языков : автореф. диссертации ... канд. филол. наук : 10.02.20 / А.Л. Толстая; [Место защиты: Рос. ун-т дружбы народов]. – Москва, 2010. – 22 с.

219. Томашевский, В.Б. Теория литературы / В.Б. Томашевский // Поэтика. Изменение значения слова (Поэтическая семантика. Тропы) – Москва : Аспект-Пресс, 1999. – 334 с.

220. Тумбина, О.В. Контраст и парадокс в повествовательной прозе Оскара Уайльда: К характеристике творческого метода писателя : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.03 / О.В. Тумбина. – Санкт-Петербург, 2004. – 191 с.

221. Туранина, Н.А. Выразительные возможности синонимов и антонимов в произведениях А. Лиханова / Н.А. Туранина, Г.А. Кулюпина, Л.М. Курганская // Международный научно-исследовательский журнал, № 3-2 (57). – 2017. – С. 49–51.

222. Унукович, В.В. Языковые средства выражения противоположности в контексте (на материале адекативных номинаций современного английского языка): дис. ... канд. филол. наук / В.В. Унукович. – Киев, 1986. – 165 с.

223. Успенский, Л.В. Коротко об афоризмах // Афоризмы. – Ленинград : Наука, 1964. – С. 23–24.

224. Утенков, Г.В. Прагматическая функция антонимов и антитезы в инаугурационных речах президентов США / Г.В. Утенков // Вестник Московского государственного областного университета. – Серия «Лингвистика». № 1. – Москва : Издательство МГОУ. – 2007. – С. 178–187.

225. Уфимцева, А.А. Опыт изучения лексики как системы (на материале английского языка) / А.А. Уфимцева. – Москва : Изд-во Академии наук СССР, 1962. – 288 с.

226. Федосов, Ю.В. Принципы построения идеографического антонимо-синонимического словаря русского языка: дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Ю.В. Федосов. – Волгоград, 2002. – 442 с.

227. Фельдман, Н.И. Окказиональные слова и лексикография / Н.И. Фельдман // Вопросы языкознания. – 1957. – № 4. – С. 64–73.

228. Фещенко, В.В. Лаборатория логоса: языковой эксперимент в авангардном творчестве: монография [Электронный ресурс] / В.В. Фещенко. – Москва : Языки славянских культур, 2009. – 392 с. – Режим доступа: http://lib.rin.ru/book/laboratorija-logosa-jazykovojeksperiment-v-avangardnom-tvorchestve_vladimir-valentinovich-feschenko/text/.

229. Филин, Ф.П. Очерки по теории языкознания / Ф.П. Филин. – Москва : Наука, 1982. – 318 с.

230. Халиков, М.М. Лексико-семантическая характеристика антонимических контекстов (на материале современного немецкого языка) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / М.М. Халиков. – Санкт-Петербург, 1983. – 156 с.

231. Царегородцева, Н.В. Межчастеречная антонимия в аспекте взаимодействия когниции и коммуникации // Когнитивные исследования языка» (Вып. XXIX, 2017). – С.117–119.

232. Цзин, К. Текстобразующие функции антонимии в рассказах А.П. Чехова : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / К. Цзин. – Москва, 2000. – 162 с.

233. Чепасова, А.М. Лексические и фразеологические предлоги в современном русском языке : учеб. пособие / А.М. Чепасова, Т.Г. Голошапова, Н.А. Павлова [и др.]. – Москва : Флинта, 2012. – 176 с.

234. Черных, Н.В. Семантическая емкость слова в рамках теории семантического поля (на материале поэзии М.И. Цветаевой) : авто-

реф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Н.В. Черных. – Ростов-на-Дону, 2003. – 25 с.

235. Черняк, В.Д. Лексикология. Синонимы в русском языке: учеб. пособие для академ. бакалавриата / В.Д. Черняк. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Юрайт, 2017. – 130 с.

236. Шаяхметова, Н.К. Семантические неологизмы в контексте М.И. Цветаевой: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Н.К. Шаяхметова. – Алма-Ата, 1979. – 21 с.

237. Шанский, Н.М. Лексикология современного русского языка / Н.М. Шанский. – Москва : Просвещение, 1972. – 327 с.

238. Шевеленко, И.Д. Литературный путь Цветаевой: идеология – поэтика – идентичность автора в контексте эпохи / И. Д. Шевеленко. – Москва : Новое литературное обозрение, 2002. – 464 с.

239. Шевченко, Н.М. Языковая личность М. Цветаевой как объект лексикографии: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Н.М. Шевченко. – Москва, 2015. – 472 с.

240. Шейдаева, С.Г. Категория субъективной оценки в русском языке : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / С.Г. Шейдаева. – Ижевск, 1998. – 275 с.

241. Шелякин, М.В. Функциональная грамматика русского языка / М.А. Шелякин. – Москва : Русский язык, 2001. – 287 с.

242. Шестакова, Э.Г. Оксюморон как категория поэтики (на материале русской поэзии XIX – первой трети XX веков). – Донецк : НОРД-ПРЕСС, 2009. – 209 с.

243. Шиганова, Г.А. Антонимия предлогов как явление системы (на материале русского и французского языков) / Г.А. Шиганова, С.И. Суровцева // Вестник ЧГПУ. – 2012. – Вып. 11. – С. 328–335.

244. Шлемова, Н.А. Марина Цветаева. Космос поэзии. Монография. [Электронный ресурс] / Н.А. Шлемова. – 2007. Режим доступа: <http://www.proza.ru/2014/01/21/1959>.

245. Шмелев, А.Г. Введение в экспериментальную психосемантику / А.Г. Шмелев. – Москва : МГУ, 1983. – 157 с.

246. Шмелев, Д.Н. Современный русский язык. Лексика / Д.Н. Шмелев. – Москва : Просвещение, 1977. – 335 с.

247. Щур, Г.С. Теории поля в лингвистике / Г.С. Щур. – Москва : Наука, 1974. – 256 с.

248. Эпштейн, М.Н. Анафраза как языковой феномен и литературный приём / М.Н. Эпштейн // Вопросы литературы. ЖЗ. – 2006. – № 5. – [Электронный ресурс] / М.Н. Эпштейн. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/voplit/2006/5/ep14.html>.

249. Эпштейн, М.Н. Проективный лексикон русского языка «Дар слова» [Электронный ресурс] / М.Н. Эпштейн. – Режим доступа:

<http://subscribe.ru/archive/linguistics.lexicon/200701/28190518.html>.

250. Эфрон, А.С. О Марине Цветаевой: Воспоминания дочери [Электронный ресурс] / А.С. Эфрон. – Москва : Советский писатель, 1989. – 480 с. – Режим доступа:

http://modernlib.ru/books/efron_ariadna/o_marine_cvetaevoy_vospominaniya_docheri/read/.

251. Южанникова, М.А. Феномен двусмысленности как основание стилистических приемов в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / М.А. Южанникова. – Красноярск, 2016. – 208 с.

252. Якобсон, Р.О. Работы по поэтике / Р.О. Якобсон. – Москва : Прогресс, 1987. – 464 с.

253. Ipsen, G. Der alte Orient und die Indogermanen / G. Ipsen // Stand und Aufgaben der Sprachwissenschaft. Festschrift für W. Streiberg. – Heidelberg, 1924. – P. 200–237.

254. Ipsen, G. Der neue Sprachbegriff / G. Ipsen // Zeitschrift für Deutschkunde. – 1932, 46. – P. 1–18.

255. Murphy, M. Lvnne. Semantic relations and the lexicon: antonymy, synonymy, and other paradigms. Cambridge: Cambridge University Press. – 2003. – 292 pp.

256. Porzig, W. Das Wunder der Sprache, 3-t Aufl / W. Porzig. – Berlin, München, 1962. – P. 117–135.

257. Trier, J. Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Vorstandes. (Die Geschichte einssprachliches Feldes) / J. Trier. – Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1931. – 347 s.

Словари и энциклопедии

258. Абрамов, Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений [Электронный ресурс] / Н. Абрамов. – Москва : Русские словари, 1999. – 638 с. – Режим доступа: http://gramota.ru/slovari/info/abr/intro_ap/.

259. Александрова, З.Е. Словарь синонимов русского языка : практический справочник. Ок. 11 000 синоним. рядов / З.Е. Александрова. – Москва : Русский язык, 2001. – 568 с.

260. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – Москва : Советская энциклопедия, 1969. – 608 с.

261. Бабенко, Л. Г. Словарь синонимов русского языка / под общей ред. Л. Г. Бабенко. – Москва : Астрель, АСТ, 2011. – 688 с.

262. БТСРЯ, 2000: Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург : Норинт, 2000. – 1536 с.

263. БФСРЯ, 2012: Большой фразеологический словарь русского языка / отв. ред. В. Н. Телия. – Москва : Ридерз Дайджест, 2012. – 784 с.

264. БЭС, 1998: Большой энциклопедический словарь. Языкознание / гл. ред. В. Н. Ярцева. – Москва : Большая российская энциклопедия, 1998. – 685 с.

265. Введенская, Л.А. Словарь антонимов русского языка : около 500 антоним. гнезд / Л.А. Введенская. – Москва : Астрель : АСТ, 2008. – 445 с.

266. Гладкий, В.Д. Древний мир : энциклопедический словарь : в 2 т. Т. 2. / В.Д. Гладкий. – Донецк : МП «Отечество», 1997. – 480 с.

267. Евгеньева, А.П. Словарь синонимов : справ. пособие / А.П. Евгеньева. – Ленинград : Наука, 1975. – 618 с.

268. Ефремова, 2006-1: Ефремова, Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. Т. 1. А – Л / Т.Ф. Ефремова. – Москва : АСТ, 2006. – 1165 с.

269. Ефремова, 2006-2: Ефремова, Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. Т. 2. М – П / Т. Ф. Ефремова. – Москва : АСТ, 2006. – 1168 с.

270. Ефремова, 2006-3: Ефремова, Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. Т. 3. Р – Я / Т. Ф. Ефремова. – Москва : АСТ, 2006. – 973с.

271. СЛТ, 2010: Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. – 5-е изд., испр. и доп. – Назрань : Пилигрим, 2010. – 486 с.

272. Колесников, Н.П. Словарь антонимов русского языка / под ред. Н.М. Шанского. – Тбилиси : ТбилУ, 1972. – 313 с.

273. ЛЭТП: Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. – Москва : НПК «Интелвак», 2001. – 1600 стб. Стб.187. ст. М.Л. Гаспарова.

274. Львов, М.Р. Словарь антонимов русского языка : более 2 000 антонимических пар / под ред. Л. А. Новикова. – Москва : Русский язык, 1984. – 384 с.

275. Матвеева, Т.В. Учебный словарь : русский язык, культура речи, стилистика, риторика. – Москва : Флинта ; Наука, 2003. – 432 с.

276. Матвеева, Т.В. Полный словарь лингвистических терминов / Т.В. Матвеева. – Ростов-на-Дону, 2010. – 562 с.

277. Москвин, В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2007. – 940 с.

278. НПЭ: Национальная психологическая энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vocabulary.ru>. (дата обращения: 12.12.2024)

279. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова ; РАН Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – Москва : Азбуковник, 1999. – 944 с.

280. РГ, 1980: Русская грамматика: в 2 т. Т.1. [Электронный ресурс] – Москва, 1980. – Режим доступа:
<http://rusgram.narod.ru/index1.html>
281. РГ, 1982: Русская грамматика: в 2 т. Т.2. [Электронный ресурс] – Москва, 1982. – Режим доступа:
<http://rusgram.narod.ru/index2.html>
282. СЛМСРЯ, 2003: Система лексических минимумов современного русского языка : 10 лексич. списков : от 500 до 5 000 самых важных рус. слов / Г. Ф. Богачева, Н. М. Луцкая, В. В. Морковкин, З. П. Попова : под ред. В. В Морковкина. – Москва : Астрель : АСТ, 2003. – 768 с.
283. СРЯ, 1999-1: Словарь русского языка : в 4 т. Т. 1. А – Й / РАН, Ин-т лингвистических исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. – Москва : Русский язык : Полиграфресурсы, 1999. – 736 с.
284. СРЯ, 1999-2: Словарь русского языка : в 4 т. Т. 2. К – О / РАН, Ин-т лингвистических исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. – Москва : Русский язык : Полиграфресурсы, 1999. – 702 с.
285. СРЯ, 1999-3: Словарь русского языка : в 4 т. Т. 3. П – Р / РАН, Ин-т лингвистических исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. – Москва : Русский язык : Полиграфресурсы, 1999. – 752 с.
286. СРЯ, 1999-4: Словарь русского языка : в 4 т. Т. 4. С – Я / РАН, Ин-т лингвистических исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. – Москва : Русский язык : Полиграфресурсы, 1999. – 800 с.
287. Словарь синонимов : Справочное пособие / под ред. А.П. Евгеньевой. – Ленинград : Наука, 1975. – 648 с.
288. ССиА, 2013: Словарь синонимов и антонимов современного русского языка : 50 000 слов / под ред. А.С. Гавриловой. – Москва : Аделант, 2013. – 800 с.
289. ССРЛЯ, 1951: Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. : Т.2. : В. – Москва ; Ленинград : Изд-во Академии наук СССР. – 1951.

290. ССРЛЯ, 1955: Словарь современного русского литературного языка: в 17 т.: Т.4.: Ж – З. – Москва ; Ленинград : Изд-во Академии наук СССР. – 1955.

291. ССРЛЯ, 1957: Словарь современного русского литературного языка: в 17 т.: Т.6.: Л – М. – Москва ; Ленинград : Изд-во Академии наук СССР. – 1957.

292. ССРЛЯ, 1958: Словарь современного русского литературного языка: в 17 т.: Т.7.: Н – Москва ; Ленинград : Изд-во Академии наук СССР. – 1958.

293. СЭСРЯ, 2006: Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной; члены редкол.: Е.А. Баженова, М.П. Котюрова, А.П. Сквородников. – Москва : Флинта : Наука, 2006. – 696 с.

294. ТФГ, 2001: Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. – 2-е изд. – Москва, 2001.

295. Толковый словарь русского языка : в 4 т. Т. 1-4 [Электронный ресурс] / под ред. Д.Н. Ушакова. – Москва : Гос. издат. иностранных и национальных словарей, 1934–1940. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/>.

296. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. Т. 3 : (Муза-Сят) / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачёва. – Москва : Прогресс, 1986. – 830 с.

297. Федоров, А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А.И. Федоров. – Москва : Астрель : АСТ, 2008. – 828 с.

298. Фещенко, В.В. Лаборатория логоса: языковой эксперимент в авангардном творчестве : монография [Электронный ресурс] / В.В. Фещенко. – Москва : Языки славянских культур, 2009. – 392 с. – Режим доступа: http://lib.rin.ru/book/laboratorija-logosa-jazykovoje-eksperiment-v-avangardnom-tvorchestve_vladimir-valentinovich-feschenko/text/.(дата обращения: 23.12.2024).

299. ФСРЛЯ, 2004: Фразеологический словарь русского литературного языка / под ред. проф. А.Н. Тихонова ; сост. А.Н. Тихонов, А.Г. Ломов, А.В. Королькова : справ. изд. : в 2 т. Т. 1. – Москва : Флинта : Наука, 2004. – 832 с.

300. ФЭС, 1983: Философский энциклопедический словарь / Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. – Москва : Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.

301. Цыганенко, Г.П. Словарь служебных морфем русского языка. – Киев : Рад. школа, 1982. – 240 с.

302. ЭСРЯ, Крылов: Этимологический онлайн-словарь Г.А. Крылова, Режим доступа:

URL:<https://lexicography.online/etymology/>

303. ЭСРЯ, Шанский: Этимологический онлайн-словарь русского языка Н.М. Шанского [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://shansky.lexicography.online/>.

Источники языкового материала

304. Цветаева, М. Девять писем с десятым, невернувшимся, и одиннадцатым, полученным, – и послесловием / М. Цветаева ; вст. и пер. с фр. Ю. Клюкин // Октябрь, 1992. – № 10. – С. 160–174.

305. Цветаева, 2000: Цветаева, М. Неизданное. Записные книжки : в 2 т. Т. 1. 1913 – 1919 / подгот. текста, предисл. и примеч. Е. Б. Коркиной, М. Г. Крутиковой. – Москва : Эллис Лак, 2000. – 560 с.

306. Цветаева, 2001: Цветаева, М. Неизданное. Записные книжки : в 2 т. Т. 2: 1919 – 1939 / подгот. текста, предисл. и примеч. Е. Б. Коркиной, М. Г. Крутиковой. – Москва : Эллис Лак, 2001. – 544 с.

307. Цветаева, М. Неизданное. Сводные тетради / подг. текста, предисл. и примеч. Е. Б. Коркиной, И. Д. Шевеленко. – Москва : Эллис Лак, 1997. – 640 с.

308. Цветаева, 1994-1: Цветаева, М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1 : Стихотворения / сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. – Москва : Эллис Лак, 1994. – 640 с.

309. Цветаева, 1994-2: Цветаева, М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 2 : Стихотворения. Переводы / сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. – Москва : Эллис Лак, 1994. – 592 с.
310. Цветаева, 1994-3: Цветаева, М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 3: Поэмы. Драматические произведения / сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. – Москва : Эллис Лак, 1994. – 816 с.
311. Цветаева, 1994-4: Цветаева, М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 4 : Воспоминания о современниках. Дневниковая проза / сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. – Москва : Эллис Лак, 1994. – 688 с.
312. Цветаева, 1994-5: Цветаева, М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 5 : Автобиографическая проза. Статьи. Эссе. Переводы / сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. – Москва : Эллис Лак, 1994. – 720 с.
313. Цветаева, 1995-6: Цветаева, М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 6 : Письма / вступ. ст. А. Саакянц; сост., подгот. текста и коммент. Л. Мнухина. – Москва : Эллис Лак, 1995. – 798 с.
314. Цветаева, 1995-7: Цветаева, М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 7 : Письма / сост., подгот. текста и коммент. Л. Мнухина. – Москва : Эллис Лак, 1995. – 847 с.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ПРОБЛЕМЫ ОПИСАНИЯ АНТОНИМОВ.....	10
1.1. Аспекты изучения антонимии.....	10
1.2. Узкий и широкий подход к истолкованию антонимов.....	15
1.2.1. Полные и неполные антонимы (квазиантонимы).....	18
1.2.2. Языковые и речевые антонимы.....	25
1.2.3. Лексические и грамматические антонимы.....	34
1.2.4. Понятие антонимического контекста.....	37
ГЛАВА 2. ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ И ОСОБЕННОСТИ ЕЁ ПРОЗЫ.....	42
2.1. Отличительные черты языковой личности М.И. Цветаевой.....	42
2.1.1. Амбивалентность.....	43
2.1.2. Антонимия как доминантная черта идиостиля.....	45
2.2. Особенности прозы М.И. Цветаевой.....	48
2.2.1. Поэтичность.....	48
2.2.2. Афористичность.....	49
ГЛАВА 3. СИСТЕМА АНТОНИМОВ В ПРОЗЕ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ.....	52
3.1. Языковой эксперимент как предпосылка образования индивидуально-авторских антонимов.....	52
3.2. Принципы выявления языковых и индивидуально- авторских (оказиональных) антонимов в прозе М.И. Цветаевой.....	56
3.3. Индивидуально-авторские антонимы, созданные с опорой на имеющиеся ресурсы языка.....	62
3.3.1. Лексические антонимы.....	63
3.3.2. Фразеологические антонимы.....	65

3.3.3. Грамматические антонимы	67
3.3.3.1. Словообразовательные антонимы	67
3.3.3.2. Морфологические антонимы	71
3.3.3.3. Антонимия на уровне служебных частей речи	76
3.3.3.4. Местоимения-антонимы	79
3.3.3.5. Синтаксические антонимы	81
3.3.4. Фонетические антонимы	85
3.3.5. Стилистические антонимы	86
3.4. Индивидуально-авторские антонимы-неологизмы	89
3.4.1. Лексические антонимы-неологизмы	90
3.4.2. Морфологические антонимы-неологизмы	96
3.5. Индивидуально-авторские антонимы, основанные на взаимодействии антонимии и синонимии	98
ГЛАВА 4. СИСТЕМА АНТОНИМОВ, ПРЕДСТАВЛЕННАЯ НА УРОВНЕ ПАРАДИГМЫ	104
4.1. Антонимическая парадигма как начальное звено лексической противоположности	104
4.1.1. Типы отношений внутри антонимической парадигмы	108
4.1.2. Структура и семантика антонимической парадигмы ...	112
4.1.2.1. Квантитативный (количественный) состав антонимической парадигмы	112
4.1.2.2. Одночастеречная и межчастеречная антонимия ..	121
4.1.3. Особенности антонимической парадигмы в прозе М.И. Цветаевой	136
ГЛАВА 5. СИСТЕМА АНТОНИМОВ, ПРЕДСТАВЛЕННАЯ НА УРОВНЕ АНТОНИМИЧЕСКОГО БЛОКА	140
5.1. Понятие антонимического блока	140
5.2. Антонимические блоки-композицы в прозе М.И. Цветаевой	144
ГЛАВА 6. СИСТЕМА АНТОНИМОВ, ПРЕДСТАВЛЕННАЯ НА УРОВНЕ АНТОНИМИЧЕСКОГО ПОЛЯ	152
6.1. Понятие и функции антонимического поля	152

6.2. Параметры антонимического текстового семантического поля.....	160
6.3. Синкретичное антонимическое поле «Физиологическое существование человека».....	163
6.4. Синкретичное антонимическое поле «Время».....	177
6.5. Синкретичное антонимическое поле «Пол человека»	184
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	194
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	198
ОГЛАВЛЕНИЕ	230

Научное издание

Кашицына Евгения Григорьевна
Милютина Марина Георгиевна

Равновесие бездн и вершин
Особенности организации
антонимической системы в прозе М.И. Цветаевой

Монография

Авторская редакция

Подписано в печать 10.07.2025 Формат 60x84 1/16
Усл. печ. л. 13,6. Уч. изд. л. 12,02.
Тираж 500 экз. Заказ № 1058.

Издательский центр «Удмуртский университет»
426034, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4Б, каб. 021
Тел. : + 7 (3412) 916-364, E-mail: editorial@udsu.ru

Типография Издательского центра «Удмуртский университет»
426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 2.
Тел. 68-57-18